

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019, №2

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Белилина Е.В.; Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical *Japanese Studies in Russia* has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science (in Russian Federation): 07.00.00 History and Archaeology 08.00.00 Economics 23.00.00 Political Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Corresponding member of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Belilina Elena V.; Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V.; Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Щепкин В.В. Ватанабэ Кадзан (1793–1841) и его сочинение «Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия»	6
Спиридонов Г.Б. Синтоистские паланкины: прошлое и настоящее	20
Долин А.А. Песни «весёлых кварталов» как литературный феномен эпохи Эдо	40
Панов А.Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации	63
Швыдко В.Г. «Абэномика»: смена концепции	95
Дацышен В.Г., Ипеева А.А. Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны	109

Научная жизнь

Нечаева Л.Т. О международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве»	127
Сахарова Е.Б. Дискуссионные проблемы современной японистики	134

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2019, No. 2

CONTENTS

Shchepkin V.V. Watanabe Kazan and his essay “On the [Favorable] Moment [to Display] Reasonableness”	6
Spiridonov G.B. Portable Shinto shrines: past and present	20
Dolin A.A. Songs of the licensed quarters as a literary phenomenon of the Edo period	40
Panov A.N. The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a difficult path to signing, a hard destiny after the ratification	63
Shvydko V.G. “Abenomics”: a change in the concept	95
Datsyshen V.G., Ipeeva A.A. Japanese presence in the Far East of Russia on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War	109

Academic Events

Nechaeva L.T. About the international scientific-practical conference “Japanese Language in Educational Space”	127
Sakharova E.B. Debatable issues of modern japanology	134

Японские исследования. 2019. №2. С. 6–19.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 6–19.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10009

Ватанабэ Кадзан (1793–1841) и его сочинение «Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия»^{*}

В.В. Щепкин

Аннотация. В данной публикации представлен первый перевод на русский язык сочинения «Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия», автором которого является известный японский художник и мыслитель, последователь «западных наук» Ватанабэ Кадзан (1793–1841). Сочинение было написано в 1838 г. как реакция на обстрел японским правительством годом ранее американского торгового судна «Моррисон», доставившего на родину унесённых течением японцев (хотя, судя по тексту, автор не знал всех обстоятельств инцидента). Основной призыв автора – проявить благоразумие, то есть перестать закрывать глаза на меняющийся мир и осознать положение в нём Японии, а для этого – обратиться к западным наукам, поборником которых он сам являлся, и пересмотреть политику в отношении иностранных судов. Большое внимание в своём сочинении Ватанабэ Кадзан уделяет Великобритании и России, представляя эти два государства как крупнейшие мировые державы, но в то же время противопоставляя их по ряду параметров. В целом, автор демонстрирует высокую осведомлённость о ситуации в мире и неплохие познания в мировой истории, проводя аналогии между Японией и другими странами мира, а его сочинение показывает степень развития «западных наук» в Японии 1830-х годов. Во вступительной статье изложены обстоятельства обстрела судна «Моррисон» и создания сочинения Ватанабэ Кадзан. Распространение сочинения со схожим содержанием под названием «Рассказ о сне в год Бодзюцу», автором которого был Такано Тёэй, друг и единомышленник Ватанабэ Кадзан, привело к репрессиям центрального правительства против поборников «западных наук» по инициативе чиновника Тории Ёдзо. Рукопись «Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия» была обнаружена в доме Ватанабэ Кадзан при обыске и стала поводом к обвинениям в его адрес. Автор был приговорён к домашнему аресту в родном княжестве, а спустя два года покончил с собой, совершив *сэппуку*.

Ключевые слова: рангаку, внешняя политика Японии, Ватанабэ Кадзан, указ о силовом выдворении иностранных судов, обстрел судна «Моррисон», критика бакуфу.

Автор: Щепкин Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, доцент Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (СПб). E-mail: vshepkin@gmail.com.

^{*} Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента РФ для молодых учёных – кандидатов наук (проект № МК-3996.2018.6).

Watanabe Kazan and his essay “On the [Favorable] Moment [to Display] Reasonableness”

Shchepkin V.V.

Abstract. This publication presents the first translation into Russian of the essay “On the [Favorable] Moment [to Display] Reasonableness” (“Shinkiron”) written by a famous Japanese artist and intellectual, an adherent of Dutch studies Watanabe Kazan (1793-1841). This essay was written in 1838 as a response to the shooting attack on the United States trade ship “Morrison”, which delivered shipwrecked Japanese sailors, by Japanese government in the previous year (even though the author didn’t know all details concerning the incident). The main appeal of the author is to display reasonableness, that is to stop shying away from the changing world and to realize Japan’s situation in it, and for this end to turn to Western learning whose adherent the author was, and to reconsider the policy toward foreign vessels. In his essay, Watanabe Kazan pays great attention to Great Britain and Russia by presenting these two countries as greatest world powers but comparing them on several characteristics. In general, the author shows deep knowledge of the global situation and world history, making comparisons between Japan and other countries of the world, while his essay is indicative of the development of Western studies in 1830s’ Japan. The preface represents the details of the attack on the “Morrison” and the creation of the essay. The spread of “The Tale of a Dream in *Bojutsu* Year” written by Kazan’s friend and like-minded person Takano Choei led to punitive measures by the government against advocates of Western learning. The manuscript of “Shinkiron” was discovered during the search at Kazan’s house and the author was sentenced to home arrest and committed suicide two years later.

Keywords: rangaku (Dutch studies), foreign policy of Japan, Watanabe Kazan, Edict to Repel Foreign Vessels, Morrison incident, critics of the bakufu

Author: Shchepkin Vasilii V., PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg). E-mail: vshepkin@gmail.com.

19-го числа 2-го месяца 8-го года под девизом правления Бунсэй (7 апреля 1825 г. по григорианскому календарю) центральное правительство Японии издало указ о силовом выдворении иностранных судов, согласно которому любое иностранное судно, приблизившееся к берегам Японии, должно было подвергаться огневой атаке. С одной стороны, указ стал реакцией на возросшее число иностранных рыболовных и китобойных судов в японских водах, экипажи которых предпринимали попытки высадиться на берег для пополнения запасов еды и воды (имел место даже эпизод кражи крупного рогатого скота, что упоминалось в тексте указа). С другой – он стал логичным итогом процесса осознания положения Японии в мире и выработки внешнеполитических мер высшими чиновниками центрального правительства, начавшегося в конце XVIII века с визитом российской миссии под руководством А. Лаксмана. Пожалуй, наиболее известным случаем исполнения этого указа стало выдворение американского торгового судна «Моррисон» летом 1837 г.

Торговцы из США ещё с конца XVIII века проявляли интерес к установлению торговых отношений с Японией: в 1791 г. такую попытку осуществил экипаж судна «Леди Вашингтон», однако тогда не удалось даже пристать к берегу [Цу:ко: итиран, 1967, с. 229].

Отправка судна «Моррисон» была инициирована торговой компанией «Олифант». Поводом послужило возвращение на родину семерых японских моряков, четверо из которых были обнаружены на потерпевшем крушение судне в Восточно-Китайском море и доставлены в Макао, а ещё трое вынесены течением к Ванкуверу и позже доставлены британцами туда же. Миссию сопровождал торговый партнёр компании Чарльз Кинг, которому была выдана объяснительная записка на китайском языке для чиновников бакуфу с изложением целей экспедиции. Также на борту находился известный миссионер Карл Гюцлав, хотя христианских книг при нём не было. Кроме того, с судна заблаговременно были сняты все орудия, чтобы подчеркнуть его мирные намерения [The Cambridge History of Japan, 1989, p. 125].

30 июля 1837 г. «Моррисон» подошёл к бухте Урага, однако практически сразу по указу наместника бакуфу, ответственного за береговую оборону залива Эдо, был подвергнут артиллерийскому обстрелу. Судну пришлось отойти в бухту Ноби, но обстрел повторился и там. В то же время, экстренно мобилизованные воины княжества Кавагоэ отказались начать боевые действия, сославшись на недостаточную подготовку, а местные рыбаки даже поднимались на борт иностранного судна и с радостью получали в подарок подготовленные для японских чиновников образцы товаров [Ёкояма, 2013, с. 279–280].

После первой неудачи «Моррисон» повторил попытку в водах княжества Сацума. 10 августа двое из бывших на борту японцев высадились на берег у бухты Сата и вступили в контакт с местными жителями, которые пообещали предоставить питьевую воду, однако в конечном счёте власти княжества всё же решили прибегнуть к обстрелу для выдворения судна, после чего ему не оставалось ничего другого, кроме возвращения в Макао [Ёкояма, 2013, с. 279–280].

Спустя почти год после этого происшествия, 26 июля 1838 г. глава голландской торговой фактории Йоханес Ниман представил наместнику правительства в Нагасаки Кудзэ Хиромаса документ под названием «Подробности отправки в Японию английского судна “Моррисон”», основанный на полученной от экипажа прибывшего голландского судна информации. В нём в том числе говорилось, что на судне «Моррисон», обстрелянном в прошлом году, находились японцы, унесённые морским течением [Фудзита, 1989, с. 22]. Обратим также внимание на то, что судно было ошибочно названо английским.

Получив этот документ, Кудзэ Хиромаса направил его в центральное правительство, сопроводив запросом о том, можно ли приказать возвращать унесённых в другие страны японцев на голландских судах. Обсуждение этого вопроса вылилось в серьёзное противостояние внутри высших эшелонов правительства по вопросу применения указа 1825 г. [Фудзита, 2005, с. 275–276]. Оно нашло отражение, в частности, в соперничестве двух чиновников – Тории Ёдзо (1796–1873) и Эгава Хидэтацу (1801–1855) – особенно в годы проведения реформ правления Тэмпо (1841–1843). Однако ещё до начала реформ невольной жертвой этого противостояния стал известный художник и голландовед, старший вассал княжества Тахара Ватанабэ Кадзан (1793–1841) [Толстогузов, 1999, с. 158–159].

Ватанабэ Кадзан вместе с Эгава Хидэтацу являлся членом «Общества почитания стариков» (яп. *сё:сикай* 尚齒会), объединявшего широкий круг учёных и чиновников центрального правительства с целью изучения западных наук для решения текущих проблем Японии. Ватанабэ Кадзан, как старший вассал княжества Тахара, имевшего весьма протяжённую береговую линию, в 1832 г. был назначен ответственным за морскую оборону,

и его интерес к западным знаниям распространился со сферы живописи, которой он увлекался с детства, на более практические вопросы. Он привлёк в качестве экспертов известнейших голландоведов своего времени Такано Тёэй (1804–1850) и Косэки Санъэй (1787–1839). Постепенно вокруг них сформировался целый круг единомышленников, куда наряду со многими бывшими учениками Ф.Ф. фон Зибольда (1796–1866) и известного голландоведа первой четверти XIX века Ёсида Тёсюку (1779–1824) входили, например, будущий визави Е.В. Путятина при заключении Симодского трактата Кавадзи Тосиакира (1801–1868) и преподаватель придворной конфуцианской школы Сёхэйдзака Кога Доан (1788–1847), известный составлением крупнейшего свода сведений о нашей стране «Записи слухов о России» (яп. *Оросия кибун* 俄羅斯紀聞).

Когда в конце 1838 г. Тории Ёдзо и Эгава Хидэтацу было поручено провести инспекцию береговой обороны залива Эдо, Эгава привлёк в качестве геодезиста известного математика Утида Ятаро, которого ему порекомендовал Ватанабэ Кадзан. Тории Ёдзо под разными предлогами попытался отстранить Утида от участия в инспекции. Причиной тому было его негативное отношение к покровителю последнего – Ватанабэ Кадзан.

Когда в 1827 г. внезапно скончался глава княжества Тахара Миякэ Ясутэру, Ватанабэ Кадзан, как один из самых влиятельных и глубоко преданных дому Миякэ вассалов в своём княжестве, делал всё, чтобы главенство перешло к младшему брату умершего Миякэ Томонобу. Однако большинство вассалов высказалось в пользу приглашения для главенства человека со стороны – шестого сына главы княжества Химэдзи Сакаи Тадамицу, поскольку его «приданное» могло поправить дела княжества. Тем не менее Ватанабэ Кадзан остался предан Миякэ Томонобу [Танака, 2011].

Позже, в 1835 г., придворный конфуцианец и один из самых влиятельных в правительстве людей Хаяси Дзюссай (1768–1841) получил участок земли по соседству с нижней усадьбой княжества Тахара. Пожелав построить там чайный домик, но не найдя подходящего места, Хаяси обратился к властям княжества Тахара с просьбой об аренде смежного участка. Однако поскольку нижняя усадьба была резиденцией Миякэ Томонобу, Ватанабэ Кадзан непреклонно отказывал в этой просьбе, даже вопреки воле нового главы княжества Миякэ Ясунао, положительно относившегося к этой идее [Ёкояма, 2013, с. 287–290]. Вероятно, именно с этого времени Тории Ёдзо, который приходился третьим сыном Хаяси Дзюссай, затаил обиду на Ватанабэ Кадзан.

После безуспешных попыток отстранить от участия в инспекции протеже Ватанабэ Кадзан – Тории Ёдзо решил нанести непосредственный удар по своему неприятелю. Им были инициированы гонения на членов «Общества почитания стариков», известные в историографии под названием «Процесс над варварским обществом» (яп. *банся но гоку* 蛮社の獄). В доме Кадзан был проведён обыск и среди бумаг была обнаружена в числе прочего рукопись сочинения «Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия». В результате Ватанабэ Кадзан был обвинён в критике центрального правительства и преклонении перед иностранными государствами и приговорён к домашнему аресту в родном княжестве. В конце 1841 г., находясь под арестом, он покончил с собой.

Сочинение «Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия» было написано в конце 1838 г., после того как Ватанабэ Кадзан на одной из встреч «Общества» узнал о сообщении главы голландской торговой фактории Нимана относительно судна

«Моррисон», а также о планах правительства выдворить судно путём обстрела. Не вполне ясно, на каком этапе вкралась ошибка, но прибытие судна «Моррисон», о котором говорилось в сообщении голландцев, было воспринято как ещё предстоящее, а не уже свершившееся. Не стоит исключать и возможность того, что в этом был умысел Ватанабэ: не говорить об уже произошедшем инциденте, чтобы избежать критики правительства за уже сделанные поступки, а допустить повторное прибытие судна и рекомендовать альтернативные меры.

Кроме того, вслед за ошибкой в голландском сообщении о национальной принадлежности судна Ватанабэ Кадзан считает его британским, а название судна – «Моррисон» – воспринимает как имя главы экспедиции и предполагает, что это Роберт Моррисон (1782–1834), известный британский миссионер и переводчик, в общей сложности больше двадцати лет проживший в Китае. Ирония истории в том, что американское судно «Моррисон» действительно было названо в честь Роберта Моррисона¹, который был хорошо знаком с владельцем судна, основателем компании «Олифант» Дэвидом Олифантом (1789–1851). Последний настолько уважал британского миссионера, что назвал в его честь не только судно, но даже своего сына – Роберта Моррисона Олифанта (1824–1918).

В своём сочинении Ватанабэ Кадзан, опираясь на сведения из самых разных источников, предполагает цели отправки Великобританией судна и её возможные шаги в случае отказа японского правительства установить отношения, высказывает мнение о неготовности Японии говорить с западными государствами на языке силы и сетует на ограниченность и косность высших чиновников правительства, намекая на их нежелание знакомиться и изучать достижения западной науки и техники.

Большое внимание в своём сочинении Ватанабэ Кадзан уделяет не только Великобритании, но и России, представляя эти два государства как крупнейшие мировые державы, но в то же время противопоставляя их по ряду параметров. И вообще, автор демонстрирует высокую осведомлённость о ситуации в мире и мировой истории, проводя аналогии между современным положением Японии и других стран мира в прошлом. В то же время Ватанабэ Кадзан не только не знает о принадлежности судна «Моррисон» американской компании, но и вообще не упоминает в тексте Соединённые Штаты – а именно настойчивость этого государства сыграет ключевую роль в «открытии» Японии спустя всего пятнадцать лет. Впрочем, мы избавим себя от подробного пересказа содержания сочинения, в том числе ввиду его сравнительно небольшого объёма. Отметим лишь, что оно представляет собой свидетельство весьма высокого уровня знаний и осведомлённости о ситуации в мире у сторонников «западных наук» в 1-й половине XIX века.

Изначально перевод данного сочинения выполнил студент IV курса Восточного факультета СПбГУ К.С. Седов в качестве приложения к выпускной квалификационной работе бакалавра «Обстрел судна “Моррисон” и его отражение в трудах японских мыслителей XIX века», успешно защищённой в 2014 г. Однако он использовал перевод текста Ватанабэ Кадзан на современный японский язык [Ватанабэ, 1984, с. 113–120]. С любезного согласия К.С. Седова перевод сочинения был выверен мной по наиболее близкому к оригиналу изданию [Кадзан, 1978, с. 33–40], снабжён вступительной статьёй и комментарием и подготовлен к публикации.

¹ Письмо Р. Моррисона в Библейское общество от 29 октября 1832 г. [Memoirs, 1839, p. 458].

*Ватанабэ Кадзан***Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия**

(перевод с японского языка К.С. Седова и В.В. Щепкина,
под редакцией и с комментариями В.В. Щепкина)

Наше княжество Тахара находится в южной части провинции Микава² в уезде Ацуми, его территория выступает в сторону открытого моря у провинции Тотоми. На его побережье от Араи³ до мыса Ираго, на расстоянии почти 13 *ри* находятся только крестьянские дома, и никаких укреплений, кроме Тахара, нет. Со времени указа 4-го года правления Гэмбун⁴ морская оборона должна осуществляться как можно строже. Однако невозможно выстраивать оборону, не зная, что из себя представляет противник. Поэтому я решил записывать не только факты о географии, политическом устройстве и обычаях [иностранных государств], но и любые непристойные рассказы обывателей, театральные пьесы и прочие пустяки, даже если они содержали ложные слухи, в которые невозможно поверить, то есть всё, что доходило до моих глаз и ушей. Недавно я услышал от одного легкомысленного сплетника, который болтал без умолку, что в 7-м месяце этого года глава голландской фактории Ниман⁵ тайно обратился с посланием к нашему правительству. Он сообщил, что некий англичанин по имени Моррисон⁶ прибудет в гавань недалеко от Эдо в сопровождении семерых японцев, потерпевших крушение, чтобы просить о торговле.

Между прочим, Моррисон родом из Лондона, что в Англии, и в течение примерно шестнадцати лет обучался в торговой фактории в Макао, в китайской провинции Кантон. Он хорошо освоил китайские науки и, насколько я знаю, является автором многих работ. Среди них перевод с китайского языка некогда опубликованного словаря «Собрание рифм в пяти повозках»⁷. Кроме того, он перевёл на английский язык один том «Различных выдержек о чтении книг» (*кит.* «Душу цзачао» 讀書雜抄), опубликованный в 1817 г., «Чжоу И» (*кит.* 周易), «Всеобщее зеркало, правлению помогающее» (*кит.* «Тунцзянь ганму» 通鑑綱目), «Записи о Дунхуа» (*кит.* «Дунхуалу» 東華錄), «Записи о западных землях» (*кит.* «Сиюй бэйвэнь» 西域碑文) и несколько книг по географии. Я слышал, что он также является автором «Описания Китая» (*кит.* «Чжина чжи» 支那誌). В одной книге, опубликованной

² Провинция Микава занимала восточную половину современной префектуры Айти.

³ Ныне район Араи г. Косаи преф. Сидзуока, расположен на морском побережье у пролива, ведущего к озеру Хамана.

⁴ 1739 год. Указ центрального правительства о защите морского побережья был издан после захода судов российской экспедиции М. Шпанберга и В. Вальтона в гавани северо-восточного побережья Японии в том же году.

⁵ Ниман, Йоханн Эрдевин (Niemann, Johannes Erdewin, 1796–1850) – глава голландской фактории с 1 декабря 1834 г. по 17 ноября 1838 г. Ватанабэ Кадзан лично встречался с Ниманом во время поездки последнего в Эдо в 1838 г., о чём подробно написал в своём сочинении «Разные вопросы о птичьем языке» (*яп.* *гэкидзэцу вакумон* 駄舌或問).

⁶ Имеется в виду Роберт Моррисон (1782–1834), британский протестантский миссионер, проведший много лет в Китае, основоположник британской синологии, первый переводчик Библии на китайский язык. Ватанабэ Кадзан путает умершего на тот момент Моррисона с американским торговым судном «Моррисон», действительно прибывшим в 1837 г. для возвращения японцев на родину и установления отношений с Японией.

⁷ «Собрание рифм в пяти повозках» (*кит.* *Учэ юньфу* 五車韻府) – китайско-английский и англо-китайский словарь, составленный Р. Моррисоном и впервые опубликованный в 1815–1823 гг. в Макао.

недавно голландцами, раздел, повествующий о Китае, ссылается на слова Моррисона – то есть, вероятно, имеется в виду именно это сочинение. Если задуматься о времени, когда была опубликована одна из работ – согласно голландскому летоисчислению это 1817 год, то есть 1-й год правления Бунсэй, – станет понятно, что с тех пор прошёл уже двадцать один год. Каким бы выдающимся и умным человеком ни был Моррисон, несложно предположить, какой большой труд для европейца представляет изучение китайских наук. Я думаю, написание этих работ потребовало более двадцати лет, поэтому сейчас ему должно быть от пятидесяти до шестидесяти⁸. Я слышал, что это очень мудрый и просвещённый человек, он занимает самую почётную должность и его влияние очень велико. Даже голландцы иногда восхищаются его достижениями.

Десять лет назад человек по имени Бюргер⁹, который в качестве секретаря посещал Эдо вместе с Зибольдом¹⁰, возвращался из Нагасаки на Яву, когда недалеко от Тайваня его судно попало в шторм. Шторм сломал мачту и разбил корму, и судно отнесло к Кантону, где Бюргер случайно встретился с Моррисоном, который в то время там учился. Этот Бюргер был коварным человеком, и, узнав о славе и влиянии Моррисона, он с помощью лести и лукавства получил рекомендацию и тайную помощь Моррисона и женился на девушке из Англии. Когда он в позапрошлом году приезжал в Нагасаки, говорили, что именно благодаря этому он стал богачом. Во время пребывания Бюргера в Нагасаки у него появился [здесь] ребёнок. Перед своим отъездом он оставил ребёнка Фудзиёси Хидэкадзу, торговцу, который часто бывал в голландской фактории. А когда снова прибыл в Нагасаки в прошлом году Овцы, после зимовки, весной года Обезьяны¹¹, он сказал Хидэкадзу: «Этой осенью я уезжаю, но я очень беспокоюсь за судьбу моего ребёнка. Я говорю это потому, что Россия уже давно хочет захватить Японию, и Японии следует непременно озаботиться своими северными пределами. Хотя Нагасаки находится далеко оттуда, если заболевает ветка, то страдает всё дерево». По-видимому, эти слухи идут из Англии. Поскольку Бюргер ехал в Японию, его жена тайно сообщила ему об этом. Хидэкадзу был чрезвычайно напуган [этими сведениями]. Похоже, что он решил тайно сообщить обо всём этом чиновникам из княжества Мито¹².

Этот Бюргер был многим обязан Моррисону, поэтому он не мог знать, что это просто заговор. Однако есть достоверные свидетельства того, что [Россия] захватила Польшу. Согласно «Записям об иностранных государствах»¹³, «Карте земного шара с

⁸ Р. Моррисон скончался в Кантоне в 1834 г., за четыре года до написания этих строк.

⁹ Генрих Бюргер (1804 (или 1806) – 1858) – немецкий физик и биолог. С 1825 г. ассистент Зибольда в Нагасаки, с 1828 г. – его преемник на должности врача.

¹⁰ Филипп Франц фон Зибольд (1796–1866) – немецкий врач, естествоиспытатель, исследователь Японии. В 1823–1829 гг. – врач голландской фактории в Нагасаки, неоднократно посещал Эдо, имел широкие контакты среди учёных кругов Японии.

¹¹ «Прошлый год Овцы» – 1835 г. Год Обезьяны – 1836 г. В действительности Бюргер, покинувший Японию в 1832 г., вновь приехал туда в 1834 г. и оставался до 1835 г.

¹² Возглавляемое князьями из боковой ветви правящего дома Токугава княжество Мито в период Эдо (1603–1867) являлось одним из самых влиятельных, его руководство зачастую становилось посредником между вассалами других княжеств и центральным правительством.

¹³ «Записи об иностранных государствах» (кит. *Чжифан вайцзи* 職方外紀) – комментированный атлас мира, созданный итальянскими иезуитами под руководством Маттео Риччи в Китае в начале XVII века, считается первым подробным сочинением по мировой географии на китайском языке. «Чжифан» – китайское название императорской картографической службы, таким образом, название сочинения буквально переводится «Записи [о землях, находящихся] вне [сферы внимания] картографической службы».

комментариями»¹⁴ и другим источникам, Польша подчинилась французскому императору Бонапарту, чем вызвала гнев всех европейских держав. В 1815 г. умер король Польши, и, воспользовавшись тем, что она осталась без правителя¹⁵, южную её часть поглотила Германия¹⁶, северную – Пруссия, а восточной и центральной частью страны завладела Россия («Записки об услышанном» за 9-й год Бунсэй, 1826¹⁷). Однако несмотря на то, что Польша подчинилась, первоначально из России лишь посылали туда наместников, которые следили за управлением государством. Но поляки не прекращали мечтать о восстановлении независимости, поэтому в 1829 г. по голландскому летоисчислению (12-й год Бунсэй) они создали тайное общество и восстали против российского наместника (в «Голландских записках об услышанном» за 13-й год Бунсэй есть упоминание о том, что согласно сообщению, полученному из метрополии, мятежники из подконтрольной России Польши подняли восстание). Но в 1832 г. Россия уже полностью подчинила себе Польшу и сделала её своей территорией (это согласуется с «Голландскими записками об услышанном» за 3-й год Тэмпо). Эта война [была описана] в изданной во Франции книге, которая уже попала в Японию, и я полностью переписал её [для себя]. Поэтому то, о чём говорил Бюргер, – не просто ложный слух.

Если эти свидетельства верны, нужно сделать из них выводы и подумать о [роли] Моррисона. Поскольку для сопровождения [потерпевших кораблекрушение японцев] главой был назначен такой известный человек, как Моррисон, нет никаких сомнений, что он прибыл, получив приказ своего государства. Весьма похоже, что такой человек был избран осмысленно, особенно если [вспомнить, что] Моррисон изучал китайские науки (между прочим, предисловие к «Учэ юньфу» написано популярным языком и достаточно доходчиво, об основной части не знаю) и хорошо знает азиатов.

Вообще, в заморских государствах известно о том, что в нашей стране строго [ограничены] внешние отношения¹⁸. Об этом подробно свидетельствуют разные географические сочинения, в том числе [путевые] записи российских [мореплавателей] Крузенштерна¹⁹

¹⁴ «Карта земного шара с комментариями (кит. *Куньюй тушо* 坤輿圖說) – карта мира, созданная в начале XVII века в Китае Маттео Риччи и другими итальянскими иезуитами.

¹⁵ После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Польша прекратила своё существование как государство. В 1807 г. по Тильзитскому миру на землях, отошедших во время этого раздела Пруссии и Австрии, было организовано Великое Герцогство Варшавское, просуществовавшее до его завоевания войсками Шестой коалиции в 1813 г. По результатам Венского конгресса 1815 г. большая часть его земель перешла к России в качестве автономного Царства Польского, часть других земель – Австрии и Пруссии. Это событие иногда называют Четвертым разделом Речи Посполитой.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду Австрия. Такая путаница имеет основания, поскольку до 1806 г. именно правители из дома Габсбургов, фактически владея Австрией, занимали трон императора Священной Римской империи германской нации.

¹⁷ «Голландские записки об услышанном» (яп. *Оранда фусэцугаки* 阿蘭陀風説書) – ежегодные отчёты о событиях в мире, преподносившиеся голландской факторией в Нагасаки центральному правительству Японии с 1641 по 1857 г. Частичный перевод на русский язык см. [Щепкин, 2017, с. 253–260].

¹⁸ В оригинале: *вагакуни гайко: но гэннару* 我国外交の厳なる.

¹⁹ И.Ф. Крузенштерн (1770–1846) – российский мореплаватель. Возглавлял первую российскую кругосветную экспедицию 1803–1806 гг., в том числе доставившую посольство Н. П. Резанова в Японию. В 1809–1812 г. опубликовал «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях “Надежда” и “Нева”», значительная часть которого посвящена пребыванию в Японии и прилегающих регионах. Сочинение было переведено на все европейские языки, а в 1828 г. был опубликован частичный перевод Аоти Ринсо с голландского на японский язык под названием «Путевые записки посольства в Японию» (яп. *хо:си нихон кико*: 奉使日本紀行).

и Головнина²⁰. Если это так, [они] будут приезжать, изначально осознавая, что [у них] не получится просить о торговле в обмен на потерпевших кораблекрушение, а потому несомненно, что они не пойдут по проторённой колее Резанова²¹. Тем не менее, правительство не будет менять свой курс ради одной лишь Англии, следуя прецеденту с посольством Резанова, но будет неизменно держаться своего великого принципа, даже если произойдёт нечто более существенное. Однако, хотя путь западных стран и путь нашей страны одинаковы в своей разумности, это не значит, что они более или менее не отличаются в своих подходах. Поэтому если мы не будем хорошо изучать их, то будем подобны слепцу, который, потрогав хвост и ногу слона, вообразит, что это и есть весь слон. Если хвататься за хвост и думать, что это и есть слон, что мы будем знать о его хоботе и бивнях?

Все страны Запада вовсе не одинаковы в величии или упадке своего устройства, красоте или низости своих обычаев, мудрости или её отсутствии у своих жителей, но в основном их людям свойственны спокойствие и терпеливость (между прочим, на земном шаре люди разделяются на четыре расы: татарскую, эфиопскую, монгольскую и кавказскую; Линней выделяет семь рас и заключает, что наивысшими являются татарская и кавказская: Запад принадлежит к кавказской расе, а наша страна – к татарской), а правление осуществляется на основе законов. На вершине власти находятся государь и епископ: государь передаёт престол своему сыну, а епископами становятся достойнейшие, поэтому пути управления и религии разделены. Люди, пребывающие внизу, занимаются искусствами и науками, которые также разделены. Соглашаясь с данной природой натурой, люди отдают себя тому делу, к которому устремлены. То есть они не презируют своих устремлений, а следуют естественным предрасположенностям. Поэтому [их познания] в науках и искусствах обширны и подробны, они служат опорой и воодушевляют управление и религию, и похоже, что в этом [страны Запада] превзошли Китай. В результате они подробно изучили все четыре стороны света, где теперь распространяют учение и извлекают выгоды для государства. В этом они также превзошли Китай.

Сегодня из пяти материков Поднебесной три – Америка, Африка и Австралия – уже принадлежат западным государствам. И даже в Азии сохранили независимость лишь наша страна, Китай и Персия. И только наша страна из этих трёх не поддерживает дипломатические отношения с европейцами²². Это вызывает большие опасения, и они действительно небезосновательны. Нужно принять во внимание, что с точки зрения европейцев наша страна подобна лакомому куску мяса, брошенному на дороге. Разве могут голодный тигр или жаждущий волк не обратить на него внимания? Если англичане не получают разрешения на

²⁰ В.М. Головнин (1776–1831) – российский мореплаватель. В 1811 г., возглавляя кругосветную экспедицию на шлюпе «Диана», был взят в плен японцами при высадке на о. Кунашир. Два года японского плена были описаны им в сочинении «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением Замечаний его о Японском Государстве и народе», опубликованном в 1816 г. и переведённом на другие европейские языки. Уже в 1825 г. в Японии был опубликован перевод сочинения на японский язык под названием «Записки об опасных приключениях в Японии» (яп. *со:яку нихон кидзи* 遭厄日本記事).

²¹ Н.П. Резанов (1764–1807) – российский дипломат, предприниматель. В 1804–1805 гг. возглавлял первое официальное посольство в Японию, целью которого было установление торговых отношений, однако потерпел неудачу.

²² В оригинале: *сэйдзин то цу:син сэдзару моно* 西人と通信せざるもの. Термин *цу:син* означал именно дипломатические отношения, основанные на переписке и обмене посольствами, и таким образом отделялся от понятия *цу:сё*: 通商 – «торговые отношения», которые поддерживались с голландцами.

торговлю, они, вероятно, скажут нам: «Ваша страна на протяжении многих поколений твёрдо [придерживается] запрета [вступать в новые отношения] и не может [его] нарушить»²³. Но когда наши корабли и корабли других государств прибывало к вашим берегам, когда [экипаж] испытывал недостаток дров и пресной воды или на борту были больные люди, жаждущие оказаться на земле и нуждавшиеся в неотложной помощи, ваша страна строго охраняла морское побережье и таким образом создавала препятствия для мореплавания. Это [не что иное, как] нанесение ущерба странам всего мира ради интересов одного государства. Разве можно назвать человеком того, кто наносит вред себе подобному, когда всем в равной мере дарованы Небо и Земля? Пусть в вашей стране хорошо поймут этот великий принцип и услышат то, чего желают во всей нашей Поднебесной». Если [англичане] так скажут, [то нашей стране] ничего не останется, кроме как сослаться на все подозрительные действия, [предпринимавшиеся] англичанами в прошлом, и объяснить причину, по которой мы не вступаем в дипломатические отношения²⁴. Таким образом всё сведется к пустой болтовне и в конце концов их алчность станет предлогом [для отказа]. Хотя европейцы и варвары, даже они не посылают войска без причины (к примеру, перед тем как пойти войной на Египет, Бонапарт обосновал это двумя причинами: [тем, что египтяне] препятствуют судоходству в Средиземном море, и еще одним прошлым проступком)²⁵, поэтому [наш отказ] действительно может стать поводом к своевольному нападению России и Англии [на нашу страну].

Россия продвигалась на восток, достигла [земель] от северо-восточной Сибири до западного побережья Северной Америки, [и теперь] владеет территорией в три тысячи *ри*, что составляет четвертую часть земного шара. Англия продвигалась на запад и завладела землями от восточного побережья Северной Америки до Канады в глубине материка, а на юге захватила множество островов в Азии и часть Австралии. Общая площадь её владений достигает двух тысяч *ри*. Англичане изобретательны, они искусны в морском бою. Русские [отличаются] гуманным правлением²⁶, они искусны в сухопутном бою. Каждое [из этих государств], пользуясь своими преимуществами, борется за личные выгоды. Поэтому если Англия начнёт конфликт с нашей страной, то тут же [рядом] окажется и Россия. Голландия окажется зажатой между ними и прибегнет к разнообразному мошенничеству, что в конце концов окажет негативное влияние на внутреннюю ситуацию [в нашей стране].

Кстати, может показаться, что Россия, по-волчьи озираясь и вынашивая злые намерения, хочет воспользоваться нашими внутренними неурядицами [и напасть]. Однако [объектом] её страстного желания является не Япония, а Китай (это согласовывается с донесением Мура²⁷ и рассказами голландцев).

²³ В оригинале: *кикоку эйсэй но кин катаку* 貴国永世の禁固く.

²⁴ В оригинале: *цу:син су бэкарадзару юэ* 通信すべからざる故.

²⁵ В действительности действия французской армии под руководством Наполеона были направлены в первую очередь на ослабление основного противника в Европе – Великобритании и её господства в мировой торговле.

²⁶ В оригинале *дзинсэй* (яп. 仁政). Такая оценка политики России берет своё начало ещё в конце XVIII века: Хонда Тосиаки (1744–1821), например, использовал в схожем контексте термин *о:до:* (яп. 王道), а Хаяси Сихэй говорил о политике России как о примере баланса между военным и словесным началами (яп. *бумбу* 文武).

²⁷ Имеется в виду спутник В.М. Головнина мичман Ф.Ф. Мур и его «представление», написанное в форме доклада наместнику центрального правительства Японии в Мацумаэ и объясняющее обстоятельства попытки побега Головнина и его спутников из плена весной 1812 г. Согласно «Запискам» Головнина, в своём сочинении Мур описывает «все наши сборы уйти» и «открывает японцам причину нашего путешествия, описывает подробно состояние Восточного края Сибири и делает некоторые замечания о России вообще».

Китай силен в сражениях на суше, но слаб в войне на море. Зная о таких и других подобных слабостях, [страны Запада] хотят воспользоваться ими: [они] нанесут удар по открытой стороне с моря, а затем ударят с тыла по суше. Бедствия, принесённые в нашу страну, – это тревога для Китая, ведь «если губы погибнут, то и зубам станет холодно». Англичане прекрасно понимают это и, петляя и извиваясь, точат свои клыки. А потому то, как Англия жаждет нашей страны, подобно мухам, слетающим на запах мяса: сколько их не отгоняй, они все равно обязательно вернутся.

Ах, таков порядок вещей в Поднебесной – возвышение сменяется упадком! Если что-либо впадает в [одну] крайность, [оно] непременно [должно впасть и] в другую. Достигая наивысшего расцвета, [всё начинает] увядать. Те земли, где в древности процветали управление и религия, ни одна не устояла под ударами северных варваров. О Китае я и не говорю. Место рождения Будды Шакьямуни, нынешний Цейлон, захвачен Англией. Центральная Индия, некогда входившая в Империю Моголов, сегодня находится во владении торговых факторий западных стран. Аравия – родина ислама, Египет, где некогда процветал иудаизм, родина Иисуса, Константинополь, именовавшийся азиатским Римом, – все эти земли захвачены турками. Рим, который правил всем миром, изменил своему прямолинейному искусству и высокопарному языку и впал в высокомерие, роскошь и праздность. Былое величие не помогает, а пренебрегать сегодняшним благополучием тоже невозможно. А виной тому лишь сами люди!

Если подумать о землях западных государств, в основном они расположены между семидесятым и сорок пятым градусами северной широты, причём большая их часть – ниже пятидесят пятой параллели. Если сравнить с нашей страной, это земли дальних айнов²⁸ и севернее. Людей [там] немного, земли не обширны, земледелия для пропитания не хватает, тканей для одежды тоже. [Там] едят мясо, носят шкуры, привычны к тяжелому труду, холода не боятся. В будущем [непременно] северяне продвинулись на юг, в конечном счете появится выдающийся правитель, и они достигнут расцвета, [который мы переживаем] сегодня. Если всё так, значит необязательно полагаться на богатства земли и не следует радоваться большой численности людей. Разве не дело лишь в трудолюбии или лени?

Вообще, управление государством стоит на том, на что можно опереться, неурядицы же возникают из того, чем пренебрегают. Сегодня опорой нашего государства служит море, пренебрегают же внешней угрозой. А если невозможно опираться на то, на что следует, то нельзя и пренебрегать тем, чем, казалось бы, можно. Конечно же, не стоит и говорить о тех, кто живет мирной жизнью и попусту восхваляет Великий Мир. Да и рассуждать о дне сегодняшнем, опираясь на систему обороны Трёх династий²⁹ и способы защиты от варваров времен Цинь и Хань³⁰, – это всё равно, что играть на гуслях, смазав колки клеем. Причина этого в том, что территория Китая с севера ограничена горными хребтами, с запада окружена

Сочинение это представляло собой «большую тетрадь» [Головнин, 1972, с. 223]. Впоследствии текст Мура был переведен на японский язык и получил распространение под названием «Объяснительная записка Мура» (яп. *мо:ру тиндзё:сё* モール陳情書).

²⁸ Дальними айнами (яп. *окуэдзо* 奥蝦夷) в период Токугава (1603–1867) называли айнов, проживавших в северной части о. Хоккайдо, на Сахалине и Курильских островах, поскольку степень их политической зависимости от японцев была ниже в сравнении с ближними (яп. *кутиэдзо* 口蝦夷), населявшими южную часть о. Хоккайдо.

²⁹ Под тремя династиями имеются в виду древнекитайские Ся, Шан-Инь и Чжоу.

³⁰ Китайские династии, правившие в 221–206 гг. до н.э. и 206 г. до н.э. – 220 г. н.э. соответственно.

бескрайней пустыней, поэтому если крупные армии врага и нападали внезапно, [это происходило] лишь на небольшом клочке земли. Вдобавок к этому, [китайцы] поколение за поколением не оставляли эти земли без внимания, отправляли для охраны военных поселенцев, которые в покое ожидали утомлённого врага³¹. Обороняться было действительно легко. К тому же, вражеские воины [могли похвастаться] лишь яростью и гордыней, а [единственным] преимуществом северных варваров было то, что им было легче нападать на юг, имея укрепления на севере.

Ныне же бескрайнее море, окружающее нас с четырёх сторон, служит надёжной границей, [отделяющей] страны Поднебесной [друг от друга]. Но в нашей [стране на протяжении] многих поколений [оно] оставалось неукреплённым, и [если враг] придёт, его [нападение] вряд ли ограничится лишь одним местом. Если однажды придёт опасность, то даже если мы сплотим силы всего государства, боюсь, кнут может оказаться слишком коротким, чтобы достать до лошадиного брюха. Я не говорю уже о пахнущих кровью воинах Запада, которые, хорошо изучив все четыре стороны света, управляют всем миром. Эти заносчивые люди, поколение за поколением рождавшие смуту, чрезвычайно сильны в [создании] морских судов и огнестрельного оружия, поэтому, зная о слабых местах нашей [страны], они могут препятствовать [нашим] морским перевозкам и угрожать незащищённым [участкам побережья], тем самым выжидая, пока не вымотают нас³². И если всё пойдет не так, мы уже ничего не сможем поделать. Всё это – из-за того, что мы подчинились влиянию Китая, которое подобно ветру, блуждающему по бескрайнему океану; что [у нас] стали процветать науки, возвышенные [своей] мудростью, но пустые [по сути], и в конечном счёте их блеск потускнел и они не ведают, что сами собой дошли до кругозора лягушки, что сидит на дне колодца. Это похоже на то, как в конце [правления династии] Мин³³ [люди] восхваляли классическую изысканность и вкус и ежедневно предупреждали о [возможной] войне, но при этом пели на пирушках и плясали под барабаны, [из-за чего] воинский дух постепенно распустился и истончился, и в конечном счёте [люди] потеряли страну. Ах, хоть я и хочу сейчас донести это до пребывающих у власти министров, [все они], конечно же, лишь никчёмные дети своих знатных родителей. Хоть я и хочу достучаться до чиновников на высоких постах, [все они лишь] фавориты, [получившие должности] за взятки. Сознательность осталась ещё лишь у придворных конфуцианцев, но и их чаяния мелки: они откладывают в сторону большое, а берут лишь малое³⁴, главное для них – чтобы ничего не болело и не чесалось. Неужели, если ныне всё будет так, мы будем лишь сидеть сложа руки и ждать вторжения?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ватанабэ Кадзан, Такано Тёэй / отв. ред. Сато Сёсукэ. Токио: Тю:о: ко:ронся 中央公論社, 1984. 533 с. Серия «Нихон но мэйтё» : [«Выдающиеся сочинения Японии»]. Т. 25.

³¹ Отсылка на 4-ю из «Тридцати шести стратагем» [Тридцать шесть стратагем, 2000, с. 47–49].

³² Снова отсылка на ту же стратагему.

³³ Династия Мин правила в Китае в 1368–1644 гг. Была свергнута маньчжурами, провозгласившими новую династию Цин.

³⁴ Это отсылка к одному из «Десяти секретов игры в го»: 捨小就大, «отбрасывай малое, берись за великое».

Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. 526 с.

Ёкояма Ёсинори. Нихон кинсэй но рэкиси : [История Японии в период Токугава]. Т. 5. Кайкоку дзэнъя но сэкай : [Мир накануне открытия Японии]. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2013. 384 с.

Кадзан Тёэй ронсю : [Собрание трудов [Ватанабэ] Кадзан и [Такано] Тёэй)]/ под ред. и с комм. Сато Сёсукэ. Токио: Иванами сётэн, 1978. 398 с. Серия «Иванами бунко» , 33-025-I.

Танака Хироюки. Банся но гоку но субэтэ : [Всё о «Процессе над варварским обществом»]. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2011. 360 с.

Толстогузов С.А. Сёгунат Токугава в первой половине XIX века и реформы годов Тэмпо. М., 1999. 181 с.

Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Пер. с кит. В.В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000. 192 с.

Фудзита Сатору. Тэмпо: но кайкаку : [Реформы правления Тэмпо]. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1989. 244 с.

Фудзита Сатору. Кинсэй ко:ки сэйдзиси то тайгай канкэй : [Политическая история конца периода Токугава и внешние отношения]. Токио: То:кё: дайгаку сюппанкай, 2005. 312 с.

Цу:ко: итиран : [Обзор внешних сношений]. Т. 8. Осака: Сэйбундо: сюппан, 1967. 4+572 с.

Щепкин В.В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в. М.: Кругъ, 2017. 392 с.

Memoires of the life and labours of Robert Morrison, D.D., compiled by his widow; with critical notices of his Chinese works, by Samuel Kidd, and an appendix containing original documents. In two volumes. Vol. II. London: Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans. 1839.

The Cambridge History of Japan. Vol. 5. The Nineteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press. 1989.

REFERENCES

Fujita, Satoru (1989). Tenpo no kaikaku [Reforms of the Tenpo years], Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Fujita, Satoru (2005). Kinsei koki seijishi to taigai kankei [Political history of the late period of early modern Japan and foreign relations], Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).

Golovnin, V.M. (1972). Zapiski flota kapitana Golovnina o priklyucheniakh ego v plenu u yaponstsev v 1811, 1812 i 1813 godakh, s priobshcheniyem zamechaniy ego o yaponskom gosudarstve i narode [Notes of fleet captain Golovnin about his adventures while a captive of the Japanese in the years 1811, 1812, and 1813, with his comments attached about the Japanese state and people], Khabarovsk: Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo. (In Russian).

Kazan Choei ronshu [Collected writings of Kazan and Choei] (1978). Ed. and comment. by Sato Shosuke, Tokyo: Iwanami shoten. [Iwanami bunko, vol. 33-025-I]. (In Japanese).

Memoires of the life and labours of Robert Morrison, D.D., compiled by his widow; with critical notices of his Chinese works, by Samuel Kidd, and an appendix containing original documents (1839). In two volumes. Vol. II. London: Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans.

Shchepkin, V.V. (2017). Severnyy veter: Rossiya i ainu v Yaponii XVIII v. [Northern wind: Russia and Ainu in 18th century Japan], Moscow: Krug. (In Russian).

Tanaka, Hiroyuki (2011). Bansha no goku no subete [Everything about “the Process on the Barbarian Society”], Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

The Cambridge History of Japan (1989). Vol. 5. The Nineteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press.

Tolstoguzov, S.A. (1999). Segunat Tokugava v pervoy polovine XIX veka i reformy godov Tempo [The Tokugawa shogunate in the first half of the 19th century and the Tenpo reforms]. Moscow: RAN. (In Russian).

Tridsat' shest' stratagem. Kitayskiye sekrety uspekha [Thirty six stratagems. Chinese secrets of success] (2000). Trans. from Chinese by V. V. Malyavin, Moscow: Belye al'vy. (In Russian).

Tsuko ichiran [A survey of foreign relations] (1967). Vol. 8. Osaka: Seibundo shuppan. (In Japanese).

Watanabe Kazan, Takano Choei (1984). Ed. by Sato Shosuke. Tokyo: Chuo koronsha. [Nihon meicho. Vol. 25]. (In Japanese).

Yokoyama, Yoshinori (2013). Nihon kinsei no rekishi [History of early modern Japan]. Vol. 5. Kaikoku zenya no sekai [The world on the eve of the opening the country]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Поступила в редакцию 08.11.2018

Received 8 November 2018

Для цитирования: Щепкин В.В. Ватанабэ Кадзан (1793–1841) и его сочинение «Об [удобном] моменте для [проявления] благоразумия» // Японские исследования. 2019. №2. С. 6–19. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10009

For citation: Shchepkin V.V. (2019). Vatanabe Kadzan (1793–1841) i ego sochineniye «Ob [udobnom] momente dlya [proyavleniya] blagorazumiya» [Watanabe Kazan and his essay “On the [Favorable] Moment [to Display] Reasonableness”], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 2: 6–19. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10009

Японские исследования. 2019. №2. С. 20–39.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 20–39.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10010

Синтоистские паланкины: прошлое и настоящее

Г.Б. Спиридонов

Аннотация. Данная статья посвящена паланкинам из синтоистских святилищ Сирохигэ-дзиндзя, Комадомэ Хатиман-дзиндзя, Касуга-дзиндзя, Касаи-дзиндзя, Курамаэ-дзиндзя, Томиока Хатиман-гу:, Атаго-дзиндзя, Сибуйа Хикава-дзиндзя, Отама Инари-дзиндзя, Томигаока Хатиман-гу: Токийского столичного округа, используемым в настоящее время на различных религиозных праздниках – мацури. В наши дни, как и в древности, паланкины являются одним из основных религиозных атрибутов синтоистских праздников в Японии. Впервые они начинают широко использоваться в городских религиозных действиях с середины эпохи Хэйан. Автор статьи описывает святилища, к которым относятся десять паланкинов, выявляет и раскрывает характерные черты их религиозной, архитектурной и декоративной составляющих и выделяет в их конструкции три основные части: брусья, за которые их переносят, основание и святилище. Особое внимание уделяется подробному разбору богатого художественного оформления. Декор основания паланкинов включает себя покрытие чёрным лаком, всевозможные металлические украшения, многообразные растительный и геометрический орнаменты. Кроме того, декор может сочетать в себе различные рельефные композиции. Сюжетная линия декора оснований паланкинов может быть посвящена как животным китайского зодиака, четырём зверям китайской астрономии, так и играм вымышленных, фантастических животных карасиси и комаину. Декор стен святилища паланкинов может включать резные композиции со стороны западного и восточного фасадов, выполненные на сюжеты из «Кодзики» и «Нихонги», а также зооморфные мотивы в виде птиц на фоне волн. Это может быть император Дзимму с коршуном на руке или изображение божественной Аматаэрасу. В основе формы крыш всех паланкинов лежит буддийский стиль архитектуры, который также используется в строительстве пагод. На основании проведённого сравнительного исследования паланкинов, выполненных в XVIII – начале XX века, и их современных аналогов автором делаются заключения об их дизайнерских и конструкторских особенностях. Данная статья дополнена большим количеством фотографий, иллюстрирующих многообразие декора паланкинов.

Ключевые слова: синто, святилища, синтоистские паланкины, архитектурные стили, скульптура, иконография.

Автор: Спиридонов Глеб Борисович, кандидат искусствоведения, независимый исследователь.
E-mail: spiridonoff@yandex.ru

Portable Shinto shrines: past and present

G.B. Spiridonov

Abstract: The article is devoted to the divine palanquins (portable Shinto shrines) from Shirohige Jinja, Komadome Hachiman Jinja, Kasuga Jinja, Kasai Jinja, Kuramae Jinja, Tomioka Hachimangu, Atago Jinja, Shibuya Hikawa Jinja, Otama Inari Jinja, Tomigaoka Hachimangu of the Tokyo Metropolitan area, currently used during Shinto religious festivals, so-called matsuri. Nowadays, like in ancient times, the divine palanquins are one of the main attributes of Shinto festivals in Japan. They began to be widely used in urban religious festivals since the middle of the Heian period. The author describes the shrines to which the ten palanquins belong, and reveals the characteristic features of religious, architectural, and decorative components of the palanquins, dividing their construction into three main parts: the bars, using which they are carried, the base, and the shrine. Particular attention is paid to the analysis of their rich decorations. The décor of the base of the divine palanquins includes a black lacquer coating, metallic decorative components, foliage, and geometric patterns. Also, the décor can include relief compositions. The storyline contents of the décor of the divine palanquins bases can be devoted to the animals of the Chinese zodiac, the four beasts of Chinese astronomy, and games of fantastic animals karashishi and komainu. The décor of the walls of the divine palanquins may include carved compositions on the western and eastern facade, depicting stories from the “Kojiki” and the “Nihongi”, with zoomorphic motives of birds against the background of waves. The main décor can include the image of emperor Jimmu with a kite on his hand, or an image of goddess Amaterasu. The shape of the roofs of all divine palanquins is based on the Buddhist style of architecture used in the construction of pagodas. Based on the comparison of the palanquins made in the 18th – early 20th centuries with the modern ones, the author comes to conclusions about their design features. The article is supplemented by photographs which illustrate the variety of the palanquins’ décor.

Keywords: Shinto, shrine, portable Shinto shrine, architectural styles, sculpture, iconography.

Author: Spiridonov Gleb B., PhD (Art History), Independent researcher. E-mail: spiridonoff@yandex.ru

Одним из основных атрибутов синтоистских праздников являются паланкины *микоси* 神輿. Их можно увидеть на религиозных действиях в святилищах, на отдельных выставках по всей стране. В Токио самые красочные действия с выносом паланкинов разворачиваются на праздниках Канда-мацури и Сандзя-мацури. 15 октября 2017 г. в Токио в пятнадцатый раз проводился «Большой праздник паланкинов Эдо», на котором можно было увидеть паланкины из разных святилищ. Из всех увиденных в Токио предметов культа особенно хочется отметить несколько паланкинов. Исследователь Э.В. Молодякова даёт развёрнутое определение термину *микоси* как священному паланкину, в который во время празднеств или церемоний переселяется дух божества святилища [Молодякова, 2010, с. 130–131]. Японские божества во время религиозных праздников *мацури* 祭 приходят и останавливаются в местах богослужения *саидзё*: 斎場, а после их окончания возвращаются в свою среду обитания. Дух божества, временно покинувший место богослужения, в качестве пристанища использует паланкины. Это действие называется «выезд божества» – *синко*: 神幸. Согласно древнему преданию, паланкины нельзя было переносить на руках, как в настоящее время, их нужно было перемещать на храмовой лошади *симмэ* 神馬 [Миндзоку тамбо: дзитэн, 1996, с. 379].

Исследователь Токи Дзюн предполагает, что впервые паланкин был использован в 749 г., когда дух божества Хатиман из святилища Уса Хатиман-дзингу: 宇佐八幡宮 острова Кюсю был доставлен в Нара, и примечательно, что цвет паланкина был фиолетовый [Токи, 2010, с. 189]. Паланкины начинают широко использоваться в городских религиозных праздниках с середины эпохи Хэйан (794–1185). Считается, что это произошло после появления праздника Гион-э 祇園会 [Миндзоку танхо: дзитэн, 1996, с. 379]. Обычно в паланкин ставят тело божества *го-синтай* 御神体. Это основной предмет почитания в синтоистском святилище, который хранится в Основном павильоне Хондэн 本殿, и именно в нём останавливается божество во время празднеств. Исследователь Л.М. Ермакова отмечает [Культы и верования..., с. 35–38], что до становления синтоистской архитектуры священные территории представляли собой либо искусственные объекты в природе, такие как *химороги* 神籬¹, либо природные объекты, например, дерево, скалу, гору, залив. И в таком случае понятие *синтай* совпадало с природным объектом. Скалы, камни, утёсы, служащие в качестве *синтай*, встречались очень часто, и интересен тот факт, что слова «камень» (яп. *иси*), «скала» (яп. *ива*) – частый компонент имён японских божеств. *Синтай* [Храмовый комплекс Исэ..., с. 411] является воплощением божества, предметом, в который оно способно вместиться. Тело божества сокрыто от непосредственного поклонения и созерцания и для верующих, и для служителей культа. В святилищах в качестве *синтай* используются зеркало, меч, яшма. В домашних алтарях (род божницы) *камидана* 神棚 в качестве *синтай* используют таблички с написанным именем божества [Накая, 1998, с. 89–90]. Таким образом, паланкин с телом божества выносят из Основного павильона и обносят по священным местам синтоистского святилища *о-табисё* お旅所, после этого возвращают в Основной павильон. Молодякова подчёркивает [Молодякова, 2010, с. 133], что *о-табисё* – это не просто место, где пребывает божество во время ритуала, а центр, где совершаются различные церемонии, посвящённые божеству.

Первый паланкин (ил. 1) относится к синтоистскому святилищу Курамаэ-дзиндзя 蔵前神社 города Токио. В августе 1693 г. пятый сёгун династии Токугава, Цунаёси (1646–1709) на этом месте молился о появлении божества святилища Ивасимидзу Хатиман-гу: 岩清水八幡宮 из Отокояма в Ямасирокуни (Киото). В эпоху Эдо (1603–1868), члены клана Токугава посещали это святилище для молитв, и оно являлось одним из символов защиты крепости Эдо от дьявольских сил. В то время оно называлось Курамаэ Хатиман 倉前八幡, или Восточный Ивасимидзу Хатиман-гу: 東岩清水八幡宮, было популярно среди простого народа и стало одним из известнейших святилищ района Канто. Это святилище было одним из трёх мест, где, начиная с 1757 г. и почти на протяжении 70 лет, двадцать три раза проводились состязания по национальной борьбе сумо. В 1878 г. святилище было переименовано в Ивасимидзу дзиндзя 岩清水神社, а в 1886 г. – в Ивасимидзу Хатиман-гу: 岩清水八幡宮.

¹ Представляет собой объект для вселения и временного пребывания божества. Единства в определении этого термина нет. Возможно, это вид священного дерева, согласно двум другим предположениям – это переносимое сооружение из веток или молодых деревьев, либо в той или иной степени стационарное строение на земле [Культы и верования..., с. 35].

Ил. 1. Паланкин святилища Курамаэ-дзиндзя

В сентябре 1923 г. святилище сгорело во время землетрясения, а в марте 1945 г., заново отстроенное, было утрачено в результате бомбардировки. В 1951 г. оно получило современное название Курамаэ-дзиндзя. В этом святилище поклоняются таким божествам, как Хондавакэ-но микото (Хомутавакэ-но микото 誉田別尊)², Окинагатараси химэ-но микото 氣長足姫尊³, Химэ-но ооками 姫大神⁴, Сиоцути-но одзи (塩土翁神)⁵, Ука-но митама-но ками (倉稻魂神)⁶, Сугавара Митидзанэ-ко: (菅原道真公)⁷. В 1955 г. паланкин изготовил известный мастер Сифу Кэисай. Деревянную резьбу, украшающую паланкин, выполнил мастер Сато Мицусигэ, а декоративную металлопластику исполнил Абэ Тёдзиро. Высота данного паланкина – 170 см, ширина основания – 85 см. Конструктивно паланкины состоят из трёх частей: бруска *бо:* 棒, за которые их переносят, основание *дайва* 台輪 и святилище *синдэн* 神殿. В этом паланкине брусья выполнены из дерева и покрыты чёрным лаком. Они проходят сквозь основание паланкина, декорированное позолоченной резьбой. Орнамент изображает переплетение соцветий и стеблей пиона. На каждой стороне основания

² Прижизненное имя пятнадцатого императора Оодзин 応神天皇.

³ Прижизненное имя жены четырнадцатого императора Тюай 仲哀天皇 – Дзингу: ко:го: 神功皇后.

⁴ 比売大神 – этот термин может обозначать жену или дочь божества, которому посвящено святилище.

⁵ Сиоцути-но ками 塩椎神 – Божество мореплавания, управляет морскими течениями.

⁶ Является Божеством зерновых культур.

⁷ После обожествления был назван Тэндзин 天神, отвечает за науки.

расположены полихромные резные этюды. Примечательно, что с южного и северного фасада они имеют квадратную форму, а с западного и восточного – прямоугольную. Этюды выполнены на тему животных китайского зодиака. Существует несколько легенд о них. Согласно одной, Будда перед уходом с Земли позвал к себе всех животных для прощания, но пришло лишь двенадцать: мышь, бык, тигр, заяц, *рю:* (кит. лун 龍), змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака и кабан. Среди перечисленных животных только одно – *рю:* является фантастическим. Считается, что у него оленьи рога, верблюжья голова, глаза, как у чёрта (согласно другой легенде – как у зайца), змеиная шея, рыба чешуя, когти, как у сокола, лапы тигра, уши, как у коровы [Такуфудзи, 1999, с. 22]. У него нет крыльев, но оно имеет способность к левитации. В Китае *рю:* считается божественным животным, вызывающим дождь. Будда подарил каждому из животных по одному году правления в знак благодарности за то, что они пришли. И, согласно китайскому зодиаку, сущность этих животных накладывает свой отпечаток на характер людей, рождённых в год того или иного из них.

Композиция северного фасада паланкина изображает на фоне цветущего дерева и облаков Будду верхом на быке, мышь и кабана. Фигурка кабана показана скачущей Будде навстречу. Резной этюд восточного фасада представляет *рю:* и тигра. *Рю:* и тигр готовятся броситься друг на друга. Тело *рю:* декорировано язычками пламени, животное показано на фоне волн, одной из стихий его обитания. Рычащий тигр изображён в зарослях бамбука. На южном фасаде изображены овца, баран, лошадь и змея на фоне цветущего дерева и облаков. Овца и баран стоят неподвижно под деревом. Лошадь – в динамике, она оглядывается назад на догоняющую её змею. На фоне плодового дерева и облаков можно увидеть играющих щенков, обезьяну с фруктом в лапках и петуха на барабане – это композиция западного фасада. Мастер по-своему интерпретировал легенду про двенадцать животных. Так, на композиции северного фасада можно видеть кабана, хотя он явился на зов Будды не третьим, как показано на рельефе, а последним. И ещё: согласно легенде, пришло по одному животному, но скульптор показывает гармоничную пару – овцу и барана, а также двух играющих щенков.

В японской архитектуре определение стиля в первую очередь основывается на форме крыши, которая у этого паланкина напоминает пагоду или библиотеку в буддийских храмах и соответствует стилю хо:гё:-дзукури 方(宝)形造, но вместо надвершия, соответствующего этому стилю, имеется скульптура фантастической птицы хо:о: (кит. фэнхуан 鳳凰) из китайской мифологии. Сзади она похожа на оленя, спереди – на фантастическое животное *кирин* (кит. цилинь 麒麟), шея у неё – змеи, спина – черепахи, хвост – рыбы, клюв – курицы. Излучает пятицветное сияние, её голос имеет пять тональностей. Питается плодами бамбука и пьёт воду из чудотворных источников. Самец называется хо:, а самка – о: [Такафудзи, 1999, с. 92]. Поэтому подобные паланкины стали называть *хорэн* 鳳輦 – паланкин, на крыше которого находится украшение в виде птицы хо:о:. Исторически этим термином обозначается паланкин для переноса императора [Синкого дзитэн, 1999, с. 975]. Если на крыше паланкина вместо птицы хо:о: размещается скульптура в виде цветка лука-батуна (лат. *allium fistulosum*; яп. со:ка (нэги) 葱華) используется название со:карэн 葱華輦. А если украшение в виде камня Чинтамани (яп. нё:и хо:дзю 如意宝珠), то он называется хо:дзюрэн 宝珠輦.

Святылище паланкина, про который мы говорили в начале, окружено изгородью, и с четырёх сторон расположены синтоистские ворота *тории* 鳥居, выполненные в стиле *мё:дзин* 明神. Изгородь и ворота исполнены в одном художественном стиле. Один из орнаментов выполнен в виде узора *томоэ* 巴⁸. На воротах мы видим табличку с названием святылища. Двери находятся с двух сторон и декорированы металлическими украшениями и рамами, покрытыми красным и чёрным лаком. С запада и востока стены святылища дополнены скульптурой, выполненной по сюжету из «Кодзики» (古事記, 712 г.), иллюстрирующей ссору божества солнца Аматэрасу 天照⁹ и божества Сусаноо 素戔男¹⁰. Балки по периметру святылища украшены резьбой, изображающей двух черепах, плывущих сквозь волны. Угловые части горизонтальных балок выполнены в виде передней части туловища фантастического животного *баку* (кит. *мо* 獬). У него небольшая голова, тело медведя, нос слона, хвост быка, а лапы – тигра [Такафудзи, 1999, с. 27]. Цвет тел животных – синий, грива обозначена коричневыми тонами. Глаза, клыки и когти выделены белым цветом. Декор верхних балок выполнен в виде резьбы на тему четырёх фантастических существ китайской астрономии. Со стороны южного фасада представлена композиция, изображающая седовласого старца верхом на птице *сюдзяку* (кит. *чжу цюэ* 朱雀), охраняющей юг. Её также называют красной птицей, она по своей форме напоминает фантастическую птицу *хо:о:*. В качестве второго плана использованы волны и облака. Сверху можно видеть ещё одну композицию: на фоне цветов азалии изображены два фазана. Со стороны северного фасада изображён седовласый старец верхом на *гэмбу* (кит. *сюань у* 玄武), охраняющем север. Это фантастическое животное напоминает черепаху и змею в одном обличии. Может изображаться в виде змеи, свернутой в клубок на черепахе. Резная композиция сверху показывает двух летящих уток на фоне волн и китайской мальвы. Скульптура в виде старца на синем *рю:* (*сэйрю:* 青龍) изображена на балке восточного фасада. Синий *рю:* является подвидом фантастического животного *рю:*. Эта композиция дополнена резным этюдом, изображающим пару золотых фазанов на фоне цветущей сливы. На балке со стороны западного фасада также представлена резная композиция – старик со старухой и фантастическое животное белый тигр (кит. *бай ху* 白虎). Этот образ возник в китайских легендах эпохи Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.), согласно которым, если тигр проживёт пятьсот лет, он становится белым – одним из четырёх божеств, защищающих части света от злых сил: синий *рю:*, чёрный *гэмбу*, белый тигр, красная птица *сюдзяку* представляют одну сторону света, одну четверть зодиакальной полосы неба, одно время года; каждый из них имеет собственный характер. Также они соотносятся со стихиями. Синему *рю:* соответствует дерево и весна, чёрному *гэмбу* – вода и зима, белому тигру – металл и осень, а красной птице *сюдзяку* – огонь и лето. Как правило, этих четырёх животных изображают на верхней балке, под самой крышей, но без добавления фигурок людей. Мастер снова обыгрывает сюжет, добавляя то седобородого старика, то старика со старухой. Стропила крыши выполнены в дзен-буддийском стиле *дзэнсю:ё:* 禅宗様 японской архитектуры. Так как крыша искривлена, коньки повторяют её форму. По краям

⁸ Это традиционный японский орнамент, используется и как буддийский, и как синтоистский символ. Имеет несколько вариаций. Узор *томоэ*, используемый в дизайне паланкина, состоит из трёх капель.

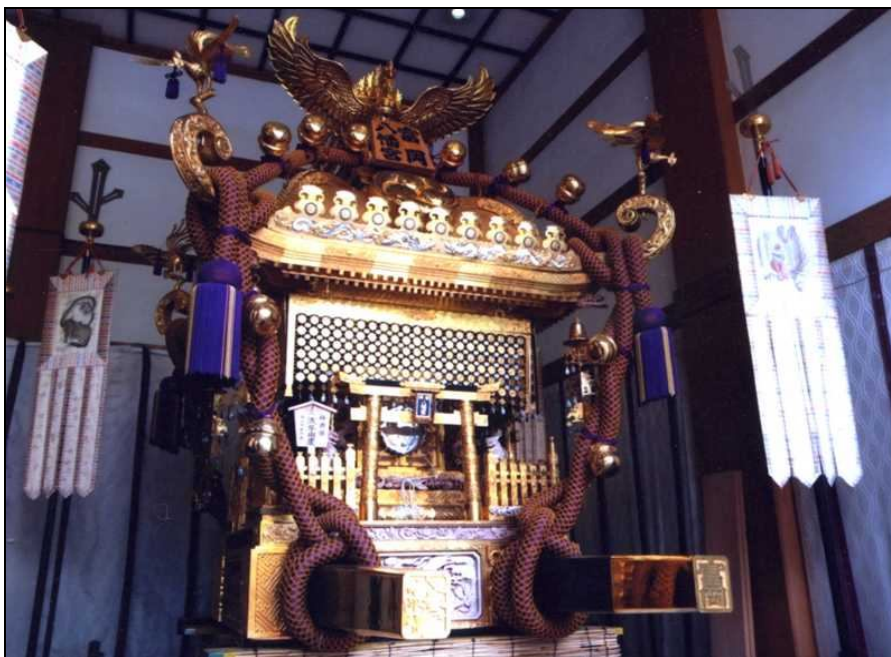
⁹ Божество солнца, верховное божество в японской мифологии.

¹⁰ Бог ветра в японской мифологии.

крыши имеется загнутый декоративный элемент, *варабитэ* 蕨手, напоминающий по форме побег папоротника. Этот декор украшен сквозной резьбой в виде веток цветущей сливы и короткохвостой камышёвки. На декоре, условно продолжающем коньки крыши, можно увидеть скульптуру птицы, называемой «птичкой» *котори* 小鳥, и она представляет фантастическую птицу *хо:о:*. Так стали её называть потому, что размер этой птицы меньше, чем скульптуры такой же птицы, расположенной на квадратном основании сверху крыши. Подобные основания на крыше можно встретить и в архитектуре буддийских мавзолеев и пагод. С четырёх сторон оно декорировано изображением фантастического *кирин* зелёного и синего цветов. Это животное похоже на оленя, но с хвостом быка, копытами лошади, на голове – рог, и излучает пятицветное сияние. В Древнем Китае считалось, что оно появляется перед приходом святых. Самец называется *ки*, а самка – *рин* [Такафудзи, 1999, с. 28]. По краям крыши украшена металлическим декором, выполненным на тему небесных женщин *тэннэ* 天女¹¹. На фоне чёрного лака, покрывающего крышу, выделяется золочёный орнамент тройное томоэ, повторяющийся по всему периметру крыши. В качестве дополнительного декора паланкина используется зеркало со стороны южного фасада, цветные канаты, кисти на крыльях птицы *хо:о:* и колокольчики.

Следующий паланкин (ил. 2), про который мы поговорим, – из токийского святилища Томиока Хатиман-гу: 富岡八幡宮, основанного в 1627 г. благодаря божественному откровению, полученному буддийским монахом Тё:сэй. На том же месте, где стоит святилище, был побочень (мезоформа руслового рельефа) реки Фука-гава, который назывался островом Эйтай-то:. Впоследствии часть реки была осушена, и был построен синто-буддийский комплекс, в который входил и буддийский храм Эйтай-дзи 永代寺. После разделения *ками* и *будд* в 1868 г. буддийский храм был разрушен, но в 1896 г. восстановлен. Первоначально святилище называлось Эйтай Хатиман 永代八幡. В год основания синто-буддийского комплекса Тё:сэй привёз из Киото статую божества Хатиман [Дзиндзя сампай, 1994, с. 96]. Это синтоистское святилище было самым большим святилищем Хатиман в эпоху Эдо, и род Токугава оказывал ему поддержку. В марте 1945 г. святилище было уничтожено в результате американской бомбардировки, а в 1956 г. Томиока Хатимангу: было воссоздано. Главное божество этого святилища – О:дзин тэнно 応神天皇. Исторический паланкин был преподнесён в 1688 г. меценатом Кинокуния Бундзаэмон (1669–1734). В 1991 г. он был воссоздан: его вес составил четыре с половиной тонны, и в декоре было использовано много драгоценностей, таких как алмазы, рубины, платина, золото, и поэтому был создан ещё один, более лёгкий паланкин. Примечательно, что его выполнила первая в истории Японии женщина-мастер по паланкинам, Судзуки Кэйко. Высота паланкина – 2 м 43 см, ширина основания – 136 см, а вес – две с половиной тонны. Его дизайнерской особенностью являются позолота и неокрашенное дерево. Концы брусев обрамлены позолоченными вставками, на которых можно видеть выгравированные иероглифы. На левом брус – два иероглифа: «томи» 富 и «ока» 岡, а на правом – три: «хати» 八, «ман» 幡, «гу:» 宮.

¹¹ Согласно буддийской космологии божества делятся на четыре группы: будды 仏, бодхисатвы 菩薩, видья-раджи 明王 и дэвы 天. Небесные женщины относятся к дэвам, обитающим в Мире небес (санскр. Девалока 天界).

Ил. 2. Паланкин святилища Томиока Хатиман-гу:

Основание паланкина декорировано орнаментом, состоящим из переплетений иероглифа мандзи (санскр. свастика), древнеиндийского символа счастья и добродетели. Этот мотив считается буддийским, он попал в Японию через Китай из Индии. В основании паланкина также имеются монохромные панели, выполненные на тему фантастических животных китайской астрономии. С южного фасада декор представляет птицу сюдзяку на фоне облаков. Тема резной композиции со стороны северного фасада – гэмбу и волны. Со стороны западного фасада декор представляет собой белого тигра на фоне бамбука и облаков, а с восточной стороны – синий рю: и облака. Все резные композиции выполнены из неокрашенного дерева и практически монохромны. Цвет использован очень избирательно: для того чтобы подчеркнуть взгляд животных, использовано золото, а красным цветом обозначены язычки пламени на их телах как символ божественности. Эти четыре резные композиции обрамлены золотыми рамами, украшенными орнаментом в виде половинок соцветий клематиса. Верхняя часть основания паланкина декорирована резьбой в виде переплетения соцветий и листьев пиона. В декоре ворот, выполненном в стиле мё:дзин, перед входом в святилище, имеется орнамент в виде тройного томоэ. За воротами можно увидеть круглую скульптуру *карасиси* (кит. *пиньинь* 唐獅子) и *комаину* (кит. *поцюань* 狛犬). Карасиси – китайский лев, фантастическое животное, напоминающее льва, и комаину – собака из страны Корё (яп. *Кома* 高麗). Их монохромные тела оживляет золотой блеск зрачков и кроваво-красный цвет пасти. Вертикальные балки святилища декорированы резьбой в виде *рю:*. Западный и восточный фасады святилища украшают резные рамы. Сюжет всех нижних рам идентичен и представляет собой птицу ржанку на фоне волн, а сюжет верхних рам отличается. С западной стороны представлена резьба на сюжет из «Нихонги» (日本紀, 720 г.). Показан золотой коршун на луке Дзимму 神武¹². Резная рама

¹² Согласно преданию, когда Дзимму совершал военный поход на Восток, внезапно появилась птица, излучающая золотое сияние. С этим событием связано утверждение ордена Золотого коршуна как знака боевых заслуг. Дзимму считается первым японским императором, основателем страны.

восточного фасада изображает Аматаэрасу. Богиня представлена на переднем плане с зеркалом. На стенах святилища можно видеть разнообразный металлический декор с орнаментом в виде соцветий клематиса и сюжетными композициями на тему карасиси и пиона. Коньки крыши и декоративный элемент по краям крыши орнаментированы в виде телрю: и шестнадцатилепестковых хризантем. Сверху по центру крыши, на основании, можно видеть только одну большую скульптуру в виде птицы хо:о:. Необходимо отметить, что глаза у неё сделаны из алмазов, весом два с половиной карат каждый. Такие особенности как: создание паланкина мастером-женщиной, сочетание золота и необработанного дерева, использование алмазов, отсутствие ярких цветов, делают этот паланкин уникальным и одним из самых известных в Японии.

Третий паланкин (ил. 3) относится к токийскому святилищу Сибую Хикава-дзиндзя 渋谷氷川神社. Согласно его летописи, сотый настоятель святилища предоставил в правительство сёгуна записи, в которых говорилось, что Ямато Такэру-но микото 日本武尊 (72–114), сын императора Кэйко-тэнно 景行天皇 (13–130), во время военного похода на Восток на этом месте молился о явлении божества и что именно это стало причиной основания святилища. В эпоху Эдо Хикава-дзиндзя являлось общим святилищем деревень Симосибую-мура 下渋谷村 и Симотоёсава-мура 下豊沢村 [То:кё:то:-но рэкиси сампо:, 1997, с. 33]. Во время осенних мацури на территории святилища проводились состязания сумо, собиравшие большое количество горожан. Главными божествами святилища являются Сусаноо-но микото 素戔男尊, Оонамути-но микото 大己貴尊¹³ и Инадахимэ-но микото 稲田姫尊¹⁴. Так как оригинальный паланкин, сделанный в эпоху Мэйдзи (1868–1912), находится в плохом состоянии и невозможно его использование в церемониях, был заказан новый в фирме «Мацусима». Ширина основания составляет 121 см, а высота паланкина – 200 см. Интересна особенность в дизайне основания: вместо декоративных резных панно на западном и восточном фасадах имеются металлические пластины с именами спонсоров строительства этого паланкина. С южной и северной сторон на основании можно видеть декор, сочетающий в себе как тройное *томоэ*, так и растительные мотивы. Орнамент тройное *томоэ* является доминирующим как в декоре ограждения, так и ворот перед святилищем. Примечательно, что с четырёх сторон святилища имеются двери. Обращают на себя внимание горельефные композиции вокруг дверей со стороны южного фасада. Слева – «ветки сосны» и справа – «цветущая сакура». Выступающие части горизонтальных балок святилища выполнены в виде туловищ фантастических карасиси и комаину. Вся скульптура полихромна, для передачи характера и половой принадлежности животных используется два цвета – синий и зеленый. В верхней части святилища можно видеть рамочные горельефные композиции. Щипец крыши выполнен в стиле *карахафу* 唐破風, центральная часть крыши выгнута, а края слегка вогнуты. Несмотря на то, что подобный архитектурный элемент чаще используется в буддийской архитектуре, его можно встретить в синтоистских святилищах и крепостях.

¹³ Его основное имя – Оокунинуси (Хозяин великой страны) 大国主. Божество земли в японской мифологии.

¹⁴ Также известна как Куминада-химэ 奇稻田姫. Женское божество, жена Сусаноо.

Ил. 3. Паланкин святилища Сибуя Хикава-дзиндзя

Под центральной частью щипца имеются скульптурные миниатюры, выполненные в виде журавлей на фоне облаков, а на самом фронте – горельефы в виде четырёх животных китайской астрономии. Ещё одной особенностью этого паланкина являются три больших медальона с орнаментом тройного томоэ на плоскостях крыши. Её поверхность декорирована орнаментом, напоминающим панцирь черепахи (*камэ-но ко: моё: 亀甲模様*). Эти шестиугольные позолоченные медальоны напоминают по форме панцирь. Использование позолоты, металлопластики, чёрного и красного лака, ярких красок, которыми обозначена деревянная резьба, делают этот паланкин одним из красивейших экспонатов выставки.

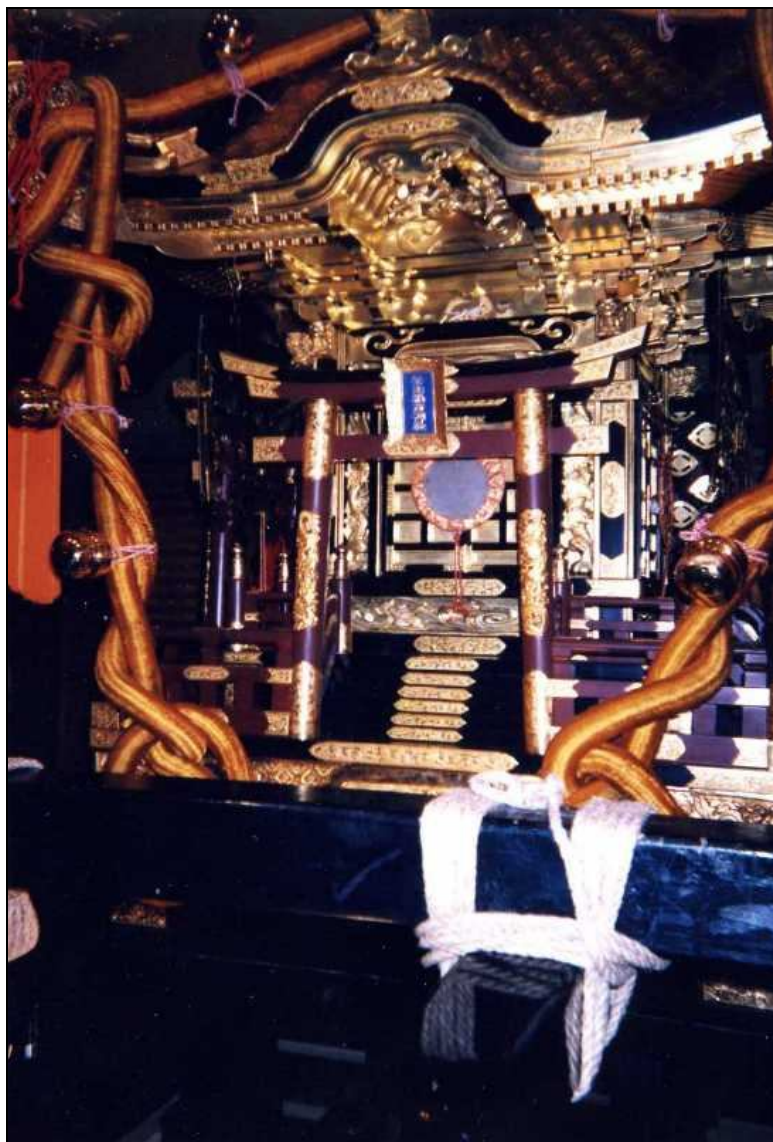
Следующий паланкин (ил. 4) – из токийского святилища Томигаока Хатиман-гу: 富賀岡八幡宮. Старое святилище было построено в 1665 г. Согласно легенде на этом месте в 749 г. Фудзивара Тоёнари (710–766) основал святилище. И по сравнению со святилищем Томиока Хатиман-гу:, оно являлось более старым, поэтому часто неофициально называлось Старый Хатиман. К сожалению, в 1945 г. в результате пожара святилище было утрачено, но паланкин удалось спасти. Настоящее святилище было воссоздано в 1961 г. Главное божество этого святилища – Оодзин-тэнно.

Ил. 4. Паланкин святилища Томигаока Хатиман-гу:

Паланкин был построен мастером Акияма Сангоро. Все металлические украшения паланкина во время Второй мировой войны были сняты и отправлены в переплавку. Их воссоздание было завершено в год окончания строительства святилища. Высота паланкина – 192 см, а ширина основания – 123 см. Сочетание чёрного и красного лака, позолоченной скульптуры в декоре святилища создаёт величественное впечатление. Выступающие части балок святилища выполнены в виде карасиси. Декоративные образы представлены в виде четырёх фантастических животных китайской астрономии. Вся скульптура монотонна, и золото наилучшим образом подчёркивает величие, божественность образов. Важным отличием данного паланкина от других экспонатов выставки является крыша, выполненная в стиле *симмэй-дзукури* 神明造, использованном в святилище Исэ-дзингу: 伊勢神宮. Декоративные элементы, продолжающие коньки крыши, украшают скульптуры в виде птиц *хо:о:*. Примечательно, что в их клювах находятся металлические колокольчики.

Пятый паланкин (ил. 5) относится к святилищу Отама Инари-дзиндзя 於玉稻荷神社 города Токио. Издревле здесь было место пребывания духа – божества Инари (Тама-Инари 玉稻荷), синтоистского божества пищи и земледелия, и находилось маленькое святилище *бунся* 分社. Земля, на которой оно было построено, являлось местом проведения соколиной охоты рода Токугава [То:кё:то: дзиндзятё:]. В 1856 г. исконное святилище *хонся* 本社 выгорело во время землетрясения, и в 1874 г. из района Канда было перенесено на настоящее место. В старом святилище молились такие личности, как основатель крепости Эдо – О:та Докан (1432–1486), сёгун Асикага Ёсимаса (1436–1490), основатель города Сэндай – Датэ Масамунэ (1567–1636) и др. Основное божество святилища – Ука-но митама-но микото, которое часто называют Инари даймё:дзин 稻荷大明神. Высота паланкина – 200 см, ширина основания – 122 см.

Ил. 5. Паланкин святилища Отама Инари-дзиндзя

Бросается в глаза необычное цветовое решение святилища. Вместо красного цвета, использованного в ранее описанных паланкинах, в качестве доминирующего цвета использован фиолетовый. Считается, что в таком же цветовом решении был выполнен в 749 г. древнейший паланкин. Это может означать только одно – следование старым традициям. Ворота перед святилищем исполнены в стиле *инари* 稲荷. Другой уникальной особенностью паланкина является дизайн крыши святилища: используется щипец в стиле *карахафу*, наружная поверхность крыши выполнена в виде орнамента, напоминающего панцирь черепахи. У скульптуры в виде птицы *хо:о:*, находящейся сверху крыши, в клюве можно видеть стебли риса (гербарий). Рельефные композиции декорируют основание паланкина. Выступающие части балок и другие архитектурные конструкции святилища – монохромны и покрыты позолотой. Исключением являются горельефные композиции четырех животных китайской астрономии – белого тигра, синего рю:, красной птицы сюдзюку и чёрного гэмбу, выполненные полихромно. Акцентируется цвет каждого из них. В сюжетах резьбы, используемых в оформлении паланкина, можно видеть композиции «утки и волны», «журавли».

Ил. 6. Паланкин святилища Сирахигэ-дзиндзя

Шестой паланкин (ил. 6) относится к токийскому святилищу Сирахигэ-дзиндзя 白髭神社. Согласно преданию, в 951 г., когда в район Канто приезжал великий учитель Дзиэ (912–985) школы Тэндай 天台宗¹⁵, на том месте, где по указу Токугава Иэясу (1543–1616) было построено в 1591 г. данное святилище, уже почитался дух седобородого Мё:дзин 白髭明神¹⁶. В 1868 г. было отстроено новое святилище, а в 1888 г. Основной павильон и Павильон для молитв Хайдэн 拝殿 были перестроены. В 1931 г. были перестроены ворота. Старое святилище находится в городе Такасима префектуры Сига. Основным божеством является Сарута-хико-но ками 猿田毘古神¹⁷. Через два года после пожара в 1990 г. святилище было воссоздано. Высота паланкина – 170 см., а ширина основания – 120. Его вес составляет 1150 кг.

Паланкин был создан в 1848 г., является типичным для того времени. Все деревянные рельефные композиции покрыты позолотой. Имеется одна особенность, отличающая этот паланкин от других, – дверь в святилище, выполненная в стиле *санкарадо* 棧唐戸 (китайская (танская) дверь с задвижкой), верхняя часть которой сделана в виде решётки. Декоративные панели на стенах храма отсутствуют. В качестве дополнительного декора святилища использовано двадцать четыре зеркала.

¹⁵ Одна из основных буддийских школ, возникшая из одноимённой китайской школы Тяньтай.

¹⁶ Основное место почитания находится в Оумии-но куни (современная префектура Сага). Существуют три написания второго иероглифа в названии святилища: 鬚, 髭, 髯. Если используется такое написание, как 白鬚神社, то в нём основным божеством является Сиоцути-но удзи 塩土老翁.

¹⁷ Бог Небесного Перекрестья Путей.

Ил. 7. Паланкин святилища Комадомэ Хатиман-дзиндзя

Седьмой паланкин (ил. 7) представляет токийское святилище Комадомэ Хатиман-дзиндзя 駒留八幡神社. Согласно преданию, уже с VII века на этом месте существовало святилище. В эпоху Камакура (1185–1333) в нём молились представители рода Ходзё, в период междоусобных феодальных войн в XVI столетии – владелец крепости Сэтагая, род Гира, а в период Эдо – род Окубо.

Основными божествами святилища являются Аматаэрасу-ооками и Оодзин-тэнно:. Высота паланкина – 140 см, а ширина основания – 160 см. Полный вес – 300 кг. Паланкин был выполнен в 1762 г., в 30-х годах 19-го столетия проводились реставрационные работы. Главной особенностью этого паланкина является то, что брусья проходят не сквозь основание, как в других экспонатах выставки, а под ним. Как и в предыдущем паланкине, в дополнительном оформлении задействовано двадцать четыре зеркала. В декоре паланкина использован лак, позолота, металлический декор.

Следующий паланкин (ил. 8) – из святилища Касуга-дзиндзя 春日神社, что расположено в городе Тама столичного округа. Согласно записям, сохранившимся в святилище, оно было построено в 1181 г. одновременно с основанием деревни Рэнко:дзи-мура 連光寺村. Считается, что несколько криптомерий, клёнов и дзелькав пальчатых, растущих вокруг святилища, сохранились ещё с того времени.

Ил. 8. Паланкин святилища Касуга-дзиндзя

Основными божествами являются Оохирумэ-но микото 大日靈尊¹⁸, Амэ-но кояне-но ками 天兒屋根神¹⁹, Такэмикадзути-но ками 武甕槌神²⁰, Фуцунуси-но ками 経津主神²¹. Паланкин был выполнен в 1871 г. Его высота – 180 см, а ширина – 127 см. В этом паланкине мало декора, ограниченная цветовая гамма – всё это делает его характерным примером паланкина старой школы.

На крыше святилища вместо скульптуры птицы хо:о: расположен декоративный элемент в виде шара, появление которого в архитектуре вызвано влиянием формы камня Чинтамани, исполняющего желания и принадлежавшего Авалакитешвара. Этот декоративный элемент часто используется в декоре оград как синтоистских святилищ, так и буддийских храмов, но его наличие на крыше здания является признаком буддийских сооружений.

Святилище покрыто чёрным лаком, за исключением внутренней части крыши и стропил, выделенных красным тоном. В декоре крыши использован шипец в стилях карахафу и симмэй-дзукури. Наличие признаков синтоистских и буддийских стилей в архитектурном решении крыши святилища паланкина делают его характерным примером синкретизма японской архитектуры.

¹⁸ Госпожа великого полудня. Другое имя – Аматэрасу. Верховное божество, божество Солнца.

¹⁹ Упоминается в мифе о сокрытии Аматэрасу в Небесной пещере, в мифе о сошествии на землю внуков богов. Считается родовым божеством клана Фудзивара.

²⁰ Бог грома и меча.

²¹ Его другое имя – Иваинуси-но ками 伊波比主神(斎主神). Бог холодного оружия.

Ил. 9. Паланкин святилища Касаи-дзиндзя

Девятый паланкин (ил. 9) относится к токийскому святилищу Касаи-дзиндзя 葛西神社, основанному, согласно преданию, в 1185 г. На этом месте Касаи Киёсигэ (1161–1238) проводил службу божеству Катори-син 香取神 – защитнику этой местности. Первоначально святилище называлось Катори-гу: 香取宮. Считается, что Токугава Иэясу приезжал сюда смотреть кукольные спектакли, и в 1591 г. святилищу даровал землю.

В эпоху Мэйдзи (1868–1912) ранг святилища изменился. Основными божествами святилища являются Фуцунуси-но ками, Яматотакэру-но микото (божество воинской добродетели), Токугава Иэясу-но микото 徳川家康尊²². Высота паланкина – 170 см, ширина основания – 121 см. Одна из особенностей данного паланкина – крыша, покрытая чёрным лаком, и четыре скульптуры ласточек вместо птиц *хо:о:*, расположенных по краям крыши. Металлический декор основания отличается тщательной проработкой и высокой художественностью.

Последний, десятый, паланкин (ил. 10) – из токийского святилища Атаго-дзиндзя 愛宕神社. Как гласит предание, святилище было основано в 1603 г. по приказу Токугава Иэясу, как место служения божеству – защитнику от пожаров и стихийных бедствий. Святилище было построено в 1610 г. Во время пожара 1853 г. оно было утрачено и восстановлено в 1886 г. Во время землетрясения 1 сентября 1923 г. святилище выгорело и затем было отстроено, но 24 мая 1945 г. было уничтожено в результате американской бомбардировки.

²² Почитается в качестве То:сё: дайгонгэн 東照大権現.

Ил. 10. Паланкин святилища Атаго-дзиндзя

Настоящее святилище было воссоздано в 1958 г. Основными божествами являются: Хомусуби-но ками 火産靈神²³, Мицуханомэ-но ками 罔象女神²⁴ и Ооямадзуми-но ками 大山祇神²⁵ и Ямато Такэру-но микото. Данный паланкин был выполнен в 1981 г., его высота – 130 см, а ширина основания – 110 см. К его особым чертам можно отнести декор основания паланкина. Он состоит из мозаики из синей смальты, в центре имеется резной рельеф, иллюстрирующий игру карасиси и комаину. Следующая особенность – наличие только двух ворот перед святилищем, с южного и северного фасадов. Стены святилища декорированы монохромными резными панно. На крыше святилища вместо декора тройного *томоэ*, который можно видеть во многих паланкинах, представленных на выставке, используется герб (*камон* 家紋) рода Токугава – три листа растения копытень [Спиридонов, 2012, с. 154–155].

Сравнивая паланкины между собой, можно сказать, что, выполненные в XVIII, XIX, в начале XX в., – например, из святилищ Сирохигэ-дзиндзя, Комадомэ Хатиман-дзиндзя, Касуга-дзиндзя и Касаи-дзиндзя, они отличаются простотой декора, минимальным или полным отсутствием декоративной пластики. Пышность декора, его многообразность и многоликая палитра, использование драгоценных камней – всё это становится отличительной чертой паланкинов, созданных во второй половине XX века.

²³ Также известен как Хинокагабико-но ками 火之炫毘古神, божество огня.

²⁴ Богиня воды. Её имя может произноситься как Мидзуханомэ-но ками 弥都波能売神.

²⁵ Бог гор. Его имя означает «Великое божество гор».

Что касается расположения брусев, то в девяти паланкинах из десяти брусья проходят сквозь основание паланкина, но только в одном из святилища Комадомэ Хатиман-дзиндзя они расположены под основанием.

Декор основания паланкинов включает в себя покрытие чёрным лаком, металлопластику, растительный орнамент и узор тройное *томоэ*. Также декор может сочетать в себе рельефные композиции. Примерами могут служить паланкины из святилищ Курамаэ-дзиндзя, Томиока Хатиман-гу: и Атаго-дзиндзя.

Тематика сюжетных композиций оснований паланкинов из этих трёх святилищ отличается – животные китайского зодиака, четыре зверя китайской астрономии, игры карасиси и комаину. В первых двух паланкинах барельефы декорированы металлическими рамами, что является традиционным оформлением, а обрамление барельефа мозаикой из смальты в паланкине из святилища Атаго-дзиндзя – нетипично для паланкинов и японского традиционного искусства. Созданный в начале 80-х годов XX века, этот паланкин вобрал в себя и новые формы искусства, с которыми не были знакомы мастера по созданию паланкинов до XX столетия.

Количество ворот тории перед святилищем не всегда соответствует количеству входов в него. Так, из десяти паланкинов в девяти ворота расположены с четырёх сторон святилища, но в паланкине из святилища Атаго-дзиндзя ворота расположены только со стороны южного и северного фасадов, что и определяет только два входа в святилище паланкина. В паланкинах из Курамаэ-дзиндзя и Томиока Хатиман-гу: ворот четыре, но входов в святилище – только два.

Декор стен святилища может включать резные композиции со стороны западного и восточного фасадов. Так, из десяти паланкинов только в двух (из святилищ Курамаэ-дзиндзя и Томиока-Хатиман-гу:) имеется такой декор, выполненный на сюжеты из «Кодзики» и «Нихонги».

В основе формы крыш всех паланкинов лежит буддийский стиль архитектуры *хо:гё:-дзукури*, используемый в строительстве пагод, библиотек и других сооружений. К нему можно отнести паланкины из святилищ Курамаэ-дзиндзя, Томиока Хатиман-гу:, Сирохигэ-дзиндзя, Комадомэ-дзиндзя, Касаи-дзиндзя и Атаго-дзиндзя. Крыши святилищ двух паланкинов из Сибуя Хикава-дзиндзя, Отама Инари-дзиндзя, хотя и выполнены в этом стиле, но дополнены щипцом в стиле *карахафу*, также используемом в буддийской архитектуре. Крыши двух паланкинов из святилищ Томигаока Хатиман-гу: и Касуга-дзиндзя выполнены в стиле *хо:гё:-дзукури*, но дополнены щипцом в стиле *карахафу* и элементами крыш синтоистских святилищ в стиле *симмэй-дзукури*, что говорит о синкретизме синтоистского и буддийского стилей архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дзиндзя сампай : [Паломничество в синтоистские святилища] / под ред. С. Окада. Токио: Оригин, 1994. 440 с.

Ермакова Л.М. Культы и верования в раннем периоде японской культуры // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. I. Очерки по истории синто / СПб.: Гиперион, 2002. С. 7–42.

Ермакова Л.М. Храмовый комплекс Исэ и архаические верования // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. I. Очерки по истории синто / СПб.: Гиперион, 2002. С. 409–423.

Миндзоку танхо: дзитэн : [Словарь по исследованиям в области этнографии] / под ред. Н. Мията и др. Токио: Ямакава, 1996. 465 с.

Молодякова Э.В. Ритуал в синтоистской традиции // Боги, святилища, обряды: энциклопедия синто / под ред. И.С. Смирнова. М.: РГГУ, 2010. С.101–155.

Накая С. Синсэй нихон синто: : [Подлинный японский синтоизм]. Токио: КК, 1998. 256 с.

Синкого дзитэн : [Новый словарь старых слов] / сост. С. Итико. Токио: Гакукэн, 1992. 1397 с.

Спиридонов Г. Архитектурный синкретизм храма Никко: Тосё:-гу: // Синто: память культуры и живая вера / под ред. Э.В. Молодяковой. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 146–156.

Такафудзи Х. Сядзи кэнтику-но тё:коку : [Скульптура в архитектуре святилищ и буддийских храмов]. Токио: То:кё: бидзюцу, 1999. 214 с.

То:кё:то: дзиндзятё : [Управление по деятельности Токийских синтоистских святилищ] URL: [//www.tokyo-jinjacho.or.jp/syoukai/16_katsushika/16019.html](http://www.tokyo-jinjacho.or.jp/syoukai/16_katsushika/16019.html) (дата обращения: 01.11.2017).

То:кё:то:-но рэкиси сампо : [Исторические прогулки по Токио] Т.2. / сост. То:кё:то: рэкиси кё:ику кэнкю:кай. Токио: Ямакава, 1997. 281 с.

Токи Д. Микоси то даси : [Паланкины и повозки]//Нихон саирэй-гё:дзи со:ран:[Общий обзор японских праздников и церемоний] / под ред. И.Ёсинари. Токио: Синдзинбуцу, 1999. 455 с.

REFERENCES

Ermakova, L.M. (2002). Khramovyy kompleks Is'e i arkhaicheskiye verovaniya [The Ise shrine complex and archaic beliefs], *Sinto – puti yaponskix bogov.: v 2 t. T.1. Ocherki po istorii sinto* [Shinto – ways of the gods. In 2 vol. Vol. 1. Essays on the history of Shinto], Saint Petersburg: Giperion: 409–423. (In Russian).

Ermakova, L.M. (2002). Kul'ty i verovaniya v rannem periode yaponskoy kul'tury [Cults and beliefs in the early period of Japanese culture], *Sinto – puti yaponskix bogov.: v 2 t. T.1. Ocherki po istorii sinto* [Shinto – ways of the gods. In 2 vol. Vol. 1. Essays on the history of Shinto], Saint Petersburg: Giperion: 7–42. (In Russian).

Ichiko, S. (1992). Shinkogo jiten. [New dictionary of archaic words], Tokyo: Gakuken. (In Japanese).

Miyata, N. (ed.). (1996). Minzoku tanbo jiten. [Dictionary of ethnographic research], Tokyo: Yamakawa. (In Japanese).

Molodyakova, E.V. (2010). Ritual v sintoistskoy traditsii [Ritual in the Shinto tradition] // *Bogi, svyatilishcha, obryady: entsiklopediya sinto* [Japan: Gods, shrines, rites: Encyclopedia of Shinto], ed. by I.S. Smirnov, Moscow: RGGU: 101–155. (In Russian).

Nakaya, S. (1998). Shinsei Nihon Shinto [Authentic Japanese Shinto], Tokyo: KK. (In Japanese).

Okada, S. (ed.). (1994). Jinja sanpai [Stroll through the shrines], Tokyo: Origin. (In Japanese).

Spiridonov, G.B. (2012). Arkhitekturnyy sinkretizm khrama Nikko: Tosyo:-gu: [Architectural syncretism of Nikko Tosyo-gu], *Sinto: pamyat' kul'tury i zhivaya vera* [Shinto: memory of culture and living faith], ed. by E.V. Molodyakova, Moscow: AIRO-XXI: 146–156. (In Russian).

Takafuji, H. (1999). Shaji kenchiku-no chokoku [Sculpture in the architecture of shrines and buddhist temples], Tokyo: Tokyo bijutsu. (In Japanese).

Toki, D. (1999). Mikoshi to dashi [Portable shrine and float], *Nihon sairei gyoji soran* [General overview of Japanese festivals and ceremonies], ed. by I. Yoshinari, Tokyo: Shinjinbutsu. (In Japanese).

Tokyoto jinjacho [The Association of Shinto shrines of Tokyo Metropolis], URL: https://www.tokyo-jinjacho.or.jp/syukai/16_katsushika/16019.html (accessed: 1 November 2017). (In Japanese).

Tokyoto-no rekishi sanpo. Vol. 2 [Historical walks in Tokyo Metropolis. Vol. 2], ed. by Pedagogical Research Society for the Study of the History of Tokyo Metropolis, Tokyo: Yamakawa. (In Japanese).

Поступила в редакцию 19.12.2018

Received 19 December 2018

Для цитирования: Спиридонов Г.Б. Синтоистские паланкины: прошлое и настоящее // Японские исследования. 2019. №2. С. 20–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10010

For citation: Spiridonov G.B. (2019). Sintoistskiye palankiny: proshloye i nastoyashcheye [Portable Shinto shrines: past and present], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 2: 20–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10010

Японские исследования. 2019. №2. С. 40–62.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 40–62.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10011

Песни «весёлых кварталов» как литературный феномен эпохи Эдо

А.А. Долин

Аннотация. Песни «весёлых кварталов» *коута* остаются наименее исследованным литературным жанром эпохи Эдо. Созданные преимущественно безвестными обитательницами домов терпимости при участии городской богемы, *коута* на протяжении нескольких веков оставались неиссякаемой сокровищницей фольклорного словесного искусства. Высокий культурный уровень многочисленных авторов текстов обусловил тесную связь *коута* с классической поэзией и поэтикой, а также предопределил их роль в выработке определённых литературных приемов драматургии Кабуки и Дзёрури.

В то же время *коута* могут служить примером успешной адаптации и трансформации самых разнообразных жанров и форм фольклорной лирики – от плясовых песен с ритмичными припевами, лишёнными семантической нагрузки, до длинных сюжетных баллад и описаний различных местностей в жанре поэтического путеводителя.

Особого внимания заслуживает профессиональное редактирование сборников *коута*, отличающихся богатством состава и глубоко продуманной структурой книг. Работа составителей обнаруживает наличие в Японии эпохи Эдо оригинального течения фольклористики, отмеченного повышенным интересом к исторической поэтике. Сходные тенденции прослеживаются в европейской литературе эпохи романтизма.

Антологии *коута*, составленные литераторами XVII–XVIII веков, являются по сути единым в своём бесконечном разнообразии памятником словесности, в котором отражены мельчайшие детали быта горожан и даны точные зарисовки жизни гетер-дзёро. В отличие от слишком откровенной, порой доходящей до гротеска, эротической гравюры *сюнга*, лирика *коута* повествует о страданиях подлинной любви и оплакивает жестокую участь женщин, проданных в сексуальное рабство.

Музыкальные достоинства и поэтическое совершенство текстов *коута* снискали им огромную популярность не только в среде профессиональных гейш, но и в широких народных массах. *Коута* оказали влияние на становление в конце XIX века романтической поэзии новых форм *синтайси*, а в XX веке – на развитие популярного жанра эстрадной песни *энка*.

Ключевые слова: Эпоха Эдо, песни *коута*, «весёлые кварталы», гравюры *сюнга*, поэтические приёмы.

Автор: Долин Александр Аркадьевич, профессор, Школа востоковедения НИУ Высшая школа экономики. E-mail: akitadol@gmail.com

Songs of the licensed quarters as a literary phenomenon of the Edo period

A.A. Dolin

Abstract. Kouta, the songs of the licensed quarters, still remain one of the most poorly explored genres of the Edo period literature. These songs, created by anonymous female authors from luxurious brothels with the assistance of the bohemian literati of the time, were known for many centuries as the treasury of Japanese folklore. The highest level of education and considerable poetic skills typical for many authors became a token of close connection with classical poetry and predestined the role of the genre in the formation of literary canon in Kabuki and Joruri drama.

In the meantime, kouta present a brilliant example of the most successful adaptation and transformation of the whole palette of folklore lyrical songs – from the dancing tunes with rhythmic refrains free of any semantic functions to the long dramatic ballads and descriptions of specific locations in the genre of a poetic guidebook. Professional compilers and editors of the kouta collections deserve great appreciation both for the amount of the preserved songs and for the skillful composition of the books. Impressive achievements of the editors reveal the existence of a folklore studies trend in premodern Japan – a phenomenon that can be compared only to the infatuation with folklore so typical for the age of Romanticism in Europe.

Kouta anthologies compiled in the 17–18th centuries essentially constitute one great poetic monument, a unity in diversity revealing the slightest details of the city life and featuring primarily customs and mores of the licensed quarters. Unlike the most provocative, sometimes even grotesque imagery of the shunga erotic woodblock prints, kouta tell the stories of true love and suffering of the joro sexual slaves from “tea houses”.

Musical and poetic merits of the kouta songs gained them great reputation not only in the professional geisha community, but also among the public at large. Kouta influenced the formation of the Japanese Romanticist shintaishi poetry in the late 19th century and made a strong impact on enka, the most successful folk song genre of the 20th century.

Keywords: Edo period, kouta songs, licensed quarters, shunga woodblock prints, poetic techniques.

Author: Dolin Alexander A., professor, School of Asian Studies, NRU Higher School of Economics.
E-mail: akitadol@gmail.com

Если японская классическая литература и, в частности, поэзия уже по крайней мере полтора столетия является объектом пристального внимания сотен специалистов в самой Японии и за её пределами, то песенно-поэтический фольклор страны Восходящего солнца пока ещё почти не изучен. Правда, выдающиеся японские этнографы Янагита Кунио и Оригути Синобу уделили немало внимания древнейшим хоровым, плясовым и обрядовым песням в контексте религиозных традиций, но они практически не касались фольклора «весёлых кварталов», созданного его многочисленными обитателями в эпоху Токугава. Хотя огромный пласт литературного творчества, известный как песни-*коута*, более или менее систематизирован и представлен читателю в редких изданиях, исследований этого полупрофессионального вида народной лирики, за исключением одной поверхностной работы Мацухара Ивао [Matsuhara

Iwao, 1927], практически не существует, а сам жанр в справочниках трактуется в основном как вид музыкальных произведений при полном замалчивании литературного аспекта. Вскользь замечает о коута, причём только в музыкальном аспекте, Теренс Ланкашир в монографии «Введение в японские фольклорные сценические искусства» [Lancashire T. An Introduction to Japanese Folk Performing Arts, 2013]. Практически ничего не говорит о коута и Дэвид Хьюз в своей книге «Традиционная фольклорная песня в современной Японии: источники, чувственное восприятие и общество» [Huhges D.W., Traditional Folk Song in Modern Japan: Sources, Sentiment and Society, 2008]. Курьёзной безделушкой выглядит книжечка Лайзы Долби «Песенки гейш» [Dalby L.C., Little Songs of the Geisha, 1983] с сотней подстрочных переводов случайных малоформатных коута из неизвестных источников без комментариев и с предисловием «для домохозяек». И лишь «Прогулки в Эдо с коута» Хираяма Кэн [Хираяма Кэн, Коута Эдо сампо, 1988] слегка затрагивают тексты песен. Избранные тексты коута на русском языке публиковались также в переводе автора («Песни гейш», 2009), но без специального филологического анализа.

Настоящая статья фактически является попыткой описать в первом приближении корпус текстов основных сборников эдоских *коута*, опубликованных в начале XX века. «Полное собрание песен Нового времени» [Киндай каё сю, дзэн, 1927] и с того времени не переиздававшихся на языке оригинала в полном объёме.

Киндай каё сю (Собрание песен эпохи Эдо)

* * *

Коута до сих пор остаются неким маргинальным жанром на периферии японского литературоведения, которое склонно переадресовать эти красочные стихи и песни музыковедам или, в крайнем случае, этнографам. Такое положение вещей представляется совершенно неоправданным, если объективно оценивать тексты *коута*, не отталкиваясь от консервативной японской традиции. Многочисленные, профессионально составленные и тщательно отредактированные ещё в эпоху Эдо сборники *коута*, безусловно, заслуживают изучения не только как сокровищница национального песенного фольклора, но и как источник вдохновения драматургов, писавших пьесы для театров Кабуки и Дзёрури (Бунраку).

При этом в поэзии *коута* отчётливо прослеживается влияние высокой классики и, в частности, любовной лирики эпохи Хэйан. Это неоспоримое свидетельство тесной связи и взаимного влияния профессиональной и фольклорной поэзии, которую можно считать важнейшей типологической особенностью японской литературы. Фактически, песенный фольклор, создававшийся сотнями высокообразованных гетер и представителями литературной богемы, становился, в известном смысле, проекцией классики на широкие слои городского населения, которое усваивало таким образом имена популярных персонажей старинных романов и повестей, авторов лирических дневников и поэтических сборников.

Воспетые знаменитыми поэтами и прославленными художниками природные красоты – горы, реки, долины, морские бухты и острова – также находили отражение в поэтике *коута*, формируя своеобразную историческую и эстетическую географию страны. Таким образом, фольклор «весёлых кварталов» становился не только энциклопедией быта и нравов своего времени, но и важнейшей составной частью художественной культуры «быстротекущего мира» *укиё*, зародившейся и вызревшей в период Эдо.

Если рассматривать искусство изменчивого мира *укиё* с его культом плотских наслаждений и утончённых усад духа как единый большой стиль (сопоставимый по всеобщности эстетических установок, например, с европейским романтизмом), то песни «весёлых кварталов», бесспорно, займут место в одном ряду с гравюрами *сюнга*, мелодраматическими повестями *ниндзёбон* и рассказами о любовных похождениях *косёку-моно*. Как заметил Д.С. Лихачев, «понятие стиля может быть приложено к разным искусствам, и между ними могут оказаться синхронные соответствия» [Лихачев, 1967, с. 35]. В рамках такого большого стиля и следует изучать поэзию *коута* как один из феноменов искусства «изменчивого мира», к которому душой и телом принадлежали его творцы.

Авторы в контексте эпохи

В эпоху Эдо, ознаменованную расцветом гигантских мегаполисов с населением в сотни тысяч человек, получила распространение новая городская культура, известная как культура «бренного и быстротечного мира» *укиё*. Старый тезис буддийской философии о бренности скорбной жизни был переосмыслен в новом ключе, когда именно скоротечность человеческого бытия стала поводом для поиска всевозможных наслаждений. Плотские радости на время

оттеснили идею духовного совершенствования. Героинями драм Тикамацу Мондзаэмон и новелл Ихара Сайкаку стали прелестные гетеры, обительницы «весёлых кварталов» Эдо, Осаки и Нагасаки.

Лишённые всех гражданских прав и обречённые влачить рабское существование в домах терпимости, эти женщины не только сумели сохранить в душе мечты о чистой взаимной любви, но и создали великое множество произведений песенной лирики, которые и сегодня порой звучат с эстрады или сопровождают ритуальные пляски на храмовых праздниках. И хотя песни *коута*, безусловно, следует отнести к фольклору, их авторы ничуть не походили на народных сказителей, представляя собой уникальную профессиональную «касту» с выраженными гендерными особенностями.

Публичные дома, больше известные под скромным эвфемизмом «чайный домик» (*тяя*), обычно состояли из «салонов» для развлечения гостей и пирушек (разделённых перегородками) *хикитэ-дзя*, где, в частности, гость мог выбрать девушку, и внутренних покоев *иро-дзя*, то есть «номеров» для интимных утех. *Тяя* подразделялись по классам и категориям.

В приличных «чайных домиках» можно было проводить время весело и со вкусом. Об этом свидетельствует уже тот факт, что «весёлые кварталы» Эдо и Осаки стали прибежищем всей городской богемы, не слишком обременённой семейными обязательствами. Поэты, писатели и художники дневали и ночевали в «весёлых кварталах» бок о бок с «низшей кастой» – актерами театров Кабуки и Дзёрури, которым селиться за пределами обнесённых стенами квартала вообще было запрещено. Порой они превращали обитель наслаждений в свой рабочий кабинет или художественную мастерскую, девиц используя в качестве моделей или прототипов героинь, наводнивших страницы прозы и драматургии эпохи Токугава. Так возник жанр «портретов красавиц» (*бидзинга*), в котором подвизалось большинство известных художников *укиё-э*. Портреты знаменитых куртизанок нередко продавались владельцам заведений, которые использовали их для рекламных буклетов, хотя часть картин не носила прикладного характера и создавалась исключительно из любви к искусству. Иные гравюры дополнялись текстами.

Впрочем, прославленные художники рисовали тех же девиц лёгкого поведения и в другом жанре – *сюнга*. Порноиндустрия «весенних картинок» *сюнга*, с их гротескной сексуальностью, одобренной романтической иронией, пользовалась невероятной популярностью во всех слоях населения и имела огромный спрос. Издатели заказывали *сюнга* для иллюстраций эротических романов, для наглядных пособий по технике плотской любви и просто для художественных альбомов.

Сами художники охотно предлагали новые сюжеты для альбомов *сюнга*, в которых часто пародировались классические мотивы: эпизоды из «Повести о Гэндзи», любовные *танка* Ононо Комати или Исэ, сцены свиданий влюблённых из героических эпосов-*гунки* и т.п. Например, Китагава Утамаро (впоследствии жестоко поплатившийся за своё увлечение эросом) создал серию откровенных *сюнга* с пародийным каламбурным названием «Утамакура», что можно было бы перевести как «изголовье ложа в песнях», но в действительности *утамакура* – просто поэтический приём, топоним в зачине классической поэзии *танка*. В сходном игровом жанре создавали «поэтические» порно-циклы Кэйсай Эйсэн, Судзуки Харунобу, Кацусика Хокусай, Утагава Кунисада и многие другие мастера [Buckland R., 2010]. Впрочем, *сюнга* одновременно

можно рассматривать и как уникальную иллюстрированную энциклопедию быта и нравов «весёлых кварталов», дающую довольно полное представление о жизни сексуальных невольниц и невольников, создателей песен-*коута*. При этом некоторые *сюнга* «пограничного характера», то есть не содержащие элементов откровенной порнографии (а таких тоже было немало) по тональности и эротическому духу *ирокаэ* находятся в прямом соответствии с текстами *коута*.

Авторы же порношедевров нередко сами сопровождали свои картины текстом, в том числе иногда и поэтическим. Однако с песнями-*коута* такие подписи не имеют ничего общего. Чаще всего текст содержит, для полноты картины, любовные стоны, вздохи и прищёптывания – совершенно в той же манере, что и у современных авторов эротических *манга*. Так, в знаменитой картине Хокусай «Сон жены рыбака», где огромный осьминог ублажает всеми доступными способами молодую женщину, текст на подложке представляет собой бессвязный эротический бред.

Представленные в *сюнга* типажи дают ясное представление об эдоском идеале женской красоты. Это миниатюрная женщина с маленькой грудью, сравнительно короткими ногами, дугообразно изогнутыми в голених, с тонкими изящными чертами лица, сложной причёской и изысканными манерами, одетая по последней моде. Таков, собственно, и коллективный портрет «автора» подавляющего большинства песен-*коута*.

Трудно найти известного художника эпохи Эдо, который не отдал бы дань прибыльному промыслу *сюнга* несмотря на суровые ограничительные меры властей, стремившихся хотя бы внешне блюсти в обществе нормы конфуцианской морали. Само собой разумеется, в поисках сюжетов художники сами должны были предаваться неустанным экспериментам, примеряя на себя экзотические позы и пикантные ракурсы.

Эротические творения художников и писателей подвергались запретам, а их авторам и владельцам издательств грозили не только высокие штрафы, но порой и арест, а также физическое наказание. Ни с чем подобным авторам *коута* сталкиваться не приходилось.

Наряду с девицами котиrowались и юноши-*вакасю*, которым в бисексуальной японской эротической культуре также посвящено немало шедевров изобразительного искусства, новелл и стихов. Гендерные различия вообще не играли решающей роли в сексуальных утехх, которые предлагали посетителям «весёлые кварталы». В отличие от Европы, где христианство трактовало мужеложество как грех, буддистская культура не рассматривала однополую любовь как девиацию в сексуальной практике. Правда, существовал запрет на однополые браки, но культура «весёлых кварталов» была принципиально чужда любым матримониальным интересам, которые считались приватным делом клиентов и никогда не обсуждались в стенах «чайных домиков». Кроме обычных «злачных мест», в Эдо и других больших городах возникали даже специализированные кварталы для заядлых гомосексуалов с полным комплектом сервиса по прејскуранту, который предоставляли им мальчики и юноши – включая, разумеется, музыку и изящные искусства.

Можно предположить, что *вакасю* тоже внесли свою лепту в сочинение *коута* наряду с гетерами-*дзёро*.

Входя в «чайный домик», посетитель оставлял свои семейные обязательства и высокую мораль за порогом вместе с обувью и предавался плотским радостям без всяких ограничений.

Смена партнёров, групповой секс, оргии с чередованием услуг женщин и мужчин, вуайеризм, эксгибиционизм – все виды наслаждений, известные на Западе как половые извращения, для «кварталов цветов» были повседневной нормой.

При всём том разнузданный секс сочетался с эстетическими уладами в виде пения, танцев, декламирования стихов и интеллектуальных игр, которые должны были обеспечивать те же действующие лица, что являлись партнёрами в сексе, то есть девицы-*дзёро* и юноши-*вакасю*.

Кроме стационарных «чайных домиков», большой популярностью пользовались лодки *фунэ-ядо* для увеселительных прогулок по рекам, озерам и морским заводям. Целые флотилии таких судов обслуживали состоятельных клиентов, предлагая им все виды развлечений и распространяя территорию «весёлых кварталов» как на речные просторы, так и на прибрежные бухты.

* * *

Разумеется, подготовка квалифицированного персонала для обширной культурной программы в этой индустрии досуга была нелёгкой задачей и требовала от владельцев борделей серьёзных инвестиций. В конкуренции «чайных домиков» кадры решали всё.

Неудивительно, что владельцы фешенебельных домов терпимости придавали особое внимание литературному и музыкальному образованию своих подопечных, для чего к ним приглашались квалифицированные учителя. Девушки должны были в обязательном порядке изучать искусство танца, овладевать всеми имевшимися в ассортименте музыкальными инструментами (прежде всего, *кото*, *сямисэном*, флейтой-*сякухати* и маленьким барабанчиком-тамбурином), а также усиленно штудировать классическую литературу, в особенности поэзию. Знание классики было необходимо для поддержания непринуждённой беседы с интеллектуалами, которые регулярно посещали «весёлые кварталы». Кроме того, разумеется, в программу входило владение тайнами косметики, создания неповторимых сложных причёсок и умение одеваться согласно требованиям высокой моды.

Хотя основной контингент борделей составляли купленные в провинции простолюдинки, там же порой можно было встретить и даму из самурайского рода, получившую соответствующее домашнее образование. Таких отдавали в бордель на несколько лет на перевоспитание, если женщина чем-то опорочила честь семьи. Знаменательно, что после отбытия сексуальной каторги их нередко принимали назад, в дом.

Всё вышесказанное относилось и к гетерам мужского пола, *вакасю*, хотя гетеросексуальное сообщество всё же, видимо, преобладало в «весёлых кварталах».

Гетеры высшего разряда *таю*, а в более общем определении *ойран*, могли соперничать по популярности с современными кинозвёздами. В городе их знали по именам и узнавали по портретам. Выход *ойран* в свет оформлялся как небольшой кортеж. Её всегда сопровождали две девочки-прислужницы *камуро*, двое слуг с паланкином, специальный прислужник, который нёс опахало и ещё один, который нёс фонарь. Толпы зевак бежали следом, чтобы лучше рассмотреть красавицу.

Однако роскошь *ойран* была не более, чем декорацией. Цена ночи любви с *таю* оценивалась в сумму около 60 *моммэ*, в то время как уличная проститутка *хаси дзёро* стоила в двадцать раз дешевле. При этом, чтобы вступить в интимные отношения с девицей высокого ранга, нужно было потратить ещё примерно такую же сумму на угощение, напитки и прочие виды обязательного сервиса. Неудивительно, что купцы, а порой и самураи спускали в «весёлых кварталах» целые состояния.

Впрочем, даже самые престижные *ойран* имели в своём распоряжении минимальный ресурс времени. Уже к двадцати – двадцати восьми годам они считались перестарками и безжалостно выбрасывались на улицу, о чём и повествует немало печальных баллад, в которых «девы веселья» горько оплакивают свою судьбу.

Издание сборников

Конечно, народные песни существовали в Японии и раньше. Множество анонимных любовных песен вошло в классические антологии – «Собрание мириад листьев» (*Манъё:сю*., VIII век), «Собрание старых и новых песен Японии» (*Кокинвакасю*., X век) и др. Начиная с XIII века широкое распространение получили обрядовые песни *кагура-ута*, буддийские песнопения *васан*, а также лирические песни *имаё* и *фудзоку*, которые нередко сопровождалась

танцами. В эпоху Камакура (1186–1332) была составлена антология «Песни для негромкой декламации» (*Кангин-сю*:). Небольшие сборники выходили и позже, но только в эпоху Эдо, с появлением «весёлых кварталов», песни стали важнейшей частью городской культуры и начали восприниматься всеми слоями населения как литературные произведения.

«Весёлые кварталы» были не только обителью плотских удовольствий, но и постоянным прибежищем городской богемы, неофициальными центрами культуры своего времени. Профессиональные литераторы, часто посещавшие кварталы любви, записывали и обрабатывали сочинения неизвестных поэтов, а иногда и добавляли тексты песен от себя. Художники, мастера гравюры *укиё-э* охотно делали иллюстрации к сборникам.

Коута (многие из которых имели хождение среди «дев веселья» ещё в XVI веке), начали завоевывать грандиозную популярность после выхода в 1600 г. книги «Песенки Рю:тацу» (*Рю:тацу коута*), составленной неким монахом буддийской секты Нитирэн по имени Рю:тацу, питавшим слабость к мирским удовольствиям и изящной словесности. В дальнейшем все произведения вольного городского фольклора стали именоваться в честь сборника Рю:тацу «песенками» – *коута*.

В период Токугава после «Песенок Рю:тацу» было опубликовано несколько объёмистых сборников *коута*, впоследствии вошедших в Полное собрание песен Нового времени под редакцией Цукамото Тэссан [*Киндай каё: сю: дзэн*, 1927]. Это «Молодая зелень» (*Вака мидори*, 1626), «Старинные песенки-оленьята» из Ёсивары» (*Коё: Ёсивара коута сика-но ко*, 1661), «Пособие для начинающих осваивать музыкальные инструменты» (*Ситику сёсин сю:*, 1664), «Собрание песенок нашего мира» (*То:ё коута сэн*, период 1688–1703, дата публикации не установлена), «Песни птиц и сверчков, записанные в горной хижине» (*Санка тё:дзюка*, предположительно 1671), «Луна сквозь ветви сосен» (*Сё:зэцу сё*, 1694) «Сосновые иглы» (*Мацу-но ха*, 1703), и «Опавшая сосновая хвоя» (*Мацу-но отиба*, 1703). Составители, боявшиеся обнаружить свою причастность к низменному жанру, лирике «цветов», как правило, сохраняли инкогнито или скрывались под загадочными псевдонимами. Не раскрывают они свои имена и в лирических предисловиях к книгам. Анонимными остаются и иллюстраторы, снабдившие сборники песен множеством жанровых картин, а также практических инструкций – например, по строению и использованию сямисэна.

В сборниках встречаются разнообразные жанры и формы *коута* – от простейших музыкальных миниатюр с незамысловатым текстом до развернутых многостраничных поэтических баллад (*нагэ-буси*) и сложных сюжетных повествований *нанива-буси*. Значительно различается и объём этих собраний. Если антология «Песенки Рю:тацу» представляет собой небольшую книжечку (около ста пятидесяти миниатюр, которые в переводе варьируются от четверостишия до восьмистишия), то «Сосновые иглы» включают уже несколько сотен сложных произведений с чёткой рубрикацией по жанрам и категориям.

Духовным стержнем *коута* стал утончённый эротизм, воплощённый в понятии *ироке* («чувственность»). Именно чувственность в широком смысле слова, включающая в себя и лёгкий словесный флирт, и жар любовных объятий, и тоску разлуки, придаёт этим небольшим песням удивительный колорит, которого напрочь лишены классические жанры японской поэзии. Хотя слово *ута* (песня) в понятии *коута* звучит так же, как и в наименовании

классических жанров (*танка*, *тё:ка*, *рэнга*), но записывается иероглифом «песенка», а не «стихотворение в жанре классической песни».

Как и всякая песенная лирика, *коута* тяготеют к насыщенной мелодике стиха, музыкальности, напевности. Японский язык лишён рифмы, но авторы песен знали о ней из китайской поэзии. И не случайны стихи с одинаковыми глагольными окончаниями, не случайно вводятся лексические повторы и ткань текста пронизана певучими ассонансами. Не выходя за рамки традиционной силлабической просодии (чередования интонационных групп 7–5, 7–7, а также иногда 8–7 и 8–8 слогов), безвестные авторы порой создавали оригинальные поэтические конструкции. По богатству же лексики песни значительно превосходили скованную каноническими ограничениями поэзию *танка*, поскольку, как заметил в своё время Добролюбов, «народная поэзия не стеснялась правилами школьных риторик и пиитик о высоком слоге, для неё все слова были хороши, только бы они точно и ясно обозначали предмет» [Добролюбов 1934, с. 525].

Поскольку *коута* всегда исполнялись под аккомпанемент трёхструнного *сямисэна*, цитры-*кото* или флейты-*сякухати*, важную роль играло согласование музыки и вокальной партии: часто мелодия только задавалась *сямисэном* или *кото*, затем вступал голос, а музыка сводилась к нескольким эффектным аккордам, после чего следовал долгий проигрыш-финал. Ко всем песням существовали ноты, записанные в условной японской системе нотной грамоты при помощи знаков *каны* и специальных значков разметки.

В «Пособии для начинающих осваивать музыкальные инструменты» тексты песен используются преимущественно для разучивания мелодий либо для своего рода уроков сольфеджио, и в основном привязаны не собственно к нотам, к партитуре, но к комментариям и заметкам по технике исполнения на *кото*, *сямисэне* и флейте-*сякухати*. Однако книга содержит интересные суждения о роли песен, о миссии их создателей и исполнителей.

Особенности стилистики и поэтические приемы

Жанрово-стилистические особенности *коута* чрезвычайно разнообразны, и в небольшой статье можно лишь пунктирно обозначить некоторые тенденции.

Любопытно, что собрание «Песенки Рю:тацу», включающее только сентиментальные лирические песни с легкой эротической окраской, открывается не чем иным, как нынешним японским национальным гимном:

кими га ё ва	Да продлится твой век
тиё ни ятиё ни	на тысячу поколений, на восемь тысяч поколений
садзарэ иси но	до тех пор, пока маленький камушек
ивао то наритэ	не станет утёсом
кокэ о мусу мадэ	и не покроется мхом!

В действительности это пятистишие неизвестного автора взято из классической антологии XX века «Собрание старых и новых песен Японии» («Кокинвакасю») и не имеет никакого

отношения к лирике «весёлых кварталов», странным образом контрастируя с содержанием прочих стихов. Не исключено, впрочем, что составитель тем самым проводит параллель с созданием первой императорской антологии, намекая на непреходящую значимость своего труда.

Основная масса стихотворений из самого раннего сборника *Рю:тацу коута* представляет собой примеры изящной и умело оформленной любовной лирики с лёгким эротическим колоритом, построенной преимущественно на таких приёмах, как параллелизм, сравнение, аллегория, олицетворение, антитеза. При этом семантический и грамматический параллелизм являются, как и следует ожидать в народной песне, наиболее частыми тропами. Их роль не случайно выделял в «Исторической поэтике» А.А. Веселовский: «Параллелизм народной песни покоится главным образом на категории действия, что все остальные предметные созвучия держатся лишь в составе формулы и вне её часто теряют значение. Устойчивость всей параллели достигается лишь в тех случаях, 1) когда к основному сходству, по категории действия, подбираются более или менее яркие сходные черты, его поддерживающие, или ему не перечаящие; 2) когда параллель приглянулась, вошла в обиход обычая или культа, определилась и окрепла надолго. Тогда параллель становится символом, самостоятельно являясь и в других сочетаниях, как показатель нарицательного» [Веселовский, 1940, с. 147]. Именно такое использование параллелизмов характерно для поэтики коута.

хана ни араси но	Буря, обрывающая цветы,
фукаба фукэ,	пусть себе свирепствует-веет,
кими-но кокоро но	Только бы сердце твоё
ёсо ни тирадзу ба	не умчалось с нею куда-нибудь!

Многие короткие песенки (обычно четверостишия в размере 5–7–5–7 или, как в данном случае, 7–7–7–7) содержат остроумное ироническое сравнение:

цуки ва нигори-но	И в грязную воду
мидзу ни мо томару,	заглядывает луна –
кадзу нарану ми ни	так и ты равнодушен
насакэ арэ кими	ко множеству девиц.

* * *

иро ёки хана но	Цветок, что цветом хорош,
ниои-но най ва,	не благоухает –
уцукуси кими но	от тебя, красавчик,
насакэ най ё но	чувства не дождёшься!

Коута, безусловно, связанные с поэтикой классической *вака* (*танка*, *тё:ка* и *рэнга*) тысячью нитей, обнаруживают удивительную свободу от канона. Тематика, лексика, композиция

стиха – всё определяется исключительно вкусовыми пристрастиями автора. При этом стройность и изящество лирического текста нередко достигаются при помощи тропов, заимствованных из поэтики *танка* – ассоциативных образов *энго*, омонимических метафор *какэкотоба*, введений *дзё*.

Очень многие песенки-*коута* выглядят как простой всплеск эмоций, наивные и непритязательные творения неискующих девиц:

кону хито о	Ожидаю милого,
мацу-но ха ни ору	а он всё не идёт –
сироюки но,	ах, снежок, что пал на сосновые иглы,
сиэ косо каэрэ	растай скорее! Пусть вернётся он!
киэ косо каэрэ	Растай скорее! Пусть вернётся он!

* * *

цуцумэдомо	Хоть и пытаюсь скрыть её,
иро ва намида ни	но любовь выявляется
араварэтэ	в слезах:
содэ ни току-току	кап-кап, кап-кап,
току-току-току то	кап-кап-кап – каплют на рукав.

Однако и здесь можно найти изящно вплетённый в ткань стихотворения троп – слово-стержень (*какэкотоба*) *мацу*, сочетающий в омофонической метафоре понятия «сосна» и «ожидать».

Показательно, что следующие песенки с аллегорическим сексуальным подтекстом, как и многие им подобные, написаны в форме *танка* (с соблюдением метрической схемы 5–7–5–7–7), хотя по образности и композиции имеют весьма мало общего с лирическим жанром *танка*:

сибаси матэ	Погоди чуть-чуть:
судзури-но уэ но	когда в тушечнице
усу коори,	тонкий ледок,
утитокэтэ косо	то лишь растопив его,
фуми мо какарурэ	можешь что-то написать.

* * *

сякухати-но	Послушать флейту-сякухати –
хитоёгири косо	и одну мелодию
нэ мо ёкэрэ,	уже хорошо, –
кими то хитоё ва	а с тобой провести ночь –
нэ мо тарану	так будет не до сна!

Последнее пятистишие являет собой образец использования аллюзивной метафоры *энго* и омонимической метафоры на основе слова-стержня *какэкотоба*. В сравнении читается игривый намёк на необходимость любовной игры перед сексом. Упоминание же о звуке одной мелодии флейты-*сякухати* содержит аллюзию на оральный секс (яп. *сякухати*), а омонимическая переключка смыслов *нэ* (звук) и *нэ* (сон), как и *хитоёгири* (один заход; одна мелодия; ночной туман) и *хитоё* (одна ночь) придают тексту флиртующую многозначность.

Иные песни построены на простом, но убедительном параллелизме, казалось бы, без открытых сексуальных аллюзий:

амэ но фуру ё но	В дождливую ночь
хитори нэ ва	спать одной –
идзурэ амэ томо	тут и ливень снаружи,
намида томо	и слёзы ливнем...

Однако даже в таких незамысловатых песенках присутствует выраженный опосредованно извечный эротизм культуры *укиё* – *ирокаэ*, который без преувеличения можно назвать духом времени и основным вектором развития культуры «весёлых кварталов».

Как короткие песни, так и длинные баллады-*буси* часто содержат прямую отсылку к ключевым концептам буддийской философии – разумеется, в адаптированном, предельно упрощённом виде. Обращение к высшим силам всегда составляло неотъемлемую часть народной поэзии. Такие стихи совершенно естественны для эстетики брэнного мира-*укиё*, произрастающей из буддистского учения об изменчивости и непостоянстве мира, вечном страдании и иллюзорных радостях жизни:

канэ саз нарэ ба	Когда бьёт колокол,
мо инау то оссяру,	возвещая конец нашей встречи,
коко ва буппо:	сокрыт в том исконный источник
то:дзэн но минамото,	буддийского Закона:
сёя-гоя но канэ ва	всегда звучит сначала колокол в первую ночь,
ицу мо нару	а потом и в последнюю.

Резкой негативистской тональностью, совершенно не типичной для *коута*, звучащей как крик измученной души и проклятие богам, выделяется такое стихотворение из сборника «Песенки-оленья из Ёсивары» с упоминанием ключевых буддистских понятий:

ками я буцу о	Ненавижу всех богов и будд
ураму ва ринъэ	за этот круг перерождений!
како-но инга ё	О эта карма прошлых деяний!
дзэху мо на я	Когда бы не было её!

В антологии «Песенки птиц и сверчков, записанные в горной хижине», палитра поэтических приемов *коута* пополняется парадоксальной антитезой:

коната омоэ ба	Когда мечтаю о тебе,
сэн ри мо ити ри,	тысяча <i>ри</i> как одно <i>ри</i> ,
авадзу модорэ ба	а когда возвращаюсь, не повидавшись,
ити ри га сэн ри	одно <i>ри</i> – как тысяча.

Изящная аллегория напоминает поэтику классических танка:

тё: ё котё: ё	Бабочка-малютка
на-но ха ни томарэ,	опустись на цветок сурепки.
томари я на га тацу	Только если опустишься, пойдёт молва,
укина тацу	поползут сплетни и слухи.

Гипербола придаёт необычайную выразительность и страстную исповедальность образу:

коната омоэ ба	В любовной тоске по тебе
но мо сэ мо яма мо	пришла я, не заметив
ябу мо хаяси мо	ни полей, ни быстрин,
сирадэ кита	ни гор, ни чащи лесной...

Чувство юмора, переданное в суггестивном образе, окрашивает многие стихотворения в мягкие ироничные тона:

вакай онна-но	Вот, должно быть, потешает
гуан какэру но ва	всех богов и будд
ками я буцу мо	эта молодая бабёнка
окасикаро	своей мольбой...

Большинству же *коута* свойствен романтический лиризм простых человеческих чувств, остающихся неизменными на протяжении многих поколений. «Лирика говорит о будущем и о прошедшем (предмете, объективном) лишь настолько, насколько оно волнует, тревожит, радует, привлекает или отталкивает. Из этого вытекают свойства лирического изображения: краткость, недосказанность, сжатость, так называемый лирический беспорядок» [Потебня, 1905, с. 531]. Краткость, недосказанность, сжатость и смятение чувств – отличительные черты фактически всех малоформатных *коута*, относящихся к любовной лирике.

сама ни моратта	От милого в подарок
нэцукэ-но кагами,	получила зеркальце-нэцкэ.
мирэба аи массу	Как погляжу, любовь крепнет,
омои массу	мечты о нём множатся.

* * *

дзю: го я ни	В пятнадцатую ночь
цуки но ё: нару	ярко светит полная луна,
ано кими-сама ни	но коли ещё раз
мо.итидо аванэба	не встречу с тобой, милый,
син но ями	останусь в кромешном мраке.

* * *

санка нарэдомо	Хоть всего лишь горная хижина
вага фурусато ва,	родной мой дом,
сиба-но иори мо	но и хворостяная лачуга
нацукаси я	мила сердцу!

Поэзия и музыка брэнного мира

В «Пособии для начинающих осваивать музыкальные инструменты», автор которого известен нам как Накамура Сосан, разбитом на десять глав, рассматриваются всевозможные методы обучения и приёмы игры на *кото*, *бива*, *сямисэне* и флейте-*сякухати*, которые составляют музыкальное сопровождение к популярным песням и балладам. В предисловии автор раскрывает не только соотношение текста и музыки песен, но и духовную сущность *коута*, недооценённую современниками, как, впрочем, и их потомками:

«Мир наш безграничен, и всех дел не исчерпать», – сказал кто-то, и это воистину так. Путь Истины есть путь небесный, но претворить его в действительность есть путь человека, как говаривал один мудрец. Сия истина и мне не чужда. Сам того не замечая, копил я годы, проводя день за днём, и вот уж голова то ли покрылась инеем, то ли припорошена снегом. Люди все одинаковы, но вот же жил на свете некто Накамура Сосан и был он с детства лишён зрения, так что цветов не различал и мог сослепу ненароком разбить вазу, однако, следуя пути добродетели, сумел он превратить уши в глаза, тем превзойдя всех в округе. Постукивая посохом, научился он различать звуки, что издают земля, дерево, вода и камень, постигая их звучание сердцем. Притом, вслушиваясь всё более, понял он, что путь добродетели не в том, чтобы просто слушать, и обратился всем сердцем к бива, кото и сямисэну. Как-то прослушал он подробные наставления в целом по мелодике и ритмике у Оомори Сокун, обучаясь у него истинному мастерству, – и вот, забывая о сне и пище, более прочих сотоварищей, сблизился с учителем и всё постигнутое доверил записать, ибо сам зрения был лишён...» [Киндай каёсю, 1927, с. 109].

В части третьей «Как надо овладевать *сямисэном*» Сосан раскрывает тайны мастерства и определяет соотношение музыки с текстом песен:

Когда человек вознамерится всем сердцем предаться сему занятию, следует изучить, как перебирать струны, а также, используя песни, разучивать в поте лица и запоминать мелодии тех песен. К примеру, если собираешься писать картины, сначала надо много раз сделать

набросок предметов, на которые смотришь, а уж под конец и не глядя станешь рисовать по памяти. Так же и с сямисэном: даже не заучивая ту или иную песню, сможешь её сыграть и спеть. Однако дело это нелёгкое, и поначалу самое главное будет усвоить сочетание струн... [Киндай каёсю, 1927, с. 141].

Поскольку поэзия коута неотделима от мелодии песен, в трактате Сосан следует подробное разъяснение, как играть на одной струне, на двух и на трёх для лучшей передачи смысла. Например, «пальцы передвинуть на пять сунов ниже и зажать струну, в игре двигаясь сверху вниз...». Для обозначения ладов используются шестнадцать условных букв, которые записываются катаканой: *си-ки-са-ка-цу-ру-то-ро-су-тэ-ти-ри-тэ-рэ-та-ра*.

На примере нескольких песен в книге показано употребление ладов, то есть расписывается примитивная партитура:

Горы Ёсино

Ёсино но-о яма о, юки ка то миирэба юки тэ ва-а, арадэн-н я корэ но о,

си-то-са-си-я-си-то-то-си-то-цу-то-са-си-то-то-цу-су-тэ-тэ-су-тэ-ти-та-тэ-су-цу-я-ку-тэ-цу-то-то-

хана ано фубуки ё но-н яа корэ но

цу-то-си-то-цу-су-тэ-цу-то-си-са-си-я-цу-то-са

(Как поглядишь, – будто бы снег там, в горах Ёсино, да не снег то вовсе, а цветочная метель.)

Каждая буква катаканы (точнее, каждая мора) приписной строки соответствует слогу текста песни, включая искусственные удлинения, и таким образом диктует лады мелодии. Хотя условные «ноты», состоящие из букв катаканы и значков огласовок были известны в Японии ещё до появления коута, их системное употребление связано фактически именно с распространением песенной культуры в эпоху Эдо.

Сосан не ограничивается в своём трактате чисто техническими рекомендациями, постоянно напоминая о высокой миссии «благородного исполнителя» и творца песни (рэйрин):

Науку ту сравню я с рекой Янагигава, в которой семь порогов видимых на поверхности да ещё семь невидимых, да ещё всякие пограничные засеки, да разные островки и отмели – таинство сие велико есть. Всего же тридцать важнейших основ, и глубинную суть постигнуть нелегко, так что собравшийся учиться должен потрудиться хорошенько. Надо слушать и запоминать мелодию, слушать, как её играют на инструменте. Потом, став уже прилежным продвинутым учеником, нужно вслушиваться в четыре тона и двенадцать ритмов, ибо двенадцать ритмов, как говорят, передаются ещё с глубокой древности, со времён Желтого императора, когда благородный музыкант вырезал себе цитру в горной долине и создал те ритмы. Вот так же те, кто делом своей жизни избрал мелодию, становятся благородными исполнителями, а музыка их становится уже не делом рук человеческих, но звучит меж небом и землёй в мироздании, наполненная созидательным духом инь и ян, став Путём выявления голосов и звуков самой природы, знамение единой текущей и неиссякаемой животворной энергии ки [Киндай каё сю, 1927, с. 150].

Далее автор пространно пишет о соответствии каждого ритма временам года и календарным месяцам, а также об их соотношении с двенадцатью важнейшими внутренними органами и воздействии на оные, следуя традиционным теориям китайской (даосской) медицины и ссылаясь на её философские основы, но призывая притом сохранять естественность музыкального ряда, прислушиваясь к шуму ветра и потока, к голосам зверей и птиц.

Коута как фольклорная основа Кабуки и Дзёрури

Если воспринимать «Пособие» Накамура Сосан как некое введение в культуру фольклорной песни, мы увидим, что теоретики и практики песенного искусства относились к своему делу весьма серьёзно и были далеки от поверхностного упрощенческого подхода на уровне западных бродячих музыкантов или скоморохов. В основе их теории лежала классическая даосско-буддийская модель мироздания с добавлением синтоистских верований, которая являлась прочным фундаментом цехового обучения музыке, пению и танцам в «весёлых кварталах» эпохи Эдо. Не случайно Сосан апеллирует в своем трактате к традиции, идущей от легендарного Жёлтого императора, прародителя китайской культуры, упоминает принцип созидательного взаимодействия начал *инь* и *ян*, а также животворную энергию мироздания *ки*. Тот же эстетический код, укоренённый в философской доктрине бытия, был присущ и обитательницам «кварталов цветов», девицам-*дзёро*, которые с отрочества проходили обучение в этих школах изящных искусств.

«Развитие песни не остановилось в границах её основного мотива: психологической параллели запева; она нарастала новым содержанием, общими местами, эпизодическими чертами и оборотами, знакомыми из других песен. Порой они являются у места, иногда вторгаются механически, как вторгался символ, развившийся в другом круге представлений. Иные стихи, группы стихов западали в ухо, как нечто целое, как формула, один из простейших элементов песенного склада, и лирическая песня пользуется ими в разных сочетаниях, как эпическая тавтологией описаний, сказка определённым кругом постоянных оборотов. Изучение подобного рода обобщённых, бродячих формул положит основы народно-песенной и сказочной морфологии» [Веселовский, 1940, с. 169].

За довольно незамысловатым лирическим сюжетом обычно угадывается и сезонное мирозерцание, и интерпретация буддийской концепции кармы, и теснейшая связь с классическим литературным наследием, владение которым считалось неотъемлемой обязанностью жриц любви. Такова, например, короткая баллада-*буси* из сборника «Сосновые иглы», переосмысливающая в контексте эстетики «весёлых кварталов» судьбу прославленной поэтессы IX века и легендарной красавицы Оно-но Комати, которая, согласно легенде, окончила свои дни в нищете и убожестве, став в дальнейшем героиней пьес Но и средневековых сказаний.

Комати

омои фукакуса
иро ни ва тарэ мо,
маёу митисибя

Густа многоцветная трава осенняя,
Любая придёт в смятение, объята мечтами о любви.
Вот бредёт она через луг не разбирая дороги,

цую фумивакэтэ,
 момоё каёэ то
 ицувару фуми о
 макото то оmoi,
 кано сёо-сёо ва
 цуки но ё мо юку,
 ями но ё мо каёу,
 оmoi амаритэ
 намида ни нуруру
 амэ но ё мо
 кадзэ но ё мо
 хараэдо хараэдо
 содэ ни тирикуру ва,
 юки ка мидзорэ кА
 ко но ха ка цую ка,
 ноки но тама мидзу
 току-току то,
 юкитэ ва каэри
 каэритэ ва,
 мата сэну ката нами но
 ёру но мити,
 коко о каёитэ
 киникэраси,
 куруси но сидзи ни
 каёван то,
 коко ни татадзumi
 касико ни татэба
 сатэ мо канавану
 укиё канна

раздвигая росные травы –
 блуждает ночь за ночью,
 письмо с ложными уверениями
 приняв за правду.
 Вот так бедняжка
 ходит лунной ночью,
 бродит во мраке ночью безлунной.
 От избытка горьких дум
 рукава намокли, пропитаны слезами.
 И в дождливую ночь,
 и в ветреную ночь,
 когда веет и веет вихрь,
 задувая в рукава кимоно.
 То ли это снег, то ли снег с дождём.
 то ли листья шуршат, то ли росная капель
 стекает с застрех:
 кап-кап-кап.
 То уйдёт, то вернётся,
 а как вернётся –
 снова ждут её бесцельные скитанья
 по ночным дорогам.
 то забредёт в одно место,
 То под бременем тягот
 соберётся в другое ехать на повозке,
 а то замрёт,
 постоит здесь немного,
 или побудет где-то там –
 и нет ей ни в чём утешения и отрады
 в этом изменчивом мире.

Баллады-*буси* всегда более или менее сюжетны, в отличие от коротких четверостиший, пятистиший и даже восьмистиший. Как правило, это история несчастной любви, переданная в тщательно выписанных деталях.

В балладах большего формата из сборника «Сосновые иглы», таких, как «Зеркало одной ночи» (*Ития кагами*) или «Бледно-жёлтые одежды» (*Асаги катабира*), которые порой можно рассматривать как синопсисы или краткие либретто пьес театра Кабуки, прослеживаются все признаки драматического произведения: экспозиция, развитие действия, катарсис и печальный финал. Тема неразделённой любви и одиночества становится лейтмотивом грустных песен, оплакивающих скорбную участь красавиц-*дзёро* в юдоли продажной страсти и фальшивых признаний. При этом многие такие баллады представляют собой законченный образец *митиюки*, то есть лирические эмоциональные описания странствий или бегства героев

с колоритными пейзажными зарисовками, оттеняющими драматизм эпизода, а также мольбы и укоризны к богам и буддам, обрекающим несчастных на страдания.

Как справедливо заметил А.А. Потебня, «в известных произведениях народной, т.е. устной и безличной поэзии, мы должны быть готовы встретить подготовку литературных явлений; наоборот, первоначальные продукты литературы должны во многом напомнить настроение мысли, свойственное народной поэзии» [Потебня, 1905, с. 139].

Композиционный приём *митиюки* был заимствован из фольклорных баллад Тикамацу Мондзаэмон и другими эдоскими драматургами, став неотъемлемой частью поэтики пьес Кабуки и Дзёрури.

Репертуар крупноформатных *коута* и *буси* далеко не исчерпывается лирическими ламентациями. Исследователь песенного фольклора Мацухара Ивао отмечает, что в народной поэзии, в отличие от поэзии танка, вообще сравнительно мало представлены произведения в жанре чисто пейзажной лирики. «Даже стихи с тематикой, определяемой сменой времён года, которых так много в танка, в народной песни встречаются не так уж часто. Сама природа в таких стихотворениях подчинена жизненным интересам. По количеству и значимости после песен о любви идут стихотворения, отражающие повседневные занятия, такие как посадка риса, прополка, помол, охота, перевозка грузов. Существует также множество песен праздника Бон – в основном, плясовых, исполнявшихся в день поминовения усопших, песен для танцоров, исполняющих танец льва, и «разных» песен *мансай*. Все они предназначены для различных праздников» [Matsuhara Iwao, 1927, p. 2–3].

В первой половине XVIII века из *коута* произросли новые направления фольклорной песни: баллады *нанива-буси* и «длинные песни» *нагаута*, границы между которыми были весьма зыбки. Те и другие дали обильную пищу для пьес театров Кабуки и Дзёрури, сохранившись притом и как обособленные жанры.

Разновидности тематических поджанров

Наряду с довольно сложными поэтическими конструкциями значительную часть сборников *коута* составляют тексты незамысловатых песенок, часто служащих и плясовыми мелодиями с хоровым рефреном, какие мы в изобилии находим, например, в антологии «Песни сверчков и мошек из горной хижины»:

Небожитель

сама ва тэннин	Милый мой небожитель.
сорэ сорэ тонторори	Вот-вот, тонторори.
отомэ но сугата,	С виду сам как девица.
юмэ но каёидзи	Увидала я его мельком
тира то мита,	на тропе сновидений.
тонторори	Тонторори.
отомэ но сугата	С виду как девица.
кумори каёидзи	На туманной тропе

тира то мита.
тонторори

мельком я его увидала.
Тонторори.

И всё же наибольшую художественную ценность представляют проникновенные лирические строфы, оформленные в виде изящных четверостиший или восьмистиший с размером 7–5–7–5.

В некоторых песнях обыгрываются в несколько приземлённом ключе классические темы: например, пение лягушек весной, символизирующее любовное томление:

мидзу ни кавадзу но
наку коэ кикэ ба,
сугиси мукаси га
омоваруру

Как заслышу
голоса лягушек (поющих) в воде,
так вспомнится
былое, давно минувшее.

Другие представляют легко запоминающийся «девиз»:

омоидасу то ва
васуруру кара ё,
омоидасадзу ни
васурэдзу ни

Вспоминают
лишь оттого, что забывают.
Ты не вспоминай –
просто не забывай.

Иные содержат насмешливое резюме:

има но вакасю ва
каварада суки,
итиё какэтэ ва
какэдзутэ ё

Нынешние юнцы-вакасю
так ветрены:
только ночку тебе уделит,
а то и не уделит вовсе.

Встречаются и афористичные определения, впоследствии вошедшие в быт и получившие широкое хождение в народе:

аю ва сэ ни цуку
тори ва ки ни томару,
хито ва насакэ но
сита ни суму

Горная форель приплывает к быстрине,
птица гнездится на дереве,
а человек живёт под властью
своего чувства.

Разумеется, *коута* стали неотъемлемой частью искусства укиё с его неуёмной жадой наслаждений, отражающей в несколько гротескной форме буддистскую концепцию непостоянства всего сущего (*мудзёкан*). Может быть, поэтому многие *коута* представляют собой не что иное, как разгульные застольные песни:

кариба-но сика ва
асу о мо сирану,
тавабурэ асобэ
юмэ-но укиё ни

Олень в охотничьих угодьях
не знает, что с ним будет завтра –
Веселись же, развлекайся
в этом бренном мире наваждения и снов!

Однако трудно преуменьшить влияние традиционной поэзии *танка* и, в частности, поэтики «времен года» с её пейзажными картинками, на народную песню. Действительно, в огромной по объёму антологии «Сосновые иглы» можно найти тексты плясовых песен по различным провинциям Японии, песни лодочников, песни с перечислением достопримечательностей различных провинций и отдельных местностей – например, «Восемь видов Тосима» (*Тосима хаккэй*). Есть и песня о местностях с дурной славой – «Восемь видов скверных мест» (*Акусё хаккэй*). Красочная баллада «Праздник на Цусиме» (*Цусима мацури*) в цветистых подробностях излагает весь ход храмовых торжеств от начала до конца. Тем не менее все лучшие тексты включают красочные описания природы, которая, как и в поэтике *танка* или *тёка*, остаётся неизменным лирическим фоном любого повествования.

С точки зрения развития балладного жанра, давшего пищу драматургии эпохи Эдо, наибольший интерес представляют сюжетные истории в стихах, рассказывающие о грустной судьбе прелестных гетер, – как правило, их собственного сочинения: «Одна на ложе» (*Хиторинэ*) – баллада гетеры из восточного края Адзума, «Последний день Дзёроку» (*Дзёроку годзицу*) – баллада гетеры из Эдо, «Столичная штучка» (*Мияко варабэ*) – баллада гетеры из восточного края Адзума и др. Имена не раскрываются, но составители сборников добросовестно пишут: *Адзума хан таю буси* («Баллада таю второго разряда из края Адзума»), а к последующим нескольким балладам приписывают: «Сочинение того же автора».

Впрочем, в сборнике есть также несколько авторских произведений с указанием имён или псевдонимов мужчин – сочинителей баллад: Торая Ёсимото, Торая Эйкан и др. В сборнике «Опавшая сосновая хвоя» есть большой атрибутированный цикл под общим названием «Баллады старинные и нынешние» (*Кокин буси*), принадлежащие кисти одного автора, именующего себя Кокин Синдзаэмон. Кокин в данном случае шуточный псевдоним – забавная фамилия с аллюзией на классическую антологию X века. «Собрание старых и новых песен Японии» (*Кокин вакасю*), а Синдзаэмон – настоящее имя.

Заключение

В отличие от гравюр-*сюнга*, культивировавших в основном обшечную тематику, песни-*коута*, хотя и окружённые эротическим флёром, были по-своему чисты и целомудренны, являя собой привлекательную, но скорее идеальную, чем материальную, сторону жизни «весёлых кварталов» как обители наслаждений. Конечно, в них присутствует эротический компонент, но нет и следа непристойности. Это подлинная лирическая поэзия, достигающая порой необычайно высокого накала исповедальности, что вполне объяснимо, если вспомнить, из какой пучины унижения и страдания звучат голоса юных *дзёро*. В то же время *коута* являются также уникальным по полноте источником, освещающим быт и нравы «весёлых кварталов» на фоне

богатейшей народной культуры эпохи Эдо. Уже в Новое время *коута* неизменно оставались основой песенного репертуара гейш и танцовщиц *майко* в историческом квартале Киото Гион. Следы их влияния прослеживаются в романтической поэзии *синтайси* эпохи Мэйдзи. Наконец, многие *коута* вошли в репертуар *энка*, нового эстрадного песенного жанра, получившего развитие в XX веке. Без сомнения, японские и западные исследователи ещё долго будут открывать для себя всё новые и новые культурные слои в этой малоизученной области песенного фольклора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940.
- Добролюбов Н.А.* Замечания о слоге и мерности народного языка // Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934.
- Киндай каё: сю: (дзэн) : [Полное собрание песен Нового времени (эпохи Эдо)] / под ред. Цукамото Тэссан. Токио, Ариакэ-до, 1927.
- Конрад Н.И.* Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978.
- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1967.
- Песни гейш / пер. и комментарий А. Долина. М.: Эксмо, 2009.
- Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков: б/и, 1905.
- Хираяма Кэн.* Коута Эдо сампо : [Прогулки в Эдо с коута]. Токио: Риппу сёбо, 1988.
- Buckland R.* Shunga – erotic art in Japan. London: The British Museum Press, 2010.
- Dalby Liza.* Little Songs of the Geisha. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Hughes D.W.* Traditional Folk Song in Modern Japan: Sources, Sentiment and Society. Brill Academic Publishers, 2008.
- Hughes David W.* Traditional Folk Song in Modern Japan: Sources, Sentiment, and Society. Global Oriental Ltd., 2008.
- Lancashire Terens.* An Introduction to Japanese Folk Performing Arts. (SOAS Musicology Series). 243 pp. Farnham and Burlington, 2013.
- Longstreet S. and E.* Yoshiwara: the Pleasure Quarters of Old Tokyo. Ch.E. Tuttle Company, 1988.
- Matsuhara Iwao.* Min-yo – Folk Songs of Japan, Tokyo, Shinsei-do, 1927.
- Worldfolksong.com. URL: <http://www.worldfolksong.com/songbook/japan/hauta-kouta.html> (accessed: 12 January 2019).

REFERENCES

- Buckland R. (2010). Shunga – erotic art in Japan, London: The British Museum Press.
- Dalby L.C. (1983). Little Songs of the Geisha, Berkeley: University of California Press.
- Dobrolyubov N.A. (1934). Zamechaniya o sloge i mernosti narodnogo yazyka [Notes on the Style and Meter of the Folklore Language]. Complete Works in 6 volumes. V. 1, Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. (In Russian).

- Hirayama Ken (1988). Kouta Edo sanpo [Strolling in Edo with kouta], Tokyo: Rippu shobo:. (In Japanese).
- Hughes D.W. (2008). Traditional Folk Song in Modern Japan: Sources, Sentiment and Society, Brill Academic Publishers.
- Hughes D.W. (2008). Traditional Folk Song in Modern Japan: Sources, Sentiment, and Society, Global Oriental Ltd.
- Kindai kayo: shu: (zen) (1927). [Complete Collection of Songs of the Pre-Modern Period], edited by Tsukamoto Tessan, Tokyo: Ariake-do. (In Japanese).
- Konrad N.I. (1978). Izbrannyye trudy. Literatura i teatr [Selected Works. Literature and Theatre], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Lancashire Terens (2013). An Introduction to Japanese Folk Performing Arts. (SOAS Musicology Series), Farnham and Burlington.
- Likhachev D.S. (1967). Poetika drevnerusskoy literatury [Poetics of Old Russian Literature], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Longstreet S. and E. (1988). Yoshiwara: The pleasure quarters of old Tokyo, Ch.E. Tuttle Company.
- Matsuhara Iwao (1927). Min-yo – Folk Songs of Japan, Tokyo: Shinsei-do, 1927.
- Pesni geish [Songs of the Geisha] (2009). Translated by A. Dolin, Moscow: Exmo. (In Russian).
- Potebnya A.A. (1905). Iz zapisok po teorii slovesnosti [From the Essays on the Theory of Russian Literary Writings], Kharkow, 1905. (In Russian).
- Veselovsky A.N. (1940). Istoricheskaya poetika [Historical Poetics], Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Worldfolksong.com, URL: <http://www.worldfolksong.com/songbook/japan/hauta-kouta.html> (accessed: 12 January 2019).

Поступила в редакцию 07.02.2019

Received 7 February 2019

Для цитирования: Долин А.А. Песни «весёлых кварталов» как литературный феномен эпохи Эдо // Японские исследования. 2019. №2. С. 40–62. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10011

For citation: Dolin A.A. (2019). Pesni «vesyolykh kvartalov» kak literaturnyy fenomen epokhi Edo [Songs of the licensed quarters as a literary phenomenon of the Edo period], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 2: 40–62. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10011

Японские исследования. 2019. №2. С. 63–94.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 63–94.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации

А.Н. Панов

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса формирования и развития территориальной проблемы в отношениях между Советским Союзом и Японией после окончания Второй мировой войны и до заключения советско-японской Совместной декларации 1956 года. Рассматриваются договорённости Союзных Держав по определению послевоенных территориальных пределов Японии.

В статье отмечается, что позиция США в связи с территориальными положениями Ялтинских соглашений 1945 г. до и после подписания Сан-Францисского мирного договора с Японией неоднократно менялась, с одной стороны, по мере ухудшения отношений с СССР, а с другой – с целью «обезопасить» себя от требований Японии вернуть оккупированные американцами японские территории. Показательно, что и позиция Японии по проблеме Южного Сахалина и Курильских островов не была изначально неизменной и неоднократно претерпевала корректировку.

Подробно рассматриваются процессы советско-японских переговоров по нормализации двусторонних отношений в 1955–1956 гг., анализируются причины готовности советского руководства передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. Оценивается значимость для Советского Союза и Японии заключения и ратификации Совместной декларации 1956 года, а также отношение как советского/российского руководства, так и японского правительства, к возможности реализации «территориальной статьи».

После сделанного премьер-министром Абэ в ноябре 2018 г. заявления о готовности вести переговоры на основе территориальной статьи Совместной декларации 1956 года, между Россией и Японией начались переговоры о заключении мирного договора. Однако если для японской стороны главное в договоре заключается в фиксации договорённости о принадлежности островов и проведении согласованной линии границы, то для российской стороны более важными моментами представляются признание Японией законности российского владения Курильскими островами, гарантии ненаправленности японо-американского военно-политического союза против российских интересов, а также широкое развитие двусторонних связей. В условиях неготовности общественного мнения двух стран принять способ разрешения территориальной проблемы на основе Декларации 1956 г. возможность выйти уже в 2019 г. на заключение мирного договора рассматривается как нереалистичная.

Ключевые слова: территориальная проблема, Сан-Францисский мирный договор, Южный Сахалин и Курильские острова, острова Хабомаи и Шикотан, советско-японские переговоры 1955–1956 гг., Совместная Советско-японская декларация 1956 года.

Автор: Панов Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a difficult path to signing, a hard destiny after the ratification

A.N. Panov

Abstract. The article aims to study the process of formation and evolution of the territorial problem in the relations between the Soviet Union and Japan after the end of WWII up to the conclusion of the Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956. Under consideration are the agreements of the Allied Powers concerning the postwar territorial limits of Japan.

The author insists that the position of the USA towards the territorial provisions of the 1945 Yalta Agreements was repeatedly altered before and after signing the San Francisco Peace Treaty. Changes took place, on the one hand, because of the deterioration in the U.S. relations with the USSR, and, on the other hand, in connection with Washington's aim to "protect" itself from Tokyo's demands to return Okinawa. It is noteworthy that Japan's attitude to the problem of South Sakhalin and the Kuril Islands was from the very beginning not immutable either and has undergone multiple corrections.

The paper gives a detailed examination of the process of the Soviet-Japanese negotiations on the normalization of bilateral relations in 1955–1956, providing an analysis of the reasons for the Soviet leadership's readiness to hand over the Habomai islands and Shikotan to Japan. The author assesses the significance of the conclusion and the ratification of the Joint Declaration of 1956 for both the Soviet Union and Japan, as well as the attitude of both the Soviet/Russian leadership and the Japanese government to the possibility of the implementation of its territorial article.

After Prime Minister Abe had stated in November 2018 that the Japanese side is ready to hold negotiations on the basis of the territorial article of the 1956 Joint Declaration, Russo-Japanese negotiations on the conclusion of the Peace Treaty were launched. However, compared to the Japanese side, for which the pivotal aim is to fix an agreement on the ownership of the islands and the borderline, much more important motives of the Russian side are to acquire Japan's recognition of the legality of the Russian possession of the Kuril Islands, to obtain guarantees that the Japan-US security alliance would not be aimed against Russia's interests, as well as to lay a base for a broader development of bilateral relations with Japan. Against the background of the unwillingness of the public opinion of the two countries to accept the 1956 Declaration as a method of resolving the territorial problem, the possibility to achieve a Peace Treaty in 2019 is seen as unrealistic.

Keywords: territorial problem, the San Francisco Peace Treaty, the South Sakhalin and the Kuril Islands, the Habomai islands and Shikotan, the Soviet-Japanese negotiations of 1955–1956, the visit of Prime Minister Hatoyama to Moscow, the USSR-Japan Joint Declaration of 1956.

Author: Panov Alexandr N., Doctor of Sciences (Political), Professor, Head of the Department for Diplomatic Studies of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Chief Research Fellow of the Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences; Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Войны, как известно из истории человечества, не только решают территориальные проблемы, но и создают оные. После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Россия уступила Японии Южный Сахалин. Участвуя в войне с Японией в августе 1945 г., на заключительном этапе Второй мировой войны, Советский Союз по договорённости с союзниками – США и Великобританией – вернул Южный Сахалин и получил Курильские острова, принадлежавшие Японии по русско-японскому договору 1875 г. Однако согласно

мирному договору с Японией, заключённому в Сан-Франциско в 1951 г., эти территории хотя и изымались из-под японской юрисдикции, не было определено, в пользу какого государства они отчуждались.

Такой вот парадокс международной договорно-правовой практики, который положил начало территориальной проблеме между Москвой и Токио, которая остаётся в повестке дня российско-японских отношений и в настоящее время.

Мирный договор с Японией заключался в эпоху холодной войны, когда вчерашние союзники СССР и США стали непримиримыми соперниками. Первоначально в своих геополитических расчётах применительно к Японии Вашингтон более всего стремился к тому, чтобы посредством радикальных реформ преобразовать авторитарное, милитаристское государство в «страну демократии и бастион антикоммунизма в АТР». Соответственно, Япония из противника становилась американским союзником и «воспитывалась» в качестве барьера на пути распространения советского влияния в регионе.

Советский Союз исходил из того, что разгромленная и ослабленная Япония в обозримом будущем не будет представлять военную угрозу Москве, а развернувшееся в послевоенное время широкое японское демократическое движение может быть использовано, в том числе, и для ослабления американского господства на японских островах. Перед Советским Союзом стояла и задача юридического закрепления полученных в результате участия в антияпонской войне территорий. Борьба Вашингтона и Москвы «за Японию» особо контрастно проявилась при разработке и заключении Сан-Францисского мирного договора.

Ещё до подписания акта о капитуляции Японии между советским руководством в лице И.В. Сталина и американской политической и военной элитой, которую возглавил президент Г. Трумэн, начались противоречия по поводу содержания территориальных положений Ялтинского соглашения. Если Москва исходила из того, что получение Советским Союзом Южного Сахалина и Курильских островов «юридически гарантировано» этим документом трёх Союзных держав, то в Вашингтоне считали, что «окончательное решение» территориальной проблемы должно быть достигнуто на мирной конференции.

15 августа 1945 г. президент Г. Трумэн направил И.В. Сталину телеграмму с копией своего «Общего приказа номер один», распределяющего районы, в которых японские войска сдавались либо американским, либо советским вооружённым силам. В нём, в частности, указывалось, что японские войска будут сдаваться на Южном Сахалине, но ничего не говорилось об их капитуляции на Курильских островах.

Уже 16 августа в ответной телеграмме американскому президенту И.В. Сталин потребовал, чтобы все Курильские острова были включены в советскую зону принятия капитуляции японских войск в соответствии с Ялтинскими соглашениями. Г. Трумэн согласился с этим требованием, но в послании советскому руководителю 25 августа пояснил, что хотя президент Ф. Рузвельт согласился поддержать советские притязания на эти острова, этот вопрос должен быть окончательно решён в договорном порядке [US Department of State, FRUS (Yalta), p. 692].

Несомненно, подобное разъяснение американской позиции было воспринято в Москве в качестве «сигнала» об отсутствии у Вашингтона намерения соблюдать ялтинскую договорённость относительно Курильских островов. В январе 1946 г. заместитель государственного секретаря Дин Ачесон заявил о том, что ялтинские решения относительно

советской оккупации Курильских островов не были окончательным территориальным решением [New York Times].

Победа Коммунистической партии в Китае в 1949 г. и начало войны в Корее в 1950 г. побудили Вашингтон ускорить подготовку мирного договора с Японией. Предстояло закрепить Японию на проамериканских позициях и предотвратить её попадание под коммунистическое влияние СССР и Китая.

Сан-Францисский мирный договор: позиция Москвы

Позиция США в связи с территориальными положениями Ялтинских соглашений и, соответственно, относительно проблемы Курильских островов и до, и после подписания Сан-Францисского мирного договора неоднократно менялась, эволюционировала по мере, с одной стороны, ухудшения отношений с СССР, а с другой, с целью «обезопасить» себя от требований Японии вернуть оккупированные американцами японские территории [Roznan Gilbert (ed.), pp. 15–29].

Весной 1950 г. Государственный департамент подготовил проект договора, который был ориентирован на вовлечение Японии в американскую глобальную стратегию противостояния с Советским Союзом [US Department of State, FRUS, 1950, p. 1293–1296]. Получив проект договора, Москва высказалась против превращения островов Рюкю и архипелага Бонин в американскую военную базу, против размещения американских войск на японской территории, обращала внимание на предоставление Японии возможности проводить политику ремилитаризации. Советскую сторону не устраивало отсутствие чёткого определения о принадлежности Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов, как это определялось в Ялтинском соглашении. Наконец, был выражен протест против исключения КНР из процесса переговоров по мирному договору.

Указанной позиции в отношении мирного договора с Японией Советский Союз последовательно придерживался до заключения мирного договора. Вместе с тем Москва не разработала своего варианта проекта мирного договора, что поставило её в положение «обороняющегося».

В Японии консервативное большинство политиков во главе с одним из наиболее авторитетных политических деятелей 1940-х – 1950-х годов Ёсида Сигэру полагало, что единственный шанс для Японии обрести независимость состоит в том, чтобы увязать интересы её безопасности с американской внешнеполитической стратегией, и выступало за подписание Договора безопасности – военно-политического союза с США, с сохранением присутствия американских войск на японской территории. При этом Япония настаивала на возвращении под свою юрисдикцию находившихся по Сан-Францисскому договору под управлением США территорий островов Рюкю и архипелага Бонин. Вместе с тем для Японии не считалось выгодным идти по пути возрождения армии и наращивания военного производства, на чём на заключительном этапе оккупации в конце 1940-х годов настаивали многие американские политики и военные. Было принято решение сконцентрироваться на экономическом возрождении страны, переложив ответственность за обеспечение безопасности на США. Так сформировалась получившая известность по имени японского премьер-министра «доктрина Ёсиды».

Важно иметь в виду, что позиция Японии по проблеме Южного Сахалина и Курильских островов также не была изначально «цельной», а претерпевала неоднократные изменения и корректировки. Так, 8 марта 1951 г. премьер-министр Ёсида заявил в парламенте, что, по мнению японского правительства, острова Хабомаи должны быть возвращены Японии, т.к. они не входят в состав Курильских островов. Впервые на официальном уровне Япония открыто потребовала возвращения Хабомаи. О других территориальных претензиях речи не шло, но ряд депутатов парламента пытался утверждать, что остров Шикотан входит в группу островов Хабомаи. Япония в то время не поднимала вопрос о том, что Итуруп и Кунашир не входят в определение Курильские острова [Hara Kimie, p. 31–32].

По свидетельству Госсекретаря США Дж. Даллеса, на Сан-Францисской конференции Ёсида просил, чтобы США заявили о том, что Хабомаи и Шикотан не являются частью Курил, но не упоминал при этом Итуруп и Кунашир [Hara Kimie, p. 32; US Department of State, FRUS, 1955–1957, p. 208–209].

В ноябре 1950 г. Дж. Даллес в качестве специального советника Госдепартамента нанёс визит в Токио, и после переговоров с премьер-министром Ёсиды был заключён «предварительный меморандум». Даллес не согласился с требованием японской стороны вернуть Японии суверенитет на острова Рюкю и Бонин. Но в документе отмечалось, что в мирном договоре будет чётко зафиксировано возвращение Южного Сахалина Советскому Союзу. Курильские же острова будут переданы Советскому Союзу только после того, как их географические границы будут определены на основе двустороннего согласия или путём юридического решения в соответствии с процедурами разрешения споров, которые будут определены в мирном договоре. Более того, Южный Сахалин и Курильские острова будут переданы Советскому Союзу только при условии, что он подпишет мирный договор [US Department of State, FRUS, 1951, p. 908].

Впоследствии Даллес пояснил на запрос японского правительства, что конкретное определение Курильских островов не будет содержаться в мирном договоре, а будет передано на рассмотрение Международного суда. Кроме того, он сообщил, что только после решения Советского Союза участвовать в мирной конференции США изучат вопрос о том, следует ли включать положения о Южном Сахалине и Курильских островах в мирный договор [US Department of State, FRUS, 1951, p. 944–950].

23 марта 1951 г. США закончили формулирование проекта мирного договора. По статье 5 Япония должна была вернуть Южный Сахалин Советскому Союзу и передать ему Курильские острова. В этом варианте Советский Союз пока сохранён как получатель территорий от Японии. Но согласно статье 19 договор не предусматривает предоставления каких-либо прав, правооснований или преимуществ странам, его не подписавшим. А статья 20 запрещала Японии предоставлять любому государству, не подписавшему договор, *больших* преимуществ, чем установленных договором [US Department of State, FRUS, 1951, p. 1106; Славинский, с. 161].

28 марта на пресс-конференции Даллес заявил, что США не предоставят Японии никакого повода добиваться пересмотра Ялтинских соглашений. Однако одновременно он высказался в том плане, что США не признают оккупацию Советским Союзом Хабомаи, т.к. эти острова «никогда не рассматривались как часть Курильских островов». В дальнейшем Даллес выступал за то, чтобы передать проблему Хабомаи на рассмотрение Международного суда [US Department of State, FRUS, 1951, p. 944–950].

31 марта Даллес подтвердил позицию США в том, что Южный Сахалин и Курильские острова, которые «в настоящее время оккупированы Советским Союзом», получают международное признание «только при условии, что он подпишет мирный договор» [US Department of State, FRUS, 1951, p. 944–950]. После согласования Вашингтона с Лондоном к 14 июня был готов американо-британский проект мирного договора.

Согласно статье 2 Япония отказывалась от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и примыкающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г. В статье не содержалось географического определения Курильских островов, не указывалось, какому государству они будут переданы. По этой же статье Япония отказывалась от всех прав, правооснований и претензий на Формозу и Пескадорские острова, от островов Спратли и Парасельские.

Вашингтон преднамеренно составил эту статью таким образом, чтобы на будущее создать ряд территориальных проблем, которые будут «окружать» Японию и «сдерживать её». Это и проявилось впоследствии в отношениях Токио с Москвой, Пекином, Тайбэем, Сеулом, Пхеньяном. Себя же США «обезопасили» с помощью статьи 3. В ней не содержится каких-либо временных рамок для осуществления Вашингтоном права на всю административную, законодательную и судебную власть над территориями и жителями островов Рюкю и Бонин и ещё ряда менее крупных островов.

Статья 25 была сформулирована таким образом, что если Советский Союз (как и любое другое государство) решит не подписывать и ратифицировать договор, он не сможет воспользоваться его положениями, т.е. на него «не распространится» отказ Японии от Курильских островов. (Южный Сахалин стал японским в результате японской агрессии против России, а Курильские острова принадлежали Токио на «законных основаниях» по российско-японскому договору 1875 г.) Формируя данную статью, американские правоведы явно «перестарались». Подпись Советского Союза под договором не предусматривала получение им суверенитета под перечисленными территориями. Не определялся и механизм такого приобретения.

Для ещё большей подстраховки в русле создания для Советского Союза проблемы с Японией в тексте договора появилась статья 26. В ней говорилось о том, что в течение трёхлетнего периода после вступления в силу договора Япония будет готова заключить мирный договор с любым государством, которое находилось в состоянии войны с Японией, но не присоединилось к Сан-Францисскому договору, на тех же или в основном на тех же условиях, которые в нём предусмотрены. В случае если Япония договорится о мирном урегулировании или об урегулировании всех претензий с каким-либо государством на условиях, предоставляющих этому государству *большие* преимущества, чем те, которые предусмотрены настоящим договором, те же самые преимущества будут распространены на стороны настоящего договора.

Из данного текста следует, что после трёхлетнего периода Япония получила право заключать мирные договоры со странами по своему усмотрению и на условиях, согласованных с этими странами. Американцы установили сравнительно небольшой «ограничительный срок» для свободы японских действий, поскольку полагали, что чем более длительным будет этот срок, тем больше времени у Москвы будет «передумать» и присоединиться к договору. Вместе с тем у Даллеса, который в то время уже занимал пост

Госсекретаря, не нашлось весомых аргументов на претензии министра иностранных дел Японии М. Сигэмицу, высказанные им на встрече 24 августа 1956 г., относительно того, что действие статьи 26 мирного договора лимитировано лишь тремя годами.

Следует отметить, что за весь период существования Сан-Францисского договора (а срок его действия не был установлен и в то же время не определялся и его бессрочный характер), многие его положения, особенно касающиеся территорий, неоднократно нарушались. Япония заключала договоры с другими странами без внесения поправок и дополнений к мирному договору. США были вынуждены в 1972 г. передать полный суверенитет на острова Рюкю и Бонин Японии, минуя предусмотренную в статье 3 «промежуточную стадию» – передачу первоначально этих территорий «под систему опеки ООН с Соединёнными Штатами в качестве единственной управляющей власти». В 1952 г. Япония заключила договор с Тайванем (Формозой), признав его независимость как государства. Через 20 лет главы правительств Японии и КНР Танака Какуэй и Чжоу Энлай подписали заявление, в котором Япония признавала правительство КНР единственным законным правительством Китая и выразила «полное понимание и уважение» в связи с заявлением КНР о том, что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. В 1972 г. США передали под суверенитет Японии архипелаг Сэнкаку в качестве составной части префектуры Окинава, что породило территориальную проблему Китая и Тайваня с Японией.

Все эти примеры могут рассматриваться как прямое игнорирование положений Сан-Францисского договора. Поэтому неубедительны аргументы японской стороны о невозможности ныне признать суверенитет России на Курильские острова, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому договору.

14 июня американо-британский проект мирного договора был разослан странам, приглашённым на конференцию, с указанием предоставить свои замечания к 13 августа. В советской прессе данный проект подвергся жёсткой критике. Однако по непонятным причинам советская сторона не выступила с официальным заявлением или дополнением к его тексту. Это было, безусловно, ошибочным решением.

Российский исследователь Б.Н. Славинский, изучая документы Архива внешней политики Российской Федерации, обнаружил советский проект мирного договора с Японией, который предполагалось представить на мирной конференции в противовес американо-английскому проекту. Согласно статье 7 этого проекта, Япония признавала полный суверенитет СССР на южную часть острова Сахалин со всеми прилегающими к ней островами и на Курильские острова и отказывалась от всех прав и оснований и претензий на эти территории [Славинский, с. 172–173]. Однако, судя по всему, разработка советского проекта договора запоздала, и было решено не выносить его на конференцию, а выдвинуть в виде поправок к англо-американскому проекту.

20 июля правительства США и Великобритании направили советской стороне официальное приглашение на мирную конференцию в Сан-Франциско, которая созывалась в сентябре 1951 г. При передаче приглашения американским послом в Москве было подчеркнуто, что конференция собирается исключительно для ратификации американо-британского проекта договора и никакие добавления или изменения к нему не предусматриваются. Судя по всему, американская сторона предполагала при такой постановке вопроса, т.е. участие Советского Союза рассматривалось только для подписания

договора, что Москва откажется от приглашения на конференцию. Однако советское руководство приняло решение участвовать в конференции и направило делегацию во главе с заместителем министра иностранных дел А.А. Громыко.

Конференция в Сан-Франциско проходила 4–8 сентября 1951 г. с участием 52 стран, включая СССР, Польшу и Чехословакию. Три страны – Индия, Бирма и Югославия – приглашения не приняли.

5 сентября А.А. Громыко выступил на конференции с критикой проекта договора и предложил внести в его текст восемь дополнений. Особое значение имело изменение статьи 2, которую предлагалось сформулировать следующим образом. «Япония признаёт полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалин со всеми прилегающими к нему островами и на Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на упомянутые территории». Среди других добавлений были положения о выводе иностранных войск из Японии, о выплате Японией репараций, о дальнейшей демократизации и запрещении фашистских и милитаристских организаций, об ограничениях на японские вооружённые силы, о свободном проходе через проливы Соя, Нэмуро, Цугару и Цусима всех торговых судов и проходе через эти проливы военных кораблей только тех стран, которые имеют выход к Японскому морю.

Советские предложения не были обсуждены на конференции на том основании, что это, как заявил председательствующий на ней американский представитель, не входило в повестку дня конференции. В результате Советский Союз, Польша и Чехословакия мирного договора с Японией не подписали, тогда как КНР, Индия, Бирма и Югославия в конференции не участвовали. Таким образом, формально состояние войны между Москвой и Токио прекращено не было, и было положено начало российско-японской территориальной проблеме, которую столь коварно и умело создали США. Для Японии, кроме того, оставались нерешёнными такие проблемы, как возвращение военнопленных, членство страны в ООН, которое блокировалось советским вето, а также японское рыболовство в экономической зоне Советского Союза.

Даллес, выступая 5 сентября на конференции, подчеркнул, что территориальные пределы Японии определены на Потсдамской конференции, а Ялтинские соглашения не имеют обязывающего значения ни для Японии, ни для других союзных держав. Что касается островов Хабомаи, то они, по мнению Соединённых Штатов, не входят в понятие Курильские острова, это предмет рассмотрения Международного суда [US Department of State, FRUS, 1951, p. 276–278]. Очевидно, что Даллес преднамеренно ничего не сказал об острове Шикотан, оставляя для США возможность и впредь разыгрывать «островную карту» в советско-японских противоречиях.

Примечательно выступление на конференции главы японской делегации Ёсида. Прежде всего, он отрицал, что Южный Сахалин был захвачен Японией в результате агрессии, осуществлённой Японией против России в 1904 г. По интерпретации японской стороны, он был получен Японией якобы потому, что Япония в 1875 г. уступила Южный Сахалин России с целью урегулировать с ней территориальный спор. Из логики выступления Ёсида следовало, что по Портсмутскому договору 1905 года Япония просто «вернула» Южный Сахалин под свой суверенитет. Ёсида утверждал также, что острова Хабомаи и Шикотан не входят в Курильские острова, а являются продолжением острова Хоккайдо [Hasegawa, p. 103].

Как бы там ни было, но по мирному договору Япония лишалась Южного Сахалина и Курильских островов. Для японского руководства оставалось не так много возможностей отстаивать свою позицию. Токио делал акцент на том, что острова Хабомаи и Шикотан «никогда не входили в состав Курильских островов». На слушаниях в японском парламенте при ратификации мирного договора, а затем и в своих мемуарах Ёсида подтвердил тезис о том, что Кунашир и Итуруп являются частью Курильских островов, от которых Япония отказалась, но что японские претензии на Южные Курилы достаточно обоснованы в соответствии с положениями Симодского 1855 года и Санкт-Петербургского 1875 года трактатов [Yoshida, p. 256].

Впоследствии японская сторона стала утверждать, что термин «Курилы» в Санкт-Петербургском договоре 1875 года включает 18 островов, от Шумшу на севере до Урупа на юге, а ни Итуруп, ни Кунашир, а также Шикотан и Хабомаи не включены в список Курильских островов. Однако этот аргумент легко парируется. Статья II указанного договора не говорит об уступке всех Курильских островов, а только о «группе Курильских островов, которыми он (император России) владеет в настоящее время». А, как известно, по Симодскому трактату 1855 года Япония владела островами Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан.

При ратификации Сан-Францисского мирного договора Сенатом США в апреле 1952 г. было констатировано, что Ялтинские соглашения не являются юридическим основанием советской оккупации Южного Сахалина и Курильских островов. Более всего США заботил вопрос о том, чтобы лишить Советский Союз юридического оформления в международно-правовом плане суверенных прав на Южный Сахалин и Курильские острова. Позиция США заключалась в том, что «принадлежность Курильских островов и Южного Сахалина может определять только будущее международное соглашение». При этом особое значение придавалось тому, чтобы Япония, в случае восстановления дипломатических и прочих отношений с Советским Союзом, не сделала бы ничего такого, что могло бы быть истолковано как признание суверенитета Москвы над Курильскими островами и Южным Сахалином.

В целях не допустить этого и были введены в текст мирного договора статьи 25 и 26. Иными словами, если бы Япония признала за Советским Союзом полный суверенитет над Курильскими островами, США могли бы потребовать свой полный суверенитет над островами Рюкю и Бонин. При этом США исходили из того, что Вашингтон в будущем не сможет утверждать, что Япония не отказывалась от Курильских островов, поскольку это может быть истолковано как поощрение отказа Японии от любых территориальных положений мирного договора. Госсекретарь США Даллес на совещании Национального совета безопасности 7 апреля 1955 г. выступил против упоминания о незаконности советской оккупации Курил и Южного Сахалина, поскольку претензии Советского Союза на эти территории «по существу идентичны нашим претензиям находиться на островах Рюкю и Бонин» [US Department of State, FRUS, 1955–1957, p. 28–29].

Возникают вполне обоснованные вопросы: почему Советский Союз не подписал Сан-Францисский мирный договор с Японией и как развивались бы события, если бы он присоединился к нему? На первый вопрос ответить вроде бы легко – аргументация была изложена в выступлении на мирной конференции главы советской делегации А.А. Громыко.

Однако просчитывался ли советским руководством при анализе последствий неприсоединения к договору баланс между плюсами и минусами такого решения?

Как представляется, советское руководство того времени, и прежде всего И.В. Сталин, не придавало столь уж серьёзное значение Японии. Рассуждения на японскую тему, судя по всему, строились следующим образом. Американцы крепко и надолго взяли Японию в свои руки и в обозримой перспективе из-под своего контроля не отпустят. Это очевидный минус для советских позиций на Дальнем Востоке. Но минус не столь уже серьёзный. После поражения в войне Япония решительно ослаблена, и прежде всего экономически, поэтому какого-либо существенного самостоятельного значения в расстановке сил в регионе она играть не сможет. А с американскими военными базами на её территории придётся смириться как с неизбежным злом. Что касается территорий, то с мирным договором или без него, южная часть острова Сахалин и все Курильские острова находятся во владении Советского Союза и оспаривать этот факт невозможно, что бы там ни утверждали американские и японские представители. К тому же в мирном договоре чётко сказано, что Япония отказывается от этих территорий, а всех японцев, проживающих на них, советские власти вывезли на остров Хоккайдо.

Главное – это победа в Китае коммунистической партии. Советско-китайский союз способен с лихвой компенсировать любые минусы от отсутствия отношений Москвы с Токио. Не случайно 12 августа 1951 г. посол СССР в Пекине Н.В. Рощин получает из Москвы телеграмму с поручением передать премьеру Государственного административного совета КНР Чжоу Энляо, что советская делегация будет на конференции в Сан-Франциско и поставит вопрос об обязательном приглашении на неё представителей КНР. Мирный договор с Японией не может быть заключён без участия КНР (см. [Панов, с. 55]).

В утверждённых ЦК ВКП(б) 20 августа 1951 г. директивных указаниях делегации СССР на конференции в Сан-Франциско особо подчёркивалось: «Делегация должна главное своё внимание сосредоточить на вопросе о приглашении Китайской Народной Республики к участию на конференции» [Славинский, с. 174]. Из этой позиции следует и такой вывод: даже если в тексте мирного договора будет зафиксирована принадлежность южной части о. Сахалин и Курильских островов за Советским Союзом, Москва всё равно этот договор в отсутствие Китая не подпишет.

Резко эмоционально раскритиковал советскую позицию на Сан-Францисской конференции Н.С. Хрущёв в своих мемуарах, написанных, когда он уже находился на пенсии. «Если бы мы, – пишет он, – дали ранее правильную оценку сложившимся после разгрома японского милитаризма условиям и подписали бы мирный договор, разработанный американской стороной без нашего участия, но с учётом наших интересов (видимо, Н.С. Хрущёв имеет в виду территориальную статью 2 Договора), мы бы сразу открыли в Токио своё представительство, создали посольство». Всю вину за отсутствие мирного договора с Японией Хрущёв возлагает на Сталина, который, как он отмечает, «никогда ни у кого не спрашивал совета, он сам решал, что делать» [Хрущёв].

Официально позитивную оценку Сан-Францисскому мирному договору российская сторона даст только через пять десятилетий после его подписания. 4 сентября 2001 г. Министерство иностранных дел России выступило с заявлением, в котором договор оценивается как «крупный шаг к окончательному урегулированию международных отношений после второй мировой войны, определению места в них Японии» [В связи с 50-летием...].

Итак, подведём итоги. Во-первых, после подписания и ратификации Сан-Францисского мирного договора Япония полностью восстановила свой суверенитет и вошла в сферу международных отношений в качестве самостоятельного и независимого государства.

Советский Союз с этим государством дипломатических отношений не имел, каких-либо контактов не поддерживал. В Токио сохранялось оставшееся с оккупационного периода Представительство СССР, в котором пребывали без какого-либо официального признания с японской стороны исполняющий обязанности торгового представителя А.И. Домницкий, второй секретарь МИД СССР А.С. Часовников и четыре технических работника. После сентября 1951 г. они бессменно находились в построенном в довоенное время здании бывшего Посольства СССР, т.к. в случае даже краткосрочного выезда в Советский Союз им было бы отказано в повторном въезде на японскую территорию. Непризнанные японскими властями советские представители имели, тем не менее, определённые контакты с японцами и направляли в Москву информацию о ситуации в Японии. Эта информация по понятным причинам вряд ли могла быть подробной и достаточной для составления разностороннего, глубокого представления о внутривнутриполитических процессах в японском обществе.

Во-вторых, не подписав мирный договор с Японией, Советский Союз не присоединился к фиксации в высшей форме международно-правовой практики – международного договора – отказа Японии от южной части Сахалина и Курильских островов. Этот договор, безусловно, намного авторитетнее Крымского соглашения. Таким образом, было положено начало территориальной проблеме в советско-японских, а затем и российско-японских отношениях, которую не удаётся урегулировать вплоть до настоящего времени.

Советско-японская Декларация 1956 года

18 октября 1954 г. СССР и КНР выступили с заявлением о своей готовности нормализовать отношения с Японией. Следует отметить, что в нём не упоминается «пересмотр японо-американских отношений» (в 1951 г. Токио и Вашингтон заключили военно-политический союз) в качестве предварительного условия для начала таких переговоров.

В декабре 1954 г. Хатояма Итиро сменил Ёсида на посту премьер-министра, а уже 11 декабря министр иностранных дел Сигэмицу Мамору сигнализировал о желании Токио начать переговоры с Москвой. 16 декабря министр иностранных дел В.М. Молотов также объявил о готовности к переговорам.

Если Ёсида считал нормализацию отношений с Советским Союзом не только не необходимым, но и вредным, то Хатояма стремился обеспечить для Японии более независимый внешнеполитический курс, нежели просто следование за позицией США. Позицию Хатояма поддерживал его ближайший соратник Коно Итиро (он вместе с Хатояма создавал Демократическую партию, которая и пришла к власти, а в новом правительстве занял пост министра сельского хозяйства и лесоводства). Однако Ёсида оставался весьма влиятельным политиком, контролировал многих высокопоставленных сотрудников Министерства иностранных дел. Его взгляды и отношения с СССР разделял и Сигэмицу Мамору (занимавший в кабинете Хатояма пост министра иностранных дел).

В советском руководстве также не было единства мнений по «японскому вопросу». Если Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Г.М. Маленков, А.И. Микоян выступали за скорейшее

заключение с Японией мирного договора, то В.М. Молотов, сохраняя приверженность «сталинской антияпонской линии», считал, что не может быть мирного договора с Японией, пока Токио сохраняет «договор безопасности» с Вашингтоном.

В декабре 1954 г. – январе 1955 г. стороны неоднократно обменивались заявлениями о готовности начать процесс нормализации отношений. Однако официальных приглашений вступить в переговоры ни Москва, ни Токио друг другу не передавали. Создавалось впечатление, что стороны искали приемлемую при отсутствии дипломатических отношений форму приглашения к переговорам.

Инициативу проявила советская сторона, и сделано это было в довольно необычной форме. Исполняющий обязанности торгового представителя СССР Домницкий в январе 1955 г. неоднократно пытался вступить в контакт с министром иностранных дел Сигэмицу для передачи ему письма с предложением начать переговоры в Москве или Токио и назначить представителей для их проведения. Тот отказывался принимать письмо без даты и подписи от советского представителя, которого японское правительство официально не признавало. Это был удобный для Сигэмицу предлог не спешить с началом переговоров.

Поскольку глава японского МИД письмо не принимал, Домницкий через ближайших друзей Хатояма, выступавших за нормализацию отношений с Советским Союзом, передал письмо японскому премьер-министру в его частной резиденции. Встреча советского представителя с Хатояма была организована в курьезно-детективном стиле. Как пишет в своих мемуарах Хатояма, он попросил Домницкого пройти в дом через кухню, с тем чтобы японские журналисты не смогли последить его приход и поднять шумиху [Хатояма, с. 64]. Встреча состоялась, и японский премьер получил письмо. При этом Домницкий подтвердил, что письмо носит официальный характер и направлено советским правительством [Панов, с. 62].

4 февраля 1955 г. японское правительство приняло решение начать переговоры с Советским Союзом о нормализации отношений. Возглавлять японскую делегацию на переговорах был назначен Мацумото Сюнъити, бывший дипломат, занимавший видные посты в Министерстве иностранных дел, в том числе посла Японии в Англии, а на февральских 1955 г. парламентских выборах был избран депутатом от Демократической партии. Он поддерживал политику Хатояма, выступал за скорейшее заключение мирного договора с Советским Союзом. Советскую делегацию возглавил посол СССР в Лондоне А.Я. Малик. Это был опытный дипломат, знакомый с Японией – в последние годы войны в 1942–1945 гг. занимал пост посла СССР в Токио.

Утверждённая японским правительством инструкция делегации во главе с Мацумото на лондонских переговорах включала следующие основные положения:

- добиться согласия Советского Союза на прием Японии в ООН (до этого СССР накладывал вето на приём Японии в эту организацию);
- обеспечить возвращение всех задерживаемых в советских лагерях японцев (на начало переговоров насчитывалось 1016 военнопленных и 357 гражданских лиц, отбывавших наказание за военные преступления и преступления, совершённые в период нахождения в заключении);
- договориться о возобновлении торговых связей;
- добиться согласия советской стороны на ведение промысла лососёвых, которые нерестились в реках на территории Советского Союза.

Предвидя упорные переговоры по территориальной проблеме, японская сторона разработала трёхступенчатую стратегию их ведения. На первой стадии японская делегация должна была требовать передачи ей южной части о. Сахалин и всех Курильских островов, включая острова Хабомаи и Шикотан. В случае отказа советской стороны от удовлетворения такой явно запросной позиции, в реализацию которой, видимо, и сами японцы не верили, надлежало ограничиться требованием «вернуть» Южные Курилы, под которыми подразумевались острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. И, наконец, если и это требование не будет принято, ограничиться островами Хабомаи и Шикотан. Таким образом, согласно указанным директивам, «возвращение» этих островов считалось достаточным, чтобы пойти на заключение мирного договора [Hasegawa, p. 108–109; Naga, p. 65–66].

Директивы (и это подтверждается многочисленными публикациями японских участников лондонских переговоров, включая Мацумото, а также дипломатами, их разработчиками и учёными-политологами), составлялись в Министерстве иностранных дел, и потому все последующие утверждения с японской стороны, что японская принципиальная позиция с самого начала состояла в том, чтобы добиваться возвращения островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, не соответствуют действительности. Причём японские переговорщики считали, что и получить острова Хабомаи и Шикотан будет чрезвычайно сложно. Ёсида и его сторонники, в том числе среди дипломатов, настаивая на включении в директивы требования «возвращения» островов Хабомаи и Шикотан, исходили из того, что Советский Союз не согласится на это и, следовательно, мирный договор заключить не удастся, что и отвечало их интересам.

Советско-японские переговоры о заключении мирного договора начались в Лондоне 3 июня 1955 г. На второй встрече глав делегаций 7 июня Мацумото передал Малику меморандум, содержание которого японская сторона предложила взять за основу переговоров. В нём выдвигались в качестве основных условий нормализации отношений:

- передача Японии южной части о. Сахалин и Курильских островов;
- возвращение в Японию задерживаемых в Советском Союзе японских военнопленных;
- положительное решение вопросов, связанных с японским промыслом лососёвых советского происхождения;
- содействие со стороны Советского Союза приёму Японии в ООН.

На следующей, третьей встрече глава советской делегации представил на рассмотрение советский проект мирного договора с Японией. Он содержал, помимо положений о прекращении состояния войны между двумя странами и восстановлении официальных отношений, о признании Японией суверенитета Советского Союза над южной частью о. Сахалин и Курильскими островами, ещё два пункта, которые носили явно нереалистичный характер.

Во-первых, предлагалось зафиксировать, что Япония не будет заключать союзы, направленные против Советского Союза. Это означало, что Япония должна была бы отказаться от «договора безопасности» с США.

Во-вторых, Япония должна была взять на себя обязательство разрешать свободный проход через японские проливы только военным судам государств, граничивших с Японским морем, из чего следовало, что советские военные суда могли бы пользоваться этими проливами, а американские – нет. В появлении этих пунктов прослеживается «рука Молотова». Выдвижение указанных положений дало основание японской делегации занять

позицию, согласно которой она не будет обсуждать содержание других статей договора, пока советская сторона не перестанет выдвигать предложения, направленные на пересмотр японо-американского военно-политического союза.

В-третьих, проблема японских военнопленных будет урегулирована только после заключения мирного договора.

Проанализировав различные документы, материалы и воспоминания участников переговоров, японский исследователь Хасэгава пришёл к выводу, что Мацумото, осознав гибкость советской позиции, дал понять Малику о возможности решить территориальную проблему на основе возвращения Японии островов Хабомаи и Шикотан. Такой вариант был предусмотрен в качестве минимального территориального требования в полученных им инструкциях [Hasegawa, p. 110].

Переговоры были прерваны, т.к. в июле Малик отправился в Москву на консультации и получение новых инструкций. 9 августа на возобновившихся переговорах Малик сообщает Мацумото, что советское правительство готово пойти навстречу «пожеланию» японской стороны о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан при условии окончательного на этом урегулирования территориального вопроса между обеими странами при подписании мирного договора. Он также сказал, что советская сторона не ставит условием нормализации отношений и заключения мирного договора отказ Японии от её обязательств, вытекающих из имеющихся у неё международных договоров (имелся, конечно, в виду Договор Японии с США о взаимном обеспечении безопасности. Соответственно два вышеупомянутых «пункта Молотова» снимались) [Тихвинский, с. 53–54].

Территориальная уступка, объявленная советской стороной, была более щедрой, чем могла ожидать японская сторона. Мацумото потом напишет в своих мемуарах, что, услышав об этом от Малика, он «едва мог поверить своим ушам». Он тут же докладывает о состоявшейся беседе в Токио [Мацумото, Мосукува ни..., с. 44].

Однако телеграмма Мацумото побудила противников нормализации отношений с Москвой принять контрмеры против возможности скорого завершения переговоров. Сигэмицу и Министерство иностранных дел засекретили эту телеграмму настолько, что о ней не знал даже премьер-министр Хатояма. Сигэмицу послал Мацумото инструкции, предписывающие придерживаться той позиции, что только возвращения Хабомаи и Шикотана недостаточно, что Кунашир и Итуруп издревле являлись японской территорией и не входили в Курильские острова, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому договору, и что суверенитет Южного Сахалина и Курильских островов должен быть решён на международной конференции. Таким образом, впервые Япония в качестве минимального требования объединила острова Хабомаи и Шикотан с островами Кунашир и Итуруп и впервые Япония отделила эти острова от понятия «Курильские острова».

Эта позиция была представлена японской стороной на переговорах 30 августа. Очевидцы вспоминают, что, получив текст японской позиции, Малик побелел и решительно осудил японскую сторону за отсутствие доброй воли достичь соглашения. Повторив предложение относительно островов Хабомаи и Шикотан, он подчеркнул, что советское правительство никогда не согласится на проведение международной конференции по территориальному вопросу и никогда не изменит свою позицию по островам Кунашир и Итуруп.

В связи с описанными выше событиями возникают два основных вопроса: почему Малик огласил территориальную уступку на ещё довольно ранней стадии переговоров и почему японская сторона её не приняла. По свидетельству входившего в состав советской делегации на переговорах С.Л. Тихвинского, в то время советника Посольства СССР в Лондоне, у делегации с самого начала переговоров была утверждённая Политбюро ЦК КПСС запасная позиция по территориальному вопросу, которую и сообщил Малик главе японской делегации [Тихвинский, с. 53–54].

Но что побудило его сделать это столь поспешно? Высказывается мнение, что, будучи в Москве в июле 1955 г. на Пленуме ЦК КПСС, Малик мог встретиться с Хрущёвым и получить от него соответствующие инструкции. Известно, что Хрущёв был недоволен медленным ходом лондонских переговоров и неоднократно высказывался по этому поводу. Действительно, трудно поверить в то, что такой опытный дипломат, как Малик, мог бы по собственной инициативе, без консультаций с Москвой, использовать данную позицию, которая была по сути ключевой.

Очевидно также, что после получения от советской стороны столь важной уступки, практически не дав ничего взамен, японская сторона пришла к выводу, что, поскольку она уже добилась возвращения островов Хабомаи и Шикотан, то почему бы теперь не попробовать обеспечить возвращение и островов Кунашир и Итуруп. Новые инструкции, полученные японской делегацией из Токио, безусловно, вели к затягиванию переговоров. Насколько о них был осведомлён премьер-министр Хатояма, который выступал за быстрее заключение мирного договора с Советским Союзом?

Первое объяснение представляется достаточно обоснованным и заключается в том, что глава японского правительства не получал подробной информации о ходе лондонских переговоров. Сигэмицу и его ведомство ограничивали его вмешательство в их процесс. В своих мемуарах Хатояма отмечает: «Я предполагаю, что детали переговоров докладывались Министерству иностранных дел, но оно не передавало мне эту информацию, хотя я часто просил их об этом. То, что я получал, были не более как телеграммы общего характера...» [Хатояма, с. 177].

В это трудно поверить, но такова была реальная ситуация. Хатояма был практически отстранён Министерством иностранных дел от лондонских переговоров, а Сигэмицу занимал особо жёсткую позицию. В августе он публично заявил, что «если переговоры не приведут к приемлемым для Японии договорённостям, мы должны быть готовы даже прервать их». Выступая в конце августа в Вашингтоне в Национальном пресс-клубе, он заверил американское руководство в том, что «японо-советские переговоры не означают стремления Японии установить дружеские отношения с Советским Союзом», а главная цель – «технически прекратить состояние войны между двумя странами» [Нага, р. 68].

Второе объяснение неприятия японской стороной территориальной уступки советской стороны и ужесточения японской позиции по территориальной проблеме связано с внутривластной обстановкой в Японии. Летом 1955 г. шли переговоры об объединении Демократической партии с Либеральной. Хатояма приходилось договариваться с Ёсида, жёсткая позиция которого в отношении Советского Союза была хорошо известна. Вопросы нормализации отношений с Советским Союзом обсуждались лидерами обеих партий, т.к. предстояло разработать единый подход к ним объединённой партии. Многие японские исследователи приходят к заключению, что Хатояма ради создания объединённой партии –

ЛДП – пошёл на компромисс и уступил сторонникам жёсткой позиции на переговорах по мирному договору с Советским Союзом. В пользу этой версии говорит и тот факт, что после создания 15 ноября 1955 г. ЛДП японская позиция на переговорах ужесточилась. 12 ноября лидеры Демократической и Либеральной партий одобрили политический документ «Рациональные изменения в позиции на японо-советских переговорах», согласно которому целью переговоров определялось возвращение Южных Курил (острова Кунашир и Итуруп) и островов Хабомаи и Шикотан, а судьбу других территорий должна была решить международная конференция.

Лондонские переговоры зашли в тупик и 23 сентября 1955 г. были прерваны. Второй раунд советско-японских переговоров начался 17 января 1956 г. и продолжался до 20 марта. Делегации согласовали ряд статей мирного договора, не имеющих принципиального характера. По важнейшим проблемам, включая территориальную, разногласия сохранялись.

Глава советской делегации представил предложения, подтверждающие обещание передать острова Хабомаи и Шикотан при чётком понимании, что более никаких территориальных уступок не будет. В ответ Мацумото выдвинул японское контрпредложение. Поскольку японская сторона считала вопрос об островах Хабомаи и Шикотан решённым, речь в нём шла об островах Кунашир и Итуруп. Предполагалось, что до возвращения Японии этих островов за Токио признаётся «потенциальный суверенитет», что позволит советским жителям этих островов на этот срок продолжать на них находиться, а советские военные и торговые суда будут иметь право свободного прохода проливами между этими островами, которые будут демилитаризованы [Hasegawa, p. 121].

Малик отверг эти предложения, и переговоры были прерваны. На следующий день после завершения второго раунда лондонских переговоров, т.е. 21 марта 1955 г., было опубликовано постановление Совета министров СССР «Об охране запасов и регулировании промысла лососёвых в открытом море и районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке». Согласно постановлению, в Охотском море и западной части Берингова моря ограничивался промысел лососёвых пород рыб – как для советских, так и иностранных организаций и граждан. Промысел разрешался только по специальным разрешениям, ограничивался лимит вылова на каждое судно.

Постановление вызвало шоковое состояние не только у японских рыбопромышленных кругов, но и среди широкой японской общественности. В то время, когда последствия разрушительной войны еще не были преодолены, для обеспечения японского населения продуктами питания поставки лососёвых имели более чем существенное значение. Ряд японских исследований японо-советских отношений считает, что советское правительство с помощью указанного постановления попыталось оказать давление на японское правительство с тем, чтобы оно заняло более гибкую позицию на переговорах по мирному договору.

Однако советская пресса предупреждала о возможности принятия такого постановления еще 11 февраля 1955 г., т.е. до неудачи второго раунда лондонских переговоров. Последующие события показали, что именно те японские политические деятели, которые выступали за скорейшую нормализацию отношений с Москвой, воспользовались «рыболовным кризисом» для преодоления сопротивления противников соглашения с Советским Союзом. Японская сторона предложила провести переговоры по отношениям

в сфере рыболовства отдельно от переговоров по мирному договору. Такие переговоры состоялись в Москве с 29 апреля по 14 мая.

Японскую делегацию возглавлял министр сельского хозяйства и лесоводства Коно. Как впоследствии он вспоминал в мемуарах, премьер-министр Хатояма, направляя его в советскую столицу, напутствовал следующими словами: «Антикоммунизм и восстановление межгосударственных отношений – это две разные проблемы. Разве сегодня есть ещё какое-либо государство, которое продолжает находиться в состоянии войны с другим государством только потому, что оно ему не нравится? Урегулировав свои отношения с Советским Союзом, мы сможем добиться освобождения находящихся ещё в плену в СССР японцев, а затем, когда Советский Союз снимет свои возражения, Япония сможет стать членом ООН... Конечно, рыба – дело важное, но наступило такое время, когда нужно решить основной вопрос, вопрос о нормализации отношений между двумя странами. Поэтому возможно, что и мне придется поехать в Москву. Вот почему я и хотел бы, чтобы Вы сейчас отправились в Советский Союз, выяснить точку зрения Советского Союза и все обстоятельства на месте» [Коно, с. 26].

Переговоры по рыболовству шли не просто. Их начало Сигэмицу пытался даже саботировать. Пришлось вмешаться непосредственно Хатояма, чтобы они состоялись. В результате переговоров по рыболовству 14 мая 1956 г., т.е. за день до начала промысла лососёвых, была подписана советско-японская Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана, на основе которой была определена квота вылова лососёвых для японских рыболовных судов.

В период переговоров, 9 мая, Коно запросил встречу с Председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганиным, на которую пришёл без сопровождающих, в том числе японского переводчика, который был в японской делегации кадровым дипломатом. Тем самым он показал, что не разделяет позицию японского внешнеполитического ведомства на переговорах по мирному договору и не доверяет его сотрудникам. Коно предложил при подписании Конвенции о рыболовстве сделать совместную оговорку сторон, что она вступит в силу при условии, что переговоры о нормализации отношений возобновятся не позднее 31 июля 1956 г. При этом просил сделать так, будто эта оговорка сделана по требованию советской стороны. Таким образом, японский министр стремился повлиять на те силы в Японии, которые затягивали лондонские переговоры. Соответствующее коммюнике о возобновлении переговоров о нормализации отношений между странами до конца июля было подписано Коно и Микояном. Указанная договорённость о переговорах была резко критически встречена в МИД Японии. Коно даже обвинили в том, что он на встрече с Булганиным пошёл якобы на какие-то уступки в территориальном вопросе. Однако на той встрече территориальный вопрос не обсуждался. Но глава советского правительства предложил японской стороне подумать о применении на переговорах по мирному договору «формулы Аденауэра» [Тихвинский, с. 93–95].

13 сентября 1953 г. Советский Союз и Западная Германия достигли договорённости о восстановлении дипломатических отношений без решения территориальных проблем между двумя странами, урегулирование которых было отложено до подписания мирного договора. «Формула канцлера ФРГ К. Аденауэра» применительно к советско-японским переговорам означала нормализацию отношений без подписания мирного договора с положением о территориальном разграничении.

Хатояма после предложения Булганина начал задумываться относительно принятия этой «формулы», тем более что такой вариант им ранее рассматривался [Hasegawa, p. 122]. А вот Сигэмицу выступил противником «формулы Аденауэра». Он считал, что после официального прекращения состояния войны с Советским Союзом Япония может потерять всякие перспективы требовать возвращения не только Южных Курил, но и островов Хабомаи и Шикотан.

Третий раунд переговоров по мирному договору состоялся не в Лондоне, а по предложению советской стороны в Москве и прошёл с 31 июля по 14 августа 1956 г. Следует отметить, что внутривластная борьба в Японии по вопросам, связанным с этими переговорами, накануне их возобновления была весьма острой и не всегда складывалась в пользу выступавших за скорейшую нормализацию отношений с Советским Союзом, прежде всего, Хатояма и Коно. После подписания Конвенции по рыболовству С.Л. Тихвинский в ранге Чрезвычайного и Полномочного посланника СССР прибыл в Токио в качестве руководителя Представительства Советского Союза по осуществлению соглашения о рыболовстве и спасении терпящих бедствие в северо-западной части Тихого океана. Фактически японское правительство признало послевоенное Представительство СССР в Токио, хотя и под другим названием.

По свидетельству Тихвинского, японские противники нормализации отношений с Советским Союзом начали действовать более активно, скоординированно, подогревать антисоветские настроения в широких кругах общественности. Руководящую роль при этом играли Ёсида и его фракция в ЛДП, а также действующие и отставные дипломаты. Разворачивалось запугивание общественности «коммунистической угрозой», которая, дескать, появится после прибытия в Японию сотрудников советского посольства и которая будет подрывать внутреннюю безопасность страны [Тихвинский, с. 96–97].

Противники нормализации отношений с Москвой добились назначения главой японской делегации на переговорах по мирному договору «своего человека» – министра иностранных дел Сигэмицу. Он и сам стремился возглавить делегацию, полагая, что его твёрдость и напористость позволят получить от советской стороны дополнительные уступки. Он даже не возражал против проведения третьего раунда переговоров в Москве, полагая получить непосредственный доступ к советским руководителям и убедить их в правоте японской позиции. Однако Хатояма все же удалось направить в Москву и своего сторонника С. Мацумото, который состоял в качестве полномочного представителя при главе делегации.

На переговорах с министром иностранных дел Д. Шепиловым японская делегация сняла вопрос о проведении международной конференции по определению принадлежности южной части о. Сахалин и Курильских островов, но продолжала настаивать на передаче Японии островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп [Hasegawa, p. 123]. Переговоры вновь зашли в тупик. Жёсткая линия Сигэмицу не сработала, советские руководители её не принимали. Тогда Сигэмицу приходит к выводу, которого от него никто не ждал. Он сообщает членам японской делегации о целесообразности подписать мирный договор на советских условиях – передача Японии только островов Хабомаи и Шикотан, но без включения положения о прохождении границы между Кунаширом и Хоккайдо. Ход переговоров и советская позиция на них, утверждал он, свидетельствуют, что в противном случае Япония может не получить и эти острова.

12 августа М. Сигэмицу сообщает в Токио о своем «радикальном» предложении. Более того, он озвучивает свою позицию в прессе. [Hara, p. 71; Асахи]. Но ситуация в японских правящих кругах, в том числе созданная прежними усилиями самого Сигэмицу, была не в пользу его принятия. Главе японской делегации из Токио поступают инструкции продолжить настаивать на прежней позиции. Московские переговоры прерываются.

За ситуацией на переговорах внимательно следили США. В Вашингтоне ревниво, а точнее, с большой озабоченностью воспринимали намерение Хатояма вести дело к полной нормализации отношений с Советским Союзом. Помимо нежелания давать своему младшему партнёру большую свободу действий в международных делах, у американцев присутствовали и вполне конкретные эгоистичные расчёты. Если произойдёт сближение Токио с Москвой, то японский национализм, полагали в Вашингтоне, может повернуться против США, т.к. японцы станут требовать возвращения архипелагов Рюкю и Бонин. Государственный департамент прогнозировал, что Советский Союз может использовать проблему Курильских островов в качестве «переговорного козыря» и создать напряжённость в отношениях между Японией и США [Hara, p. 43]. Кроме того, американцы опасались, что после нормализации отношений с Советским Союзом Япония может начать переговоры с КНР по установлению дипломатических отношений.

26 февраля 1955 г. Даллес направил указание послу США в Токио Дж. Аллисону довести до сведения японской стороны позицию Вашингтона в связи с советско-японскими переговорами по мирному договору. В инструкции говорилось о том, что договорённости Токио с Москвой не должны подрывать американо-японский договор безопасности и должны соответствовать Сан-Францисскому мирному договору (в связи с этим была подтверждена американская поддержка японской позиции, что Хабомаи и Шикотан не являются частью Курильских островов) [US Department of State, FRUS, 1955–1957, p. 20, 21–22.] На тот период в Вашингтоне полагали, что претензии Японии на Хабомаи и Шикотан будет достаточно для срыва советско-японских переговоров по мирному договору.

Советское предложение передать Японии острова Хабомаи и Шикотан было воспринято в Вашингтоне как создающее предпосылки для заключения советско-японского мирного договора. В связи с этим позиция США изменилась. Теперь была высказана поддержка не только претензий Японии на Хабомаи и Шикотан, но и на Кунашир и Итуруп. США начали поощрять Японию требовать «возвращения Кунашира и Итурупа» как не входящих в состав Курильских островов, в качестве дополнительного препятствия к заключению советско-японского договора [Hasegawa, p. 120].

19 августа 1956 г. Сигэмицу встретился с Даллесом в Лондоне и информировал его о ходе переговоров с Советским Союзом. При этом он сообщил, что Москва хочет провести линию границы к северу от Хабомаи и Шикотана, и поинтересовался позицией госсекретаря о правомочности такой границы с точки зрения Сан-Францисского мирного договора. Даллес высказался весьма определенно. Согласно записи беседы, сделанной американской стороной, он подчеркнул, что «по условиям капитуляции Японии Курилы и Рюкю трактовались одинаково, и в то время, когда США в мирном договоре согласились на то, что отложенный суверенитет над Рюкю может оставаться у Японии, нами было также сказано в статье 26, что если Япония предоставит России более благоприятные условия, мы можем потребовать таких же условий для себя. Это означает, что если Япония признает за Советским Союзом полный суверенитет над Курилами, мы можем считать, что мы в равной степени обладаем

полным суверенитетом над Рюкю». При этом он отметил, что статья 26 выгодна Японии в её переговорах с СССР, т.к. «японцы могут сказать Советам, что если их заставят отказаться от Курил, им придётся отказаться также от Рюкю... Если Япония скажет СССР, что он может обладать суверенитетом над Курилами, тогда США будут настаивать на суверенитете над Рюкю». Госсекретарь посоветовал японцам на переговорах сказать Советскому Союзу о жёсткой позиции США, а именно – если «СССР возьмут все Курилы, США останутся навсегда на Окинаве, и никакое японское правительство не сможет их оттуда выгнать» [US Department of State, FRUS, 1955–1957, p. 202, 203, 208–209].

Практически во всех исследованиях японских, американских, советских, а теперь и российских историков и политологов указанные высказывания Даллеса трактуются как «Ультиматум Даллеса» (*Даресу-но докацу*), который в конечном итоге воспрепятствовал подписанию советско-японского мирного договора. Увязка Курильских островов с островами Рюкю и Бонин произвела шоковое впечатление на японскую общественность. Хотя речь в заявлениях Даллеса шла лишь о том, что Япония не должна признавать суверенитет Советского Союза над Курильскими островами, они были восприняты как угроза не возвращать Японии острова Рюкю и Бонин в случае невыполнения американских требований. При этом практически незамеченным остался тот факт, что отказ Японии требовать «возвращения» Кунашира и Итурупа никоим образом не был связан с вопросом о признании или непризнании советского суверенитета над ними.

7 сентября, с тем, чтобы успокоить японскую общественность, государственный департамент направил японскому правительству меморандум, разъясняющий американскую позицию. В нём говорилось, что США выступают за окончание состояния войны между Японией и Советским Союзом, но отмечалось, что Ялтинские соглашения не предоставляют юридической основы для территориального урегулирования, что Сан-Францисский мирный договор не определяет, какой стране принадлежат территории, от которых отказалась Япония, что Япония не имеет права передать кому-либо территории, от которых отказалась. Отмечалось, что после «тщательного изучения исторических фактов» США пришли к выводу, что острова Кунашир и Итуруп вместе с Хабомаи и Шикотан всегда были неотъемлемой частью японской территории, а потому должны быть под японским суверенитетом [Hasegawa, p. 126–127].

Не составляет труда обнаружить противоречия в этом заявлении. С одной стороны, Кунашир и Итуруп являются частью Курильских островов, от которых Япония отказалась, а с другой – поддерживается убеждение Японии в том, что они всегда были неотъемлемой частью японской территории. Как бы то ни было, США заняли позицию однозначной поддержки японских требований к Советскому Союзу о «возвращении четырёх островов», о чём и заявил Даллес Сигэмицу на последней встрече 24 августа 1955 г.

Между тем вокруг советско-японских переговоров складывалась всё более тревожная обстановка. Они находились на грани полного провала. Для Хатояма и его сторонников, выступавших за проведение Японией независимой внешней политики, становилось всё более очевидным, что без непосредственного подключения к переговорам главы японского правительства найти выход из сложившейся тупиковой ситуации не удастся.

19 августа японское правительство публикует сообщение о возможной поездке в Москву премьер-министра. Это было мужественное решение Хатояма, которому противостояла серьезнейшая оппозиция в правящей партии, со стороны правых, националистических

организаций и даже со стороны ряда предпринимательских организаций, ориентированных на американский рынок. Да и Вашингтон не оставался в стороне. У Хатояма складывалось мнение, что поскольку выйти на заключение мирного договора с решением территориальной проблемы не удаётся, необходимо хотя бы достичь договорённости о восстановлении дипломатических отношений.

Согласно недавно рассекреченным документам из архива Политбюро ЦК КПСС, Президиум ЦК КПСС шлёт главе советской миссии в Японии Тихвинскому зашифрованную телеграмму, в которой сообщается о готовности принять в Москве японского премьера Хатояма и министра Коно во второй половине октября. Цели заключались в том, чтобы «установить с ними личный контакт и обменяться мнениями о перспективах развития советско-японских отношений».

Целесообразно полностью изложить текст документа ввиду его большой значимости, поскольку в нём изложена принципиальная позиция Москвы по нормализации двусторонних отношений.

«Советское правительство, – как отмечается в документе, – имеет в виду подписание мирного договора с включением в него статьи о территориях, предусматривающей передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан, как это изложено в советском проекте мирного договора. Позиция Советского правительства в территориальном вопросе является окончательной и изменена быть не может. В случае, если японское правительство не готово подписать мирный договор, Советское правительство могло бы пойти на восстановление дипломатических отношений без мирного договора, на обмен послами с одновременным объявлением о прекращении состояния войны, оставив без изменений существующее положение в отношении территорий.

Эта позиция Советского правительства, как известно, уже излагалась в беседе Н.А. Булганина и Н.С. Хрущёва с японской парламентской делегацией 21 сентября 1955 г., а также в беседе Н.А. Булганина с г-ном Коно 9 мая 1956 г. Позиция Советского правительства остаётся неизменной и теперь. Обратите внимание Коно на то, что Н.А. Булганин в беседе с ним 9 мая с.г. говорил именно в этом смысле, а не так, как это излагает Коно, утверждая, будто Н.А. Булганин высказался за подписание мирного договора без статьи о территориях.

В случае согласия японской стороны с любым из указанных вариантов нормализации советско-японских отношений Советское правительство могло бы принять в Москве г-на Хатояма, Коно и сопровождающих их лиц во второй половине октября с.г.» [Максименков, 2019].

11 сентября Хатояма направил в адрес председателя Совета министров СССР Булганина послание, в котором выражалась готовность приступить к переговорам в целях нормализации отношений между двумя странами, если Советский Союз выразит согласие о том, что на них будут достигнуты следующие договорённости:

- состояние войны между двумя странами прекращается;
- производится обмен посольствами;
- осуществляется немедленная репатриация задерживаемых в советских лагерях японских граждан;
- вступает в силу Конвенция по рыболовству;
- Советский Союз поддерживает принятие Японии в ООН.

Предлагалось также одобрить на предстоящих переговорах те пункты, о которых уже была достигнута договорённость на предыдущих переговорах делегаций сторон в Москве и Лондоне. Что касается территориальной проблемы, то японская сторона, как отмечалось, была бы удовлетворена обещанием советской стороны продолжить её обсуждение в будущем.

Положительный ответ советской стороны последовал незамедлительно. 13 сентября в послании Булганина в адрес Хатояма выражались согласие с японской позицией по содержанию переговоров в Москве и готовность немедленно возобновить переговоры о нормализации японо-советских отношений без заключения мирного договора.

Таким образом, на тот момент стороны не планировали заключать мирный договор. Японская сторона лишь поставила вопрос о том, чтобы согласие советского правительства на продолжение после восстановления дипломатических отношений переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос, было оформлено в письменном виде. 29 сентября первый заместитель министра иностранных дел СССР Громыко и Мацумото обменялись соответствующими письмами.

Однако противники нормализации отношений с Советским Союзом не унимались. 20 сентября ЛДП провела чрезвычайное общее собрание, на котором была одобрена партийная платформа к предстоящим переговорам в Москве. От японских представителей требовалось настаивать на немедленном возвращении островов Шикотан и Хабомаи, на продолжении переговоров по островам Кунашир и Итуруп после заключения мирного договора, на соблюдении духа Сан-Францисского договора относительно других территорий. Партийное решение противоречило уже достигнутой между сторонами договорённости отложить переговоры по территориальной проблеме. Оно, конечно, связывало руки Хатояма на переговорах, вело к их осложнению.

Переговоры на высшем уровне в Москве начались 13 октября. 15 октября глава советской делегации Булганин и Хатояма на своей встрече подтвердили то, о чём договорились в своих письмах – нормализация отношений с откладыванием переговоров по территориальной проблеме. Хатояма повторил позицию, изложенную в его письме Булганину от 11 сентября.

Но Булганин внёс важное дополнение. Он предложил подписать по итогам переговоров не совместное коммюнике или меморандум, а Совместную декларацию, подлежащую ратификации обеими сторонами. Хатояма согласился. После этой встречи советская сторона передала состоящий из десяти пунктов проект Совместной декларации. Десятый пункт гласил, что стороны «продолжат переговоры о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос, после нормализации отношений».

Казалось бы, всё ясно и понятно. Можно после небольшой технической работы подписывать документ, положения которого фактически уже согласованы. Но происходит нечто неожиданное. Коно, который входит в японскую делегацию, запрашивает встречу с Первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым и получает у него аудиенцию 16 октября. Почему это сделал Коно, а не глава делегации Хатояма?

Одно из объяснений – Хатояма (ему 73 года) в то время был уже тяжело болен, прибыл в Москву на инвалидной коляске – сказывались последствия инсульта и не был в состоянии вести затяжные, сложные дискуссии. Другое объяснение – Хатояма хотел побыстрее завершить переговоры и не выполнять партийный наказ от 20 сентября. Он уже заявил о намерении уйти с поста главы правительства и из большой политики после нормализации

отношений с Москвой. Коно же, думая о своём политическом будущем, добился согласия Хатояма всё же поставить территориальный вопрос перед советским руководством, причём не на переговорах, а напрямую «главному лицу в СССР».

Ещё одно объяснение отсылает нас к традиционной японской переговорной тактике, согласно которой глава делегации не вдаётся в детали, а один из её членов – мастер закулисных сделок, по сути, и ведёт настоящие переговоры. Такая тактика именуется у японских переговорщиков *харагэй* (скрытая игра). Конечно же, Коно все свои разговоры с Хрущёвым согласовывал с Хатояма.

Коно начал разговор с советским лидером с того, что подробно обрисовал жёсткие действия японских противников нормализации советско-японских отношений. В этой обстановке, утверждал он, для того чтобы их нейтрализовать, крайне важно вернуться в Японию с островами Хабомаи и Шикотан. Хрущёв раздражённо реагирует на это, вполне резонно напоминая, что советское правительство дважды предлагало японской стороне передать эти острова, но Токио дважды отвергал это предложение. «Советское правительство, – продолжает он, – хочет прийти к соглашению с Японией как можно скорее и не использует территориальный вопрос для торга. Но я должен снова совершенно определённо и категорически заявить, что мы не принимаем и не должны принимать любые территориальные претензии со стороны Японии, кроме островов Хабомаи и Шикотан, и отказываемся обсудить какие бы то ни было предложения по этому вопросу»¹. При этом советский руководитель ставит два условия, при выполнении которых эти территории могут быть переданы Японии.

Первое условие – до их возвращения должен быть заключён мирный договор и с передачей этих островов территориальный вопрос должен считаться решённым полностью и окончательно.

Второе условие – эти острова будут переданы только после того, как США вернут Японии Окинаву и все другие японские территории, которыми они в настоящее время владеют.

Хрущёв впервые увязал проблему островов Хабомаи и Шикотан с проблемой архипелагов Рюкю и Бонин. Тем самым он попытался разыграть территориальную карту в антиамериканском плане точно так же, как американцы разыгрывали её в антисоветском.

После изложения Хрущёвым указанной позиции, Коно попытался продолжить и настойчиво возвращался к территориальной проблеме. При этом он попытался «оспорить» тезис Хрущёва об аналогии островов Хабомаи и Шикотан с Окинавой. На это советский лидер, всё более раздражаясь настойчивостью Коно, заявил: «У нас нет желания рассматривать по этой проблеме неравенство с Соединёнными Штатами. Почему требуют, чтобы мы вернули территории, которые принадлежат нам, в то время как Соединённые Штаты удерживают в своих руках японские территории и строят военные базы на этих территориях, которые направлены против нас? Это не справедливо. Мы протестуем против такой дискриминации» [Соглашается на передачу Японии...; Мацумото, Мосукува ни..., с. 131–149].

¹ Содержание беседы между Хрущёвым и Коно приводится по материалам [Соглашается на передачу Японии...; Мацумото, Мосукува ни...].

Коно продолжал пытаться ставить территориальный вопрос даже в гипотетическом плане. Так, он спросил Хрущёва, полагает ли тот, что США когда-то вернут Окинаву? Хрущёв ответил, что когда-нибудь это свершится. Тогда Коно пускает в ход явно провокационный вопрос: когда США вернут Окинаву, будет ли Советский Союз готов вернуть Кунашир и Итуруп. Явно утомлённый японским «допросом» советский лидер отмечает: «Я не знал, что японцы настолько настойчивы. Они возвращаются к тем же вопросам “всё время”. Хрущёв категорически отверг возможность передачи Кунашира и Итурупа, хотя, по его оценке, эти острова не имеют какого-либо экономического значения. Напротив, они являются огромным финансовым бременем для советского правительства. Но, – подчеркнул он, – “решающим является престиж страны, а также стратегическая сторона проблемы”».

После этой встречи Хрущёв направил записку членам Президиума ЦК КПСС с формулировкой для включения в Совместную декларацию, в которой говорилось, что СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан. Эти острова будут фактически переданы Японии после заключения мирного договора между СССР и Японией и после того, как Окинава и другие острова, находящиеся в настоящее время под администрацией США, будут возвращены Японии. Поздно вечером этот текст был доставлен Коно.

Но на этом встречи Коно и Хрущёва не закончились. Надо знать японских переговорщиков – они стремятся выжимать из любой ситуации максимально возможные уступки.

На встрече 14 октября Хрущёв пояснил Коно, что готовность Советского Союза вернуть Хабомаи и Шикотан прежде всего мотивирована желанием помочь Японии вернуть Окинаву. Но если Япония не хочет включать в текст документа предложение, которое он сделал, то можно сделать на этот счёт устное заявление либо вовсе не упоминать Окинаву в контексте двух островов.

На третьей встрече 18 октября Коно прибегает, по определению известного японского учёного Хасэгава Цуёси, к «змеиной атаке». Японская делегация добивается согласия советской стороны на публикацию после подписания Совместной декларации тех писем, которыми Громыко и Мацумото обменялись 29 сентября, ещё до начала переговоров на высшем уровне, т.е. когда речь не шла о подписании мирного договора или Совместной декларации с включением территориальной статьи. Уловка состояла в том, чтобы создать впечатление, что Совместная декларация и письма являются едиными целым и, соответственно, Советский Союз якобы согласился при проведении в будущем переговоров по мирному договору обсуждать проблему островов Кунашир и Итуруп.

Конечно, эта хитрость не могла убедить советскую сторону в том, чего она не обещала, но помогала Хатояма и Коно для внутреннего потребления представить дело таким образом, что они выполнили «партийный наказ» и отстаивали позицию по островам Кунашир и Итуруп. Впоследствии японские политики, дипломаты и ученые-политологи именно таким образом и толковали публикацию писем Громыко – Мацумото. Более того, обменные письма с самого начала не имели обязывающего характера для советского правительства и тем более в них ничего не говорилось конкретно о территориальной проблеме.

Хрущёва, когда он уже был отстранён от власти, упрекали в том, что он пообещал передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. Попробуем понять мотивы его решения. Во-первых, и об этом уже говорилось, он хотел скорейшей нормализации отношений с Японией, тем более что с китайскими руководителями уже начинались расхождения во взглядах по принципиальным вопросам.

Во-вторых, Хрущёв был убеждён, что эти острова – небольшая потеря для Советского Союза. В беседе с Коно он даже говорил, что экономически эти острова не имеют значения, напротив, они огромное финансовое бремя для советского правительства. В своих мемуарах Хрущёв отмечает: «Мы долго совещались тогда в руководстве СССР и пришли к выводу, что стоит пойти навстречу желаниям японцев и согласиться с передачей этих островов (сейчас не помню их названий), но при условии подписания мирного договора Японии с СССР и выведения войск США с Японских островов... Мы считали, что такая уступка не имеет особого значения для СССР. Там лежат пустынные острова, которыми пользовались только рыбаки и военные.... Зато дружба, которую мы хотели завоевать со стороны японского народа, наша взаимная дружба имела бы колоссальное значение. Поэтому территориальные уступки с лихвой перекрывались бы теми новыми отношениями, которые сложились бы между народами Советского Союза и Японии [Хрущёв, с. 644].

В-третьих, он, видимо, исходил из того, что японская сторона в конечном итоге будет удовлетворена уступкой островов Хабомаи и Шикотан и на фоне отказа США от возвращения Японии архипелагов Рюкю и Бонин можно будет попытаться подтолкнуть Японию к отходу от американцев и даже к провозглашению нейтралитета – что-то наподобие австрийского варианта. Можно считать подобный подход утопичным. Однако в конце 1950-х годов, принимая в Кремле японские делегации, советский руководитель, отвечая на вопрос, когда СССР передаст острова Японии, будет неизменно отвечать – только после того, как США вернут Японии Окинаву.

В конечном итоге 19 октября 1956 г. после более чем полутора лет переговоров стороны подписали Совместную декларацию, согласно основным положениям которой:

- прекращалось состояние войны между СССР и Японией;
- восстанавливались дипломатические и консульские отношения;
- Советский Союз освобождал и репатриировал всех осуждённых в СССР японских граждан;
- Советский Союз отказывался от всех репарационных претензий к Японии;
- Советский Союз поддерживал просьбу Японии о принятии её в члены Организации Объединённых Наций.

Статья 9, посвящённая проблеме мирного договора, гласила: «СССР и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений переговоров о заключении мирного договора.

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора».

С советской стороны Совместную декларацию подписали Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин и министр иностранных дел Д.П. Шепилов (Хрущёв на церемонии подписания не присутствовал), с японской – премьер-министр Хатояма Итиро,

министр сельского хозяйства и лесоводства Коно Итиро и депутат парламента Мацумото Сюнъити.

27 ноября 1956 г. палата представителей японского парламента ратифицировала декларацию (70 депутатов – члены фракции Ёсида – голосование бойкотировали), 5 декабря это же сделала палата советников парламента. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал декларацию 8 декабря 1956 г. Обмен ратификационными грамотами был произведён в Токио 12 декабря 1956 г.

Как мы знаем, в Японии было немало противников нормализации отношений с СССР, но росло и число сторонников установления нормальных отношений с великим соседним государством. По воспоминаниям Тихвинского, премьер-министра Хатояма и членов японской делегации, по их возвращении 1 ноября 1956 г. в Токио встречала восторженная толпа – свыше 14 тысяч человек. В целом положительно оценила результаты переговоров в Москве и японская пресса.

Но по-прежнему раздавались угрозы, в том числе физической расправы с Хатояма, со стороны ультраправых группировок. В парламенте звучали заявления с требованием отставки премьера [Тихвинский, с. 118–119]. И всё же Хатояма добился поставленной цели. Несмотря на сопротивление внутри правящей элиты, преодолевая давление со стороны Вашингтона, он совершил деяние исторического характера – обеспечил послевоенное урегулирование отношений Японии с Советским Союзом, что позволяло Японии решить целый комплекс важнейших для её национальных интересов проблем.

Вот как оценивает подписание Совместной декларации спустя много лет после этого события один из видных деятелей ЛДП, которого принято считать националистически настроенным, Накасонэ Ясухиро, в своей книге «Политика и жизнь. Мои мемуары»: «На переговорах в Москве мы добились успеха. Япония вступила в ООН, вернулись заключённые, была расширена сфера международной деятельности и тем самым заложен краеугольный камень дальнейшего развития» [Накасонэ, с. 178–179].

Хотя не удалось подписать мирный договор, но по содержанию Совместная декларация 1956 года решила все те вопросы, за исключением проблемы территориального размежевания, которые решаются мирным договором. То, что проблема территориального размежевания не урегулирована теперь уже в российско-японских отношениях, подтверждает её крайнюю сложность.

Как и обещал Хатояма, в 1957 г. он оставил пост главы правительства и ушёл в отставку. Но интерес к отношениям с Советским Союзом не потерял. 29 июня 1957 г. на учредительном съезде Общества «Япония–СССР» он был избран его первым председателем. Общество начало активную деятельность по установлению разносторонних дружеских связей между общественностью двух стран.

Советско-японские отношения после заключения Совместной декларации 1956 года

Расхождения СССР и Японии, а ныне России и Японии, по проблеме мирного договора проистекают во многом из-за принципиально различного восприятия итогов Советско-японской войны на заключительном этапе Второй мировой войны.

Политика Советского Союза в отношении послевоенной Японии диктовалась и определяется ныне победоносным разгромом японских вооруженных сил и бесспорными территориальными приобретениями в соответствии с Ялтинскими соглашениями Союзных Держав. Япония готова была смириться с поражением в тихоокеанской войне, но рассматривала войну СССР против государства, с которым находился пакт о нейтралитете, как «несправедливую акцию», предпринятую в то время, когда японское поражение уже было предопределено. Потому для японцев задача состояла и состоит в том, чтобы не признавать итоги «несправедливой войны», особенно касающиеся потери территорий.

Совместная декларация (по сути – мирный договор, т.к. этот документ урегулировал все послевоенные проблемы, кроме территориальной) способствовала активному развитию советско-японских отношений. Быстро росла торговля, начались контакты в области культуры, политические консультации. Но расчёт советского руководства на то, что с помощью обещания территориальной уступки и поддерживая левые японские оппозиционные движения, выступавшие в конце 1950-х годов против заключения японо-американского военно-политического союза в новой редакции, удастся внести раскол в отношения Токио с Вашингтоном, не оправдался.

Чем очевиднее становилась неудача с попыткой побудить Японию встать на путь нейтралитета, совершив нечто подобное Австрии (а именно эта идея массово транслировалась на японскую общественность советской пропагандистской машиной), тем жёстче становилась позиция Москвы в отношении Токио. Кульминацией явилась серия политических записок, а также одной ноты и одной декларации советского правительства начала 1960 г. в последней отчаянно-раздражённой попытке предотвратить ратификацию подписанного в январе 1960 г. японо-американского договора безопасности.

Первая записка была направлена японскому правительству уже 27 января, т.е. через неделю после подписания договора. В ней утверждалось, что заключение нового военного союза означает потерю Японией независимости и сохранение присутствия иностранных войск на её территории, что делает невозможным для Советского Союза передать ей Хабомаи и Шикотан. Далее сообщалось, что поскольку новый договор безопасности направлен против Советского Союза и КНР, то только после вывода всех иностранных войск с японской территории и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии.

Примечательно, что советская сторона не отказывалась от 9-й статьи Декларации, но выдвигала дополнительное условие её реализации – вывод всех иностранных войск с японской территории. Напомним, что на ранней стадии переговоров о нормализации отношений это условие упоминалось в качестве одного из пунктов советской позиции, но потом было снято.

Японское правительство ответило 5 февраля своим меморандумом, в котором отметило право любого суверенного государства определять свою политику безопасности и подчеркнуло, что пересмотренный договор безопасности не представляет угрозы третьим странам. Далее было сказано, что японо-американский договор безопасности, не ограниченный никаким сроком действия, существовал в период подписания и ратификации Совместной декларации, и в Японии уже находились иностранные войска, и что Советский

Союз не имеет права в одностороннем порядке менять содержание международного документа, ратифицированного высшими органами обеих стран [МИД...].

В меморандуме Япония пошла дальше требования к Советскому Союзу выполнить Совместную декларацию и потребовала возвращения не только Хабомаи и Шикотана, но и «других территорий, принадлежащих Японии на законных основаниях». На этот документ советское правительство ответило 26 февраля обвинениями Японии «в реваншизме», а 22 апреля заявило о том, что считает себя свободным от обязательства передавать Хабомаи и Шикотан и полагает территориальную проблему решённой.

Итак, в результате обмена указанными заявлениями, стал очевиден фактический отказ Советского Союза от статьи 9 Совместной декларации. Этой позиции Советский Союз, а затем и Россия придерживались до избрания на пост Президента России В.В. Путина.

Но следует отметить, что советское руководство в 1972 г. давало достаточно определённо понять японскому правительству о готовности вернуться к реализации статьи 9 Декларации. Об этом сообщил министр иностранных дел Громыко в ходе своего визита в Токио в январе 1972 г. премьер-министру Сато Эйсаку и министру иностранных дел Фукуда Такэо. Имеются на этот счёт свидетельства участников тех переговоров как с советской, так и с японской стороны [Трояновский, с. 287–288]. Таким образом, советская сторона уже тогда фактически дезавуировала свою позицию, изложенную в записках и нотах советского правительства 1960 г.

Более того, в «эпоху перестройки» при М.С. Горбачёве советская сторона фактически признала наличие в советско-японских отношениях территориальной проблемы. Таким образом, был осуществлен отказ и от заявления 1960 г. об отсутствии в двусторонних отношениях территориальной проблемы. После распада Советского Союза российское руководство подтвердило позицию о наличии территориальной проблемы в отношениях Москвы и Токио.

Однако, даже признавая наличие территориальных проблем в двусторонних отношениях, ни советские руководители, включая Горбачёва, ни президент Ельцин не считали, что 9-я статья Совместной декларации сохраняет свою силу. Оба они полагали, что «её время прошло».

Только В.В. Путин после избрания на пост Президента России впервые в ходе своего первого визита в Японию в сентябре 2000 г. стал говорить о том, что Совместная декларация является в двусторонних отношениях единственным ратифицированным законодательными органами двух стран документом и потому юридически обязывающим российскую сторону следовать её выполнению во всём объеме. Вместе с тем он пояснял, что в статье 9 ничего не говорится об условиях передачи Хабомаи и Шикотана Японии, равно как и о содержании мирного договора, и потому предстоит провести соответствующие переговоры.

Если японская сторона до этих заявлений настойчиво добивалась от советской, а затем и российской стороны признания «действенности 9-й статьи декларации», то после указанной позиции В.В. Путина стала настаивать на том, что «принципиальная позиция» Японии состоит в том, что она добивается возвращения не только островов Хабомаи и Шикотан, но и островов Кунашир и Итуруп, причём единовременно. На такой позиции российская сторона не считала возможным договариваться и, хотя в первое и начало второго десятилетия XXI века обе стороны обсуждали и даже вели консультации – переговоры по

мирному договору, они не привели к каким-либо подвижкам в направлении урегулирования территориальной проблемы.

Ситуация радикально изменилась, когда премьер-министр Абэ Синдзо, реагируя на предложения В.В. Путина на Владивостокском экономическом форуме в сентябре 2018 г., заявил на встрече с ним в Сингапуре 14 ноября 2018 г. о готовности вести переговоры о заключении между Японией и Россией мирного договора на «основе территориальной статьи» Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. Такое заявление, по сути дела, означало, что японская сторона впервые за более чем 60 лет не ставит задачу требовать «возвращения островов Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан», а готова ограничиться возвращением двух последних.

В результате в январе 2019 г. начались переговоры о заключении мирного договора между Россией и Японией. Однако в переговорном процессе уже на первом этапе возникли серьёзные сложности. Как представляется, они связаны с различным видением сторонами содержания договора. Если японская сторона исходила из того, что главное в договоре – фиксация договорённости о принадлежности островов и проведение согласованной линии границы, то российская сторона имела в виду, что договор будет наполнен разносторонним содержанием, решит ряд важных для Москвы проблем – признание Японией законности российского владения Курильскими островами, гарантии ненаправленности японо-американского военно-политического союза против российских интересов, широкое развитие двусторонних связей, осуществление мер доверия в военной сфере и т.д. Следовательно, предполагалось, что мирный договор в соответствии со своим названием заложит основы для формирования кардинально новых российско-японских отношений.

Более того, ещё до начала переговоров в Японии, но в большей степени в России, развернулось довольно широкое движение общественности против разрешения территориальной проблемы на основе соответствующей статьи Декларации 1956 г. Если первоначально высказывались прогнозы о возможности выйти на заключение мирного договора уже в 2019 г., то в настоящее время они не рассматриваются как реалистичные. Судя по всему, предстоит длительный, напряжённый переговорный марафон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асахи Симбун. 13.08.1956.

В связи с 50-летием со дня подписания Сан-Францисского мирного договора // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.09.2001. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUqsVU9NDU/content/id/574038 (дата обращения: 05.05.2019).

Коно Итиро. Нихон но сёрай : [Будущее Японии]. Токио: Кобунся, 1965. (На яп.)

Максименков Леонид. Чрезвычайные церемонии. Как Никита Хрущёв не попал на переговоры с японцами // Огонёк. 28.01.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3859855> (дата обращения: 05.05.2019).

Мацумото Сюньити. Мосукува ни какэру нидзи. Ниссо кокко кайфуку хироку : [Радуга из Москвы. Неофициальные записи о восстановлении японо-советских отношений]. Токио: Асахи симбунся, 1966. (На яп.)

Мацумото Сюнъити. Ниссо кокко кайфуку хироку. Хоппо рёдо косё-но синдзицу : [Неофициальные записки о восстановлении японо-советских отношений. Правда о переговорах про «северные территории»]. Токио: Асахи симбун сёппан, 2019. (На яп., дополненное издание 1966 г.). С. 156–161. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138930&p=95> (дата обращения: 05.05.2019).

Мацумото Сюнъити. Ниссо кокко кайфуку хироку. Хоппо рёдо косё-но синдзицу : [Неофициальные записки о восстановлении японо-советских отношений. Правда о переговорах про «северные территории»]. Токио, 2019. (На яп. яз., дополненное издание 1966 г.). С. 156–161.

МИД. Сборник основных документов по вопросам советско-японских отношений (1954–1972). Министерство иностранных дел СССР. Москва, 1973.

Накасонэ Ясухиро. Политика и жизнь. Мои мемуары. М.: Прогресс, 1999.

Панов А.Н. Клан Хатояма. Портрет семьи на фоне истории Японии. М.: Олма Медиа Групп, 2010.

Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблемы северных территорий. М.: Новина, 1996.

Соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан: Как готовилась советско-японская декларация 1956 года // Старая площадь: Вестник архивов Президента Российской Федерации. 1996, № 6.

Тихвинский С.Л. Россия – Япония: обречены на добрососедство. М.: Памятники исторической мысли, 1996.

Трояновский Олег. Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997.

Хатояма Итиро. Хатояма Итиро кайкороку : [Воспоминания Хатояма Итиро]. Токио: Бунгэй сёндзю синся, 1957.

Хрущев Н.С. Время, Люди, Власть (воспоминания). Книга 1, часть II. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138930&p=95> (дата обращения: 05.05.2019).

Hara Kimie. Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945, Routledge, London and New York, 1998.

Hasegawa Tsuyoshi. The Northern Territories dispute and Russo-Japanese relations. Vol. 1, Between War and Peace, 1697–1985. Berkeley: University of California International and Area Studies, 1998.

New York Times. 23 January 1946.

Roznan Gilbert (ed.) Japan and Russia. The Tortuous Path to Normalization 1949–1959. N.-Y., Macmillan. 2000.

U.S. Department of State. Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan: Record of Proceedings, Washington, D.C., 1951.

US Department of State, FRUS (Yalta), vol. 6. p. 692.

US Department of State, FRUS, 1950, vol. 6. pp.1293–96.

US Department of State, FRUS, 1951, vol. 6, pt.1

US Department of State, FRUS, 1955–1957, vol. 23, pt.1. p. 28–29.

US Department of State, FRUS, 1955–1957, vol. 28, pt.1. p. 20, 21–22.

Yoshida Shigeru. The Yoshida Memoires. The Story of Japan in Crisis. Boston, Houghton Mifflin, 1962.

REFERENCES

- Asahi Shimbun. 13 August 1956.
- Hara, Kimie. (1998). *Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945*, Routledge, London and New York.
- Hasegawa Tsuyoshi (2000). The Northern Territories dispute and Russo-Japanese relations. Vol. 1. Between war and peace. 1967–1985. *Journal of Japanese Studies*, 26(1): 270-274.
- Hatoyama, Ichiro (1957). *Hatoyama Ichiro kaikoroku* [Memoirs of Hatoyama Ichiro], Tokyo, Bungei shunju shinsha. (In Japanese).
- Khrushchev, N.S. (1999). *Vremya, Lyudi, Vlast' (vospominaniya)*. Kniga 1, chast' II. [Time. People. Power (Memories)], URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138930&p=95> (accessed: 5 May 2019). (In Russian).
- Maksimenkov, Leonid. (2019). Chrezvychaynyye tseremonii. Kak Nikita Khrushchev ne popal na peregovory s yaponsam [How Nikita Khrushchov failed to join the talks with Japan], *Ogonyok*, 28.01.2019, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3859855> (accessed: 5 May 2019) (In Russian).
- Matsumoto, Shunichi (1966). *Mosukuwa ni kakaru niji* [Rainbow from Moscow], Tokyo. (In Japanese).
- Nakasone, Yasuhiro (1994). *Politika i zhizn'. Moi memuary* [Policy and Life. My Memoirs], Moscow: Progress. (In Russian).
- New York Times, 28 January 1946.
- Panov, A.N. (2000). *Klan Khatoyama. Portret sem'i na fone istorii Yaponii* [Hatoyama Clan. The portrait of the family on the background of the history of Japan], Moscow: Olma Media Grupp, 2000. (In Russian).
- Rosnan, Gilbert (Ed.) (2000). *Japan and Russia. A Tortuous Path to Normalization 1949–1959*, N-Y., Macmillan.
- Sbornik osnovnykh dokumentov po voprosam sovetsko-yaponskikh otnosheniy (1954-1972) [Collection of main documents on Russo-Japanese relations] (1973). Moscow: Ministerstvo inostrannykh del SSSR. (In Russian).
- Slavinsky, B.N. (1996). *Yaltinskaya konferentsiya i problemy severnykh territoriy* [Yalta conference and the problem of Northern territories], Moscow: Novina. (In Russian).
- Tikhvinskii, S.L. (1996). *Rossiya – Yaponiya: obrecheny na dobrososedstvo* [Russia-Japan: doomed to neighbourliness], Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russian).
- Troyanovskiy O. (1997). *Herez gody i rasstoyaniya* [Many years after and a long distance away], Moscow: Vagrius.
- U.S. Department of State (1951). *Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan: Record of Proceedings*, Washington, D.C.
- US Department of State, FRUS (Yalta), vol. 6. pp.692.
- US Department of State, FRUS, 1950, vol. 6. pp.1293-96.
- US Department of State, FRUS, 1951, vol. 6, pt.1
- US Department of State, FRUS, 1955-1957, vol. 23, pt.1. p.28-29.
- US Department of State, FRUS, 1955-1957, vol. 28, pt.1. p.20, 21-22.
- V svyazi s 50-letiyem so dnya podpisaniya San-Frantsisskogo mirnogo dogovora [On the occasion of the 50th anniversary of the San-Francisco Peace Treaty], Ministerstvo inostrannykh del

Rossiyskoy Federatsii. September 4, 2001, URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/574038 (accessed: 5 May 2019). (In Russian).

Yoshida, Shigeru (1962). *The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis*, Boston.

Поступила в редакцию 15.03.2019

Received 15 March 2019

Для цитирования: Панов А.Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. №2. С. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

For citation: Panov A.N. (2019). Sovetsko-yaponskaya Sovmestnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put' k podpisaniyu, nelëgkaya sud'ba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a difficult path to signing, a hard destiny after the ratification], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 63–94. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Японские исследования. 2019. №2. С. 95–108.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 95–108.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

«Абэномика»: смена концепции

В.Г. Швыдко

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, которые за последние годы претерпело видение японским правительством, возглавляемым премьер-министром Абэ Синдзо, содержания и желаемых результатов своей экономической политики, представляемой общественности под брендом «абэномика». Автором рассматриваются основные установки экономического курса, провозглашённого японским кабинетом министров после того, как по итогам парламентских выборов 2012 г. его возглавил нынешний лидер правящей Либерально-демократической партии. Освещаются цели, которые на среднесрочную перспективу поставил перед собой обновлённый состав правительства, и инструменты, с помощью которых планировалось добиться перелома сложившихся ранее тенденций и вдохнуть в экономику страны отсутствовавший в течение двух предшествующих десятилетий динамизм. Описываются результаты, которые были зафиксированы после нескольких лет попыток активно использовать основные положения «абэномики» в деятельности правительства и центрального банка, и возможные причины отсутствия заметного прогресса в достижении изначально поставленных целей.

В статье прослеживается эволюция приоритетов формулируемых кабинетом министров экономических задач, которые постепенно смещались от стимулирования спроса и рефляции к поощрению роста производительности экономики через распространение новых технологий и обеспечение адекватного предложения трудовых ресурсов. Отмечается произошедшая в 2015–2016 гг. переоценка потенциальной эффективности инструментов кредитно-денежной политики как средства поддержки и ускорения экономического роста, а также понимание ограниченности возможностей правительства запустить подъём инвестиционной активности через дополнительные вливания мобилизуемых государством финансовых ресурсов. Логическим следствием стала иная расстановка акцентов как в публичном представлении экономической и социальной политики правительства, так и, в меньшей степени, в его практической деятельности.

Статья анализирует недавние официальные документы целеполагающего характера, в частности ежегодные доклады «Стратегия инвестиций будущего», с точки зрения отражения в них нового видения экономической роли государства, в том числе снижения приоритетности улучшения текущих показателей деловой активности и вменения правительству ответственности за фундаментальные качественные характеристики ресурсной базы экономики. Делается вывод о существенной корректировке направлений активности японского правительства в социальной и деловой сферах, в том числе об отказе от «промышленной политики» в её традиционном понимании, в целях повышения глобальной конкурентоспособности страны и обеспечения условий для долгосрочного устойчивого роста её экономики.

Ключевые слова: Япония, «абэномика», экономическая стратегия, устойчивое развитие, глобальная конкурентоспособность, постинформационное общество.

Автор: Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук; ведущий научный сотрудник, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. E-mail: shvydko@imemo.ru

Abenomics: a change in the concept

V.G. Shvydko

Abstract. The article addresses recent changes in the views of the Japanese government, headed by Prime Minister Abe Shinzo, regarding the content and desired effect of its economic policy, which is presented to the public under the brand of “Abenomics”. The article highlights major points of the economic credo proclaimed by the Japanese cabinet set up by the current leader of the ruling Liberal Democratic party after the Diet lower house elections of late 2012. It presents the mid-term goals set by the new cabinet, as well as the principal macroeconomic tools that would be mobilized by the cabinet to secure their achievement through modifying the tendencies which had solidified during the previous two decades, and to bring fresh stimulus and dynamism to the Japanese economy. The author briefly reviews the results of economic performance following several years of practicing “Abenomics” by the government and monetary authorities and possible explanations for the lack of significant progress in achieving the goals that had been set initially.

The author traces the evolution of the priorities in the economic tasks formulated by Abe cabinets, which have been shifting from stimulating demand and reflation to promoting growth of productivity through dissemination of new technologies and ensuring an adequate supply of labor resources. The article notes the reassessment that took place in 2015–2016 regarding the potential effectiveness of monetary policy instruments as a means of supporting and accelerating economic growth, as well as the awareness of limited potential of additional inputs of public funds through government efforts as a tool for invigorating investment activity in the economy. A change in the points being emphasized, both in the public presentation of the government's economic and social policies and, to a lesser extent, in its realization, was the logical consequence of the reevaluation of effectiveness of the above-mentioned tools.

Recent government documents setting larger goals, in particular the annual “Future Investment Strategy”, are analyzed as a reflection of a new vision of the economic role of the state. The latter includes less concern for current short-term macroeconomic indicators and more responsibility of the government for the fundamental characteristics and quality of the resources laying the foundation for national economic activities. The article concludes that Japanese government policy regarding social and business activities has been seriously adjusted in an effort to raise Japan's global competitiveness and ensure conditions for long-term sustainable growth of its economy. The said adjustment includes abandonment of the traditional ‘industrial policy’ concept.

Keywords: Japan, abenomics, economic strategy, sustainable development, global competitiveness, post-information society.

Author: Shvydko Vitaly G., PhD (Economics), Leading researcher, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Leading researcher, Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: shvydko@imemo.ru

Экономическая политика японского правительства в последнее десятилетие, и особенно в период после прихода на пост премьер-министра его нынешнего обладателя Абэ Синдзо, является популярным объектом многочисленных комментариев и темой, в рамках которой используется довольно много пропагандистских конструкций и ярлыков. Самым массовым среди последних является запущенный ещё в 2013 г. японскими околоправительственными экономистами термин «абэномика» (abonomics).

Впервые появившись в медиа как своего рода журналистский штамп, он постепенно проник и в правительственные документы, а затем и вовсе стал вполне официальным брендом экономической политики главы японского кабинета. Содержание, вкладываемое правительственными экономистами в этот бренд, год от года расширялось, вбирая в себя всё больше различных, в том числе долгосрочных, амбициозных целей и задач, превратившись в итоге в синоним правительственного видения стратегии развития страны. Сегодня «абэномика» включает себя такие весьма далёкие от первоначально заявленных задачи, как внесение содержательных изменений в систему здравоохранения, развитие инновационных транспортных систем, распространение финансовых услуг и платформ на основе новых технологий, внедрение цифровых технологий во всех отраслях и сферах деятельности, создание благоприятной атмосферы для научной и инновационной активности, снижение выброса углеродных соединений в атмосферу и многое другое. При этом столь расширительное толкование этого слова приобрело официальный характер, и именно так оно представляется пиар-службами главы кабинета в правительственных презентациях и других публичных материалах¹.

Более того, с каждым новым документом, разъясняющим видение правительством стратегии социально-экономического развития страны, понятие «абэномики» становится всё более всеядным, а его содержание – весьма размытым и абстрактным, превращаясь из совокупности запланированных административных мер и шагов в своего рода комплексный прогноз желаемого будущего, часто без привязки к конкретным датам и цифрам. При этом грань между объективным развитием ситуации и результатом целенаправленных усилий государственных органов становится столь трудноопределимой, что в принципе любое усложнение и расширение экономической и социальной активности в отмеченных правительственными стратегами направлениях возможно представить как заслугу кабинета министров и его политики.

Однако первоначальная постановка задачи «абэномики» была всё-таки гораздо более ограниченной и касалась, если не исключительно, то преимущественно, ускорения роста ВВП на долгосрочной основе. Фоном для неё были два предшествующих десятилетия стагнации, когда при очевидных качественных изменениях в потреблении и технологическом уровне экономики её количественный рост, измеряемый ВВП и динамикой реальных доходов, почти отсутствовал. Темпы прироста соответствующих показателей в среднем за десятилетие в этот период не дотягивали и до одного процента, а периодические периоды подъёма конъюнктуры, которые иногда длились несколько кварталов подряд, тем не менее не перерастали в быстрый

¹ См., например, [Abenomics].

и устойчивый рост. И если поначалу такое очевидное ухудшение динамики макроэкономических индикаторов особенного беспокойства не вызывало (считалось, что оно является неизбежным следствием происходивших в экономике структурных сдвигов), то к концу первого десятилетия нового века ситуация изменилась.

Утрата Японией статуса крупнейшей азиатской экономики и угроза дальнейшего смещения фокуса активности японских корпораций за пределы страны придали вопросу о темпах роста политическое звучание. Необходимость преодолеть состояние хронической стагнации постепенно начала занимать всё большее место в публичных дебатах и в национальной политической повестке². Соответственно, именно на обещании переломить ситуацию с недопустимо вялой долгосрочной экономической динамикой строился первоначальный вариант программы кабинета Абэ Синдзо образца 2013 г., изложенный им в том же году в ряде интервью и выступлений перед представителями прессы. Часть программы, касавшаяся мер структурного характера, направленных на долгосрочную перестройку японской экономики, была изложена в утвержденном кабинетом министров документе с амбициозным названием «Стратегия возрождения Японии» [Нихон сайко сэнряку].

Несмотря на броские лозунги, широко использовавшиеся в публичном пространстве (это были знаменитые «три стрелы», обозначающие, соответственно, мягкую монетарную политику, активное стимулирование конъюнктуры посредством дополнительных государственных расходов и «структурные реформы»), предложенная программа состояла из привычных для любой развитой рыночной экономики мер стимулирования конъюнктуры со стороны спроса. А именно: во-первых, посредством увеличения денежного предложения через банковскую систему, и, во-вторых, через дополнительные расходы на общественные работы, финансируемые из бюджета. Все остальные меры, попавшие в виртуальную «корзину» экономической политики нового премьера, носили в большей степени психологический характер – они либо не были подкреплены реальными рычагами воздействия, либо могли быть реализованы лишь в длительной перспективе и, соответственно, не могли прямо и быстро сказаться на состоянии деловой конъюнктуры.

Так, меры структурного характера, нацеленные на увеличение предложения (в частности через рост производительности) были прописаны слишком абстрактно и не были подкреплены реальными действиями, способными дать результат в краткосрочной перспективе. Хотя теоретически выражавшаяся правительством решимость через мелкие, но настойчивые институциональные меры и стимулы содействовать мобилизации и оптимизации имеющихся ресурсов могла подтолкнуть бизнес к большей активности, на практике подобные процессы всегда очень инерционны и, если и раскручивают спираль роста, то медленно и очень постепенно.

Что же касается попытки дать толчок росту конкурентоспособности через снижение обменного курса национальной валюты с помощью вербальных и реальных интервенций центрального банка, то воздействие последних на динамику биржевого курса по определению могло быть только краткосрочным. Результатом такого воздействия можно было бы считать ослабление иены в течение 2013–2014 гг., но уже со второй половины 2015 г. оно сменилось на

² См. об этом, в частности, [Стрельцов].

противоположную тенденцию, и за год с небольшим курс вернулся к значениям конца 2013 г. (чуть более 100 иен за доллар США).

Таким образом, если оставить в стороне пиар активность (которой, кстати говоря, С. Абэ уделял и продолжает уделять гораздо больше внимания и сил, чем его предшественники), фактически в первые два года вся «абэномика» сводилась к нескольким пакетам дополнительных расходов на инфраструктурные программы и к мерам по увеличению денежной массы и обеспечению умеренного, но стабильного роста потребительских цен. При этом и то, и другое реально оказалось достаточно ограниченным по масштабам, что контрастировало с первоначальными публичными обещаниями.

Так, дополнительные расходы на инфраструктурные проекты, о которых много говорилось в течение первого года «абэномики», вылились в относительно скромные дополнения к бюджетам 2013–2015 фин. гг. и не приобрели масштабов фактора, который бы рассматривался даже правительственными экономистами как мощный посыл к экономическому росту в целом. Уже с 2014 г. акцент фискальной политики был перенесён на облегчение налогового бремени для частных компаний, в частности на меры, позволяющие снизить эффективную ставку налога на прибыль корпораций.

Что же касается увеличения денежного предложения, то главным его инструментом стал японский аналог политики «количественного смягчения», активно проводившейся после кризиса 2008–2009 гг. Федеральной резервной системой США. Банк Японии (японский центральный банк), который в апреле 2013 г. возглавил Курода Харухико, известный как конфидент С. Абэ, начал осуществлять программу целенаправленного выкупа государственных облигаций у их корпоративных держателей, главными из которых являются частные коммерческие банки. Хотя выкуп гособлигаций на открытом рынке периодически практиковался и до этого времени и, более того, с 2009 г. стал устойчивым и всё более масштабным явлением³, новый глава центрального банка довёл месячные объёмы соответствующих операций до уровня свыше 5 трлн иен, и за полтора года – с середины 2013 г. до конца 2014 г. – вдвое увеличил объём государственных ценных бумаг на балансе Банка Японии, доведя его до 200 трлн иен.

Результатом стал соответствующий рост денежной массы, в основе которого лежало политически мотивированное масштабное увеличение денежной базы, обеспеченное усилиями центрального банка. Денежная экспансия привела к тому, что цена заёмных ресурсов на рынке понизилась, а объём кредитов нефинансовому сектору, выданных коммерческими банками, в 2013–2015 гг. устойчиво рос.

Однако заявленных промежуточных целей этой политики, а именно: 1) преодоления дефляции, которая была характерна для японской экономики с конца 1990-х годов и считалась одним из главных препятствий на пути возобновления её масштабного и устойчивого роста, и 2) заметного увеличения склонности к потреблению и потребительской активности в секторе домашних хозяйств – достигнуть не удавалось.

³ За четыре года – с 2009 по 2013 г. объём правительственных облигаций на балансе центрального банка увеличился приблизительно вдвое.

Так, потребительский спрос в течение всего первого трёхлетнего периода премьерства С. Абэ рос вяло и неустойчиво, а отрицательное воздействие на него повышения с апреля 2014 г. ставки налога на потребление оказалось гораздо более сильным и пролонгированным, чем ожидали правительственные экономисты. Не помогло ускорить рост спроса и принятое кабинетом решение отложить второе из запланированных повышений ставки этого налога (до 10 %) на октябрь 2019 г.

Что же касается роста потребительских цен, то после кратковременного оживления, связанного, в том числе, и с вышеупомянутым повышением налоговой ставки, он уже со второй половины 2014 г. стал замедляться и к середине 2015 г. практически сошёл на нет. В итоге раскрутить спираль положительной динамики (т.н. *virtuous circle*) цен, потребления и доходов субъектов экономики всё же не удалось, несмотря на решительные и бодрые заявления премьер-министра и его экономических советников. Соответственно, оставалась недостигнутой и сформулированная в «Стратегии возрождения Японии» цель вывести темпы экономического роста на уровень выше 2 % ежегодного прироста⁴.

Тем не менее никаких оснований для корректировки своей политики правительственные экономисты не нашли. Новая версия вышеупомянутого целеполагающего документа, утвержденная кабинетом министров в июне 2016 г., расценила реализацию экономического курса японского кабинета в 2013–2015 гг. как успешную [Нихон сайко сэнряку 2016, с. 1]. Правда, конкретные показатели этого успеха, приведённые в документе, имели лишь косвенное отношение к первоначально заявленным целям: в заслугу новому кабинету было поставлено увеличение занятости (более чем на миллион человек за три года) и заявленное улучшение качества управления в частном секторе. Последнее, равно как и предполагаемое повышение производительности труда в экономике, трактовались в документе как результат ослабления регулирующих мер в электроэнергетике, сельском хозяйстве, здравоохранении, в частности в результате шагов в сторону либерализации, на которые правительство согласилось в ходе переговоров в рамках подготовки соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП). Кроме того, документ утверждал, что правительству удалось снизить налоговую нагрузку на частный бизнес и предоставить ему большую свободу в выборе форм и условий найма работников.

Что же касается целей оживления потребительской активности и преодоления дефляции, то убедительных свидетельств их достижения правительство предъявить не смогло, из чего вытекала необходимость продолжения прежней политики стимулирования спроса через бюджетную и кредитно-денежную экспансию.

Действительно, в последующие годы Банк Японии продолжил масштабный выкуп с рынка государственных облигаций в свой инвестиционный портфель, и к середине 2017 г. на его балансе уже находились долгосрочные облигации правительства общей стоимостью свыше 400 трлн иен, что означало удвоение этого объёма за два с половиной года. В результате в распоряжение финансовых институтов, у которых центральный банк приобрел эти

⁴ «Стратегия...» ставила задачу в течение ближайших десяти лет обеспечить темпы прироста ВВП в среднем на 2 % в год в реальном выражении, причём в течение первой половины этого периода они должны были быть выше этого показателя [Нихон сайко сэнряку, с. 2].

обязательства, поступил беспрецедентно крупный объём денежной ликвидности, который должен был стимулировать поиск и кредитование банками потенциальных заёмщиков в небанковском секторе и тем самым опосредованно потянуть вверх цены на товарных рынках.

В этих же целях монетарные власти использовали политику предельно низких процентных ставок, устанавливаемых центральным банком как регулятором финансовых рынков. Поскольку базовая ставка кредитования финансовых институтов Банком Японии ещё с 2008 г. была установлена на очень низком уровне (0,3 %), для усиления давления на финансовые рынки в направлении ещё большего удешевления кредита была использована ставка, применяемая к остаткам на счетах коммерческих банков в центральном банке. Эта ставка после ряда изменений в 2016 г. была установлена Банком Японии на отрицательном уровне, где и продолжает находиться все последние годы⁵. Другой инструмент, который был использован для этих целей – опосредованное регулирование уровней доходности гособлигаций на их вторичном рынке. Объём выкупа гособлигаций с определённого момента стал определяться с учётом его влияния на уровень доходности соответствующих бумаг при текущем уровне котировок. При этом в качестве целевого уровня доходности была выбрана нулевая.

Таким образом, смысл процентной политики центрального банка, как и его политики «количественного смягчения», состоял в том, чтобы «вытолкнуть» максимальное количество банковской ликвидности на рынки корпоративного и потребительского кредитования, спровоцировав в экономике общий рост инвестиционных и потребительских расходов и товарных цен⁶.

В фискальной политике правительства в 2015–2017 гг. не было существенных новаций, в том числе каких-либо новых эффектных пакетов мер, ведущих к масштабным вливаниям в экономику государственных средств. Не было, однако, и общего сокращения расходов в целях сбалансирования бюджета, о чём первоначально (в частности, в 2013–2014 гг.) заявлялось как о стратегической цели на средне- и долгосрочную перспективу. Более того, промежуточная цель достижения состояния бездефицитности консолидированного бюджета без учёта доходов и расходов, связанных с государственными заимствованиями (т.н. первичный баланс), оказалась отодвинутой на пять лет – с 2020 до 2025 фин.г. Бюджетная политика в целом оставалась достаточно мягкой, подчинённой скорее задаче поддержания экономического роста, нежели оздоровлению системы государственных финансов.

Вместе с тем ограниченность потенциала мер, предусмотренных первоначальной версией «абэномики» как политики стимулирования роста через оживление спроса и преодоление инфляции, становилась всё более очевидной. Никакого бума потребительских расходов, равно как и внутренних инвестиций, добиться не удалось именно в силу ограниченности потенциального эффекта кредитно-денежного стимулирования в реальных условиях японской экономики 2010-х годов.

⁵ Речь идёт о ставке, применяемой к определённому кругу остатков на счетах кредитных учреждений в центральном банке (policy-rate account balances).

⁶ Подробнее об этом см. [Швыдко].

Действительно, помимо того что снижение стоимости заимствования не вело автоматически к росту спроса на деньги со стороны небанковских корпораций и населения, возможности дальнейшего снижения их цены оказались фактически исчерпанными в условиях, когда процентные ставки, применяемые финансовыми регуляторами, приблизились к нулевой отметке. В такой ситуации традиционные методы «тонкой настройки» спроса на кредитные ресурсы, описанные в учебниках, оказываются малодейственными⁷.

Более того, низкая стоимость заимствований замедляет селекцию компаний по признаку их эффективности, позволяя проблемным предприятиям подолгу оставаться «на плаву», не имея реальных перспектив роста и развития. При этом отрицательные ставки регулятора ухудшают и без того не лучшее финансовое положение банковского сектора, а нулевая или даже отрицательная доходность гособлигаций разрушает их рынок и в долгосрочной перспективе не выгодна никому, кроме правительства. Как справедливо заметил по этому поводу экономический советник бывшего премьера К. Обути японский экономист К. Юмото, «монетарная политика может помочь выиграть время, но не решает проблемы» [The Japan Times].

При этом политика кредитно-денежной экспансии плоха ещё и тем, что длительное её использование вызывает своего рода привыкание экономических агентов. Они перестают воспринимать положительные стимулы, заложенные в механизмах этой политики, но готовы нежелательным для властей образом реагировать на её прекращение и на принятие каких-либо мер рестрикционного характера. В результате монетарные власти, образно говоря, продолжают давить на упёршуюся в пол педаль газа, боясь при этом переставить ногу на тормоз. Понимая недостижимость целей рефляции (доведения потребительской инфляции до целевого уровня в 2 %) и повышения склонности домохозяйств к потреблению, управляющие Банка Японии годами сохраняют все основные параметры его политики без изменений и отказываются обсуждать необходимость их изменения в ближайшие годы. При этом тот факт, что сохранение устоявшегося курса с финансовой точки зрения выгодно правительству, лишь добавляет сомнений в объективной оправданности столь длительной приверженности Банка Японии линии, заданной много лет назад с подачи нынешнего премьера.

На фоне всего сказанного концепция «абэномики» и её официальная трактовка уже с середины десятилетия начали претерпевать постепенные, но очевидные изменения. Хотя генеральная цель достижения устойчивого долгосрочного роста сохраняется в более или менее неизменном виде, правительство, во-первых, начинает уходить от конкретных количественных «таргетов» в виде темпов роста ВВП, цен, параметров бюджета и т.п. Так, в документах, датируемых 2017–2018 гг., отсутствует цель достижения конкретных темпов прироста ВВП в кратко- и среднесрочной перспективе, а достижение целевого ориентира номинального объёма ВВП в размере 600 трлн иен не определяется конкретным сроком. Неизменным остаётся постулирование задачи окончательного преодоления дефляции, но прежний ориентир в виде 2 %-ной инфляции упоминается всё реже и без привязки к временным горизонтам. Прежняя

⁷ На это указывает, в частности, Пол Кругман в своей статье, посвящённой экономике Японии [Кругман, с. 178].

цель достижения нулевого первичного дефицита бюджета отнесена далеко за пределы ожидаемого срока окончания премьерства С. Абэ. Что же касается дополнительных бюджетных расходов, связанных с целями экономической политики, то они более или менее подробно конкретизируются по направлениям, но не по срокам и суммам.

Во-вторых (и это даже важнее), при изложении содержания будущей политики акцент переносится на меры, нацеленные на укрепление потенциала производителя – условно говоря, с «экономики спроса» на «экономику предложения». В центр официальных документов, позиционируемых как изложение экономической и социальной стратегии правительства, ставятся такие категории, как производительность, конкурентоспособность, инвестиции и инновации, качество ресурсной базы и обеспеченность ею. Вместо стимулирования спроса на производимые товары и услуги внимание правительства переключается на меры повышения качества производственных ресурсов – человеческих, интеллектуальных и организационных, включая качество управления, а также на стимулирование увеличения их предложения. Речь, в частности, идёт о поощрении экономической активности определённых половозрастных групп трудоспособного населения, повышения и качества образования, и профессиональной подготовки, расширении доступа к информации, более эффективной защите интеллектуальной собственности и т.д.

При этом временной горизонт политики увеличивается – речь начинает идти о мерах, положительный эффект которых должен проявиться через длительное время – через 5–10 лет или даже на ещё более далёких горизонтах. С одной стороны, это требует обоснования необходимости этих мер более серьёзными выкладками и аргументированными прогнозами. С другой – в значительной степени снимает с правительства ответственность за отсутствие видимых результатов в форме улучшения параметров роста в актуальном краткосрочном режиме. Последнее предоставляет правительству значительную свободу в выборе приоритетов и постулировании целей, которые всё больше приобретают общий характер, тем самым выводя правительство из зоны возможной критики и обвинений в неэффективности.

В-третьих (и это, пожалуй, самое главное), нынешний кабинет в своей экономической философии и практике дальше всех своих предшественников уходит от дирижистского подхода к управлению экономикой, характерного для всего периода развития Японии после Второй мировой войны. И хотя этот поворот не всегда формулируется в чёткой и однозначной форме, при внимательном прочтении правительственных установок перемены выглядят существенными и однозначными.

С одной стороны, С. Абэ и возглавляемые им кабинеты министров порвали с традицией так называемой промышленной политики, когда правительство выделяло приоритетные сектора хозяйства и теми или иными средствами, набор которых с течением времени менялся, стремилось обеспечить более интенсивный приток ресурсов – финансовых, человеческих и организационных – в обозначенные сферы. В документах последнего времени правительство избегает называть конкретные производственные отрасли или сектора, которые имели бы статус приоритетных для его экономической политики и получали бы какие-либо административные преимущества перед другими. Вместо этого называются наиболее перспективные, с точки зрения экспертов, направления инноваций, которые, как ожидается, будут оказывать

наибольшее влияние на конкурентоспособность японских компаний на международных и внутренних рынках. Большая часть этих направлений привязана к технологическим или социальным маркерам и имеет скорее функциональный, нежели отраслевой характер.

С другой стороны, в отношении этих направлений правительство ограничивается заверениями во всемерной поддержке усилий частного сектора и профильных общественных корпораций, не ставя количественных целей по перемещению на эти направления имеющихся в распоряжении правительства финансовых и иных ресурсов. Финансирование конкретных программ или проектов, имеющих отношение к перспективным направлениям инновационного развития, осуществляется на уровне отдельных ведомств. При этом его формы и размер определяются в оперативном режиме в рамках бюджетного процесса и не принимают форму политических мегапроектов с отдельными крупномасштабными бюджетами.

Характерным примером нового подхода к экономической стратегии, подаваемого японским правительством как актуальное прочтение концепции «абэномики», является так называемая Стратегия инвестиций будущего – документ, который с 2017 г. пришёл на смену «Стратегии возрождения Японии» в качестве ежегодно обновляемого манифеста, формулирующего видение кабинетом средне- и долгосрочного будущего страны и тем самым определяющего контекст, в котором следует рассматривать конкретные шаги и инициативы правительства и его премьера.

К настоящему времени опубликованы два соответствующих ежегодных доклада с таким названием – варианты 2017 и 2018 г. Первый из них [Мирай тоси сэнряку 2017] имеет подзаголовок: «Реформы для реализации концепции «общества 5.0»», второй [Мирай тоси сэнряку 2018] – «Перемены в направлении “общества 5.0” – общества, основанного на использовании [информационных] данных». При некоторых нюансах в деталях, заявленный в них подход сводится к тому, что общество в Японии претерпевает глубокую трансформацию, связанную с принципиально иной ролью, которую в нём играют и будут играть технологии, основанные на использовании огромных и быстро растущих объёмов данных. Эта трансформация затронет все стороны жизни и будет продолжаться несколько десятилетий, формируя новый уклад экономики («общество 5.0»), отличающийся и от промышленного («общество 3.0»), и от информационного («общество 4.0»).

С точки зрения авторов, перемены, вносимые этим процессом в жизнь общества, настолько велики, что требуют коренным образом изменить методы и вектор правительственной политики, переориентировав её с привычного дирижирования фазами деловой конъюнктуры на фронтальное содействие со стороны правительства и государства происходящим в обществе структурным переменам безотносительно к его влиянию на текущее состояние тех или иных макроэкономических индикаторов.

Признавая, что четыре предшествующих года не изменили коренным образом ситуации в экономике для частного сектора, а именно: не создали нового мощного источника спроса и, несмотря на усилия правительства, существенно не ускорили рост производительности, документ 2017 г. делает фундаментальный вывод следующего содержания. Для того чтобы преодолеть затянувшуюся стагнацию и решить задачу обеспечения устойчивого роста в средне- и долгосрочной перспективе, Японии необходимо реализовать концепцию постинформационного

общества («общество нового поколения», «общество 5.0»), основанного на использовании достижений «четвёртой промышленной революции» (это, главным образом, «интернет вещей», анализ больших данных, искусственный интеллект, робототехника) во всех отраслях экономики и общественной жизни. Другими словами, путь к устойчивому росту и развитию в этом новом его понимании пролегает не через использование традиционных инструментов стимулирования потребительского и инвестиционного спроса, а через изменения в количестве, качестве и природе экономических ресурсов, которыми располагает общество, и в структуре взаимодействия между их видами.

Для этого в свою очередь признаётся необходимым целенаправленными усилиями содействовать взаимопроникновению, взаимодействию и взаимному стимулированию активности в разных отраслях и сферах общественной жизни. Примерами таких усилий документы называют, в частности, обеспечение совместимости и объединение в интегрированные системы применяемого программного и аппаратного обеспечения; формирование объединённых баз данных; облегчение режима использования и доступа к крупным базам данным со стороны агентов экономики, действующих в самых различных сферах; поощрение исследований и инноваций в соответствующих областях, включая облегчение установления контактов и связей между бизнесом и академическим сообществом, а также между бизнесом и независимыми исследовательскими организациями.

Именно эти усилия, по мнению правительственных стратегов, помогут создать систему, позволяющую «оптимизировать экономическую активность и увеличить производимую добавленную стоимость, создать наполненное жизненной силой общество-экономику. <...> Если же реакция на инновации “четвёртой промышленной революции” запоздает, а в проведении смелых реформ будет проявлена нерешительность, мы рискуем оказаться в роли субподрядчиков ведущих мировых корпораций с сопутствующей эрозией среднего класса» [Мирай тоси сэнряку 2017, с. 2].

Учитывая условия и потенциальные преимущества Японии в контексте мировой экономики, авторы стратегии предлагают вместо прежнего подхода, основанного на отраслевых приоритетах, сосредоточить организационные и финансовые усилия правительства на пяти направлениях, которые, с их точки зрения, могут стать двигателем развития японской экономики в средне- и долгосрочной перспективе. К ним они отнесли:

- 1) Повышение продолжительности активной и здоровой жизни.
- 2) Инновации, повышающие мобильность населения.
- 3) Создание систем дистрибуции нового поколения.
- 4) Инновации в сфере инфраструктуры и урбанистики.
- 5) Новые финансовые технологии.

Несмотря на то, что новые приоритеты экономической политики сформулированы весьма обтекаемо и могут быть различно интерпретированы при попытке их конкретизации, вышеизложенный подход к экономической стратегии, безусловно, представляет собой принципиальный разворот по сравнению со всем, что говорилось (и, в значительной степени, практиковалось) в течение предшествующих десятилетий. Если отвлечься от замысловатых форм, в которые облечён новый подход в его официальной подаче, и попытаться выделить его

суть, то последняя заключается в том, что правительство отказывается от краткосрочных индикаторов успеха экономической политики и сосредоточивает своё внимание на институциональных «реформах», призванных повысить конкурентоспособность японской экономики и, как следствие, японского общества в глобальном контексте.

Кавычки, в которые помещено здесь слово «реформы», употреблены не случайно: хотя в оригинальном тексте документов оно употребляется часто и сознательно, при внимательном чтении становится очевидным, что речь идёт не столько о реформах, сколько о сравнительно небольших изменениях в регулятивных документах и в практике их применения, призванных служить своего рода сигналом для экономических акторов. При этом именно от последних ожидаются решающие усилия, которые предположительно обеспечат повышение производительности и глобальной конкурентоспособности японской экономики.

Этот подход нашёл своё воплощение не только в «Стратегиях...», которые по своему жанру относятся к документам общего характера, но и в более «приземлённом» документе, позиционируемом как своего рода дорожная карта нового этапа «абэномики» – в так называемом Новом пакете мер экономической политики, принятом решением кабинета в декабре 2017 г. [Атарасии кэйдзай сэйсаку паккедзи], где выдержана та же тональность.

Хотя текст и содержит упоминание конкретных мер, запланированных к реализации на 2018–2020 фин.гг., значительная их часть имеет лишь опосредованное отношение к экономической политике в её привычном понимании. Это, например, дополнительное покрытие расходов на образовательные программы в дошкольных учреждениях и в высшей школе для низкодходных групп населения; повышение заработной платы социальным работникам, занятым уходом за престарелыми и инвалидами, и облегчение получения долгосрочных виз иностранными гражданами, работающими в этой сфере. Это поддержка использования цифровых и информационных технологий в малом и среднем бизнесе, оказание ему консультативной и организационной помощи, внесение изменений в регулирование субконтрактных отношений. Это обещание образовательной, информационной и рекламной поддержки регионального бизнеса в интересах повышения его эффективности и динамизма и проч.

Те же моменты, которые прямо касаются собственно экономической политики (изменение налоговых ставок и допустимых изъятий из базы налогообложения бизнеса, создание инвестиционных фондов и фондов поддержки кредитования мелкого и среднего регионального бизнеса с использованием государственных средств и т.п.), сформулированы в документе в сравнительно общем виде и представляют собой скорее декларацию намерений, чем конкретные обязательства.

Тем не менее генеральная линия на отказ от идеологии и методов дирижизма и селективной поддержки лидеров делового сообщества (что было характерно для Японии во второй половине прошлого века), в пользу общей поддержки самостоятельных усилий бизнеса для повышения производительности, увеличения количества и повышения качества субъектов экономической деятельности прописана в документе достаточно ясно. Не будет преувеличением сказать, что именно в этом и заключается новое понимание экономической роли государства как суть концепции «абэномики» в её нынешнем виде.

Результатом такой поддержки в количественном выражении, согласно правительственной версии, должны стать рост к 2020 фин.г. годового объёма инвестиций на 10 % по отношению к результатам 2016 фин.г.; рост заработной платы не менее чем на 3 % в год и повышение темпов прироста производительности до 2 % в год, что более чем вдвое превышает результаты первой половины 2010-х годов [Атарасии кэйдзай сэйсаку паккедзи, с. 16]. Кроме того, несмотря на неблагоприятные демографические тренды (последствия падения рождаемости в предшествующий период и «старение» возрастной структуры населения), правительство ожидает продолжения роста занятости в экономике и повышения адаптивности населения к меняющимся требованиям в области трудовых ресурсов.

Насколько эффективными окажутся усилия правительства в обозначенном в недавних стратегических документах направлении и оправданы ли его оптимистические прогнозы в меняющейся глобальной ситуации, покажут уже ближайшие годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Атарасии кэйдзай сэйсаку паккедзи : [Новый пакет мер экономической политики]. URL: http://www5.cao.go.jp/keizai1/package/20171208_package.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

Кругман П. Японская ловушка // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 1. С. 177–194.

Мирай тоси сэнряку 2017—Society 5.0-но дзицугэн-ни мукэта кайкаку : [Стратегия инвестиций будущего 2017. Реформы для реализации концепции «общества 5.0»] URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2017.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

Мирай тоси сэнряку 2018—Society 5.0 Дэта кудогата сякай-э- но хэнкаку : [Стратегия инвестиций будущего 2018. Перемены в направлении «общества 5.0» – общества, основанного на использовании данных]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2018_zentai.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

Нихон сайко сэнряку – JAPAN is BACK: [Стратегия возрождения Японии]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/saikou_jpn.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

Нихон сайко сэнряку 2016. Дайёндзи сангё какумэй-ни мукэтэ : [Стратегия возрождения Японии 2016. К четвёртой промышленной революции] URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/zentaihombun_160602.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

Стрельцов Д.В. Попадут ли «стрелы» «Абэномики» в цель? // Азия и Африка сегодня. М., 2014. №3. С. 9–14; №4. С. 2–5.

Швыдко В.Г. Япония: текущий опыт преодоления дефляции // Экономика и бизнес: теория и практика. №11-2, ноябрь 2018 г. С. 143–149. DOI: 10.24411/2411-0450-2018-10172

Abenomics. For future growth, for future generations and a future Japan. Prime Minister's Office Homepage. URL: <https://www.japan.go.jp/abenomics> (дата обращения: 20.03.2019).

The Japan Times. 06.02.2019. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2019/02/06/business/financial-markets/dissecting-bank-japans-zero-rate-policy-20-years/> (дата обращения: 20.03.2019).

REFERENCES

- Abenomics. For future growth, for future generations and a future Japan. Prime Minister's Office Homepage, URL: <https://www.japan.go.jp/abenomics> (accessed: 20 March 2019).
- Atarashii Keizai Seisaku Pakkeji [New Economic Policy Package]. Japan Cabinet Office Homepage, 08.12.2017, URL: http://www5.cao.go.jp/keizai1/package/20171208_package.pdf (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).
- Krugman P. (2015). Yaponskaya lovushka [Japanese Trap], *Ekonomicheskaya politika*, 10(1): 177–194. (In Russian).
- Mirai Tousei Senryaku 2017—Society 5.0 no Jitsugen ni muketa Kaikaku [Future Investment Strategy 2017. Reforms for Realization of Society 5.0]. Prime Minister's Office Homepage, 09.06.2017, URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2017.pdf> (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).
- Mirai Tousei Senryaku 2018—Society 5.0. Deta kudou gata Shakai he no Henkaku [Future Investment Strategy 2018. Change towards Society 5.0 — Society Driven by Data]. Prime Minister's Office Homepage, 15.06.2018, URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2018_zentai.pdf (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).
- Nihon Saikou Senryaku 2016. Daiyonji Sangyou Kakumei ni mukete [The Strategy of Japan's Revitalization. Towards Fourth Industrial Revolution] Prime Minister's Office Homepage, 02.06.2016, URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/zentaihombun_160602.pdf (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).
- Nihon Saikou Senryaku – JAPAN is BACK [The Strategy of Japan's Revitalization]. Prime Minister's Office Homepage, 14.06.2013, URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/saikou_jpn.pdf (accessed: 20 March 2019). (In Japanese).
- Shvydko, V. (2018). Yaponiya: tekushchiy opyt preodoleniya deflyatsii [Japan: Current Experience of Defeating Deflation], *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 11-2: 143–149. (In Russian). DOI: 10.24411/2411-0450-2018-10172
- Streletsov D. (2014). Popadut li «strely» «Abenomiki» v tsel'? [Will the Arrows of “Abenomics” Hit the Target?], *Aziya i Afrika segodnya*, 3: 9–14; 4: 2–5. (In Russian).
- The Japan Times. 06.02.2019. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2019/02/06/business/financial-markets/dissecting-bank-japans-zero-rate-policy-20-years/> (accessed: 20 March 2019).

Поступила в редакцию 25.03.2019

Received 25 March 2019

Для цитирования: Швыдко В.Г. «Абэномика»: смена концепции // Японские исследования. 2019. №2. С. 95–108. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

For citation: Shvydko V.G. (2019). “Abenomika”: smena kontseptsii [“Abenomics”: a change in the concept], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 2: 95–108. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10013

Японские исследования. 2019. №2. С. 109–126.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 109–126.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10014

Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны*

В.Г. Дацышен, А.А. Ипеева

Аннотация. Работа посвящена истории советско-японских отношений накануне и в начале Второй мировой войны. В статье рассматриваются проблемы японского присутствия на Дальнем Востоке России. Достигнув своего пика в годы Гражданской войны и иностранной интервенции в России, японское присутствие с 1922 г. неуклонно снижалось. Выявленные в дальневосточных архивах документы подтверждают озвученные российскими историками тезисы о выезде японцев из СССР в 1920-х – 1930-х годах, сворачивании их хозяйственной деятельности и закрытии японских консульских учреждений (в Новосибирске, Одессе и др.). Период межвоенного времени характеризуется постепенным ростом советско-японских противоречий, в значительной мере определивших вхождение двух государств в противостоящие военно-политические блоки. А репрессии конца 1930-х годов и советско-японские военные конфликты имели своим следствием почти полное исчезновение японских мигрантов в СССР. В отечественной историографии исследователи указывают на постепенное, поэтапное исчезновение японских мигрантов в СССР с середины 1920-х по 1937 г. Однако японцы на территории СССР накануне и в начале Второй мировой войны всё-таки присутствовали. В начале 1940-х годов на Дальнем Востоке СССР действовали консульские учреждения Японии и Маньчжоу-го, японцы работали на угольных, нефтяных и рыболовных концессиях (т.к. советская власть столкнулась с нехваткой рабочих рук на рыбопромышленных предприятиях), отдельные японцы проживали во Владивостоке и других советских городах или, будучи осуждёнными, находились в местах заключения, также некоторые японцы из рядов инженеров и преподавателей были официально приглашены для работы в СССР в 1920-е годы. Но вопросы японского присутствия на Дальнем Востоке России в начале Второй мировой войны не получили освещения в отечественной историографии. Выявленные документы позволили восстановить историческую картину освобождения арестованных в начале Второй мировой войны в советских водах японских моряков. В результате исследования восстановятся забытые страницы истории японцев в России.

Ключевые слова: советско-японские отношения, концессии, японцы в России, Владивосток.

Авторы:

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Сибирский федеральный университет; профессор Хэбэйского педагогического университета; профессор Красноярского государственного педагогического университета. ORCID: 0000-0001-6471-8327. E-mail: dazishen@mail.ru

Ипеева Анастасия Александровна, ассистент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет. E-mail: didifgora@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017) в Институте востоковедения РАН.

Japanese presence in the Far East of Russia on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War^{**}

V.G. Datsyshen, A.A. Ipeeva

Abstract. The work is devoted to the history of Soviet-Japanese relations before and at the beginning of the Second World War. The article explores the problems of the Japanese presence in the far East of Russia. Having reached its peak during the Civil War and foreign intervention in Russia, the Japanese presence has been steadily declining since 1922. The documents revealed in the Far Eastern archives confirm the theses about the departure of the Japanese from the USSR in the 1920s–1930s voiced by Russian historians, the curtailment of their economic activities and the closure of Japanese consular offices (Novosibirsk, Odessa, etc.). The interwar period is characterized by the gradual growth of the Soviet-Japanese contradictions, which largely determined the entry of the two states into the opposing military-political blocs. And the repressions of the late 1930s and the Soviet-Japanese military conflicts resulted in the almost complete disappearance of Japanese migrants in the USSR. In Russian historiography, researchers point to the gradual disappearance of Japanese migrants in the USSR from the mid-1920s to 1937. However, the Japanese were still present in the territory of the USSR on the eve and at the beginning of the Second World War. In the early 1940s, in the Far East of the USSR, there were consular offices of Japan and Manchukuo, the Japanese worked in coal, oil, and fishing concessions, some Japanese lived in Vladivostok and other Soviet cities or, being convicted, were in prison. Some Japanese engineers and teachers were officially invited to work in the USSR in the 1920s. Still, the issues of Japanese presence in the Far East of Russia at the beginning of the Second World War have not been covered in Russian historiography. Discovered documents allowed to restore the historical picture of the release of the Japanese sailors arrested at the beginning of the Second World War in Soviet waters. The study will restore the forgotten pages of the history of the Japanese in Russia.

Keywords: Soviet-Japanese relations, concessions, the Japanese in Russia, Vladivostok.

Authors:

Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor and Chair, Department of general history, Institute of the Humanities, Siberian Federal University, Krasnoyarsk city, Russia; Professor Hebei Normal University, CPR; Professor Krasnoyarsk State Pedagogical University. ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

Ipeeva Anastasiia A., Assistant of the Department of general history, Institute of the Humanities, Siberian Federal University, Krasnoyarsk city. E-mail: didifgora@mail.ru

Вторая мировая война стала важнейшим событием в истории русско-японских отношений. Возникшие в ходе этой войны проблемы и противоречия до сих пор вызывают различные толкования и споры. Последствия этой войны препятствуют полноценному развитию двусторонних отношений и в настоящее время. Политические и идеологические споры затрудняют восстановление исторической картины советско-японских взаимоотношений в противоречивое время начала 1940-х годов.

Одной из самых интересных страниц истории двусторонних отношений было развитие японского присутствия на Дальнем Востоке России. Завершение Первой мировой войны

^{**} This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017) and done in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

в 1918 г. не обеспечило мира на просторах Евразии. С первых же послевоенных лет шло вызревание противоречий и развитие конфликтов, приведших к новой мировой войне.

Межвоенное время характеризуется постепенным ростом советско-японских противоречий, в значительной мере определивших вхождение двух государств в противостоящие военно-политические блоки. Важным фактором двусторонних отношений кануна и начала Второй мировой войны было японское присутствие на Дальнем Востоке России.

Большинство исследований по теме японского присутствия на Дальнем Востоке России посвящено периоду Второй мировой войны и послевоенному времени, когда проблема японских военнопленных играла огромную роль в развитии двусторонних отношений во второй половине XX века. Что касается японского присутствия в межвоенный период, то обычно исследователи указывают на постепенное, поэтапное исчезновение японских мигрантов в СССР с середины 1920-х по 1937 г. Однако вопросы японского присутствия на Дальнем Востоке России в начале Второй мировой войны не получили освещения в отечественной историографии. Данная тема нашла отражение в трудах японских исследователей. Например, в диссертационном исследовании А. Такамура, посвящённом истории японской эмиграции, которое заканчивается утверждением: «В августе 1936 г. Япония и Германия начали переговоры о заключении антикоминтерновского пакта, и ГПУ были арестованы 8 японцев, включая буддийского священника. В июне 1937 г. всех японцев, кроме дипломатов, вынуждали возвратиться на родину» [Такамура, 2007, с. 18].

В отечественной науке и общественном мнении сложилось представление о полном исчезновении японцев накануне войны даже во Владивостоке. В качестве примера можно привести следующее утверждение: «В июне 1937 года произошло несколько боёв японских и советских войск в районе пограничного озера Ханка и на Амуре. В том же месяце Владивосток покинуло 11 последних японских семей и был закрыт единственный в городе буддийский храм. Его настоятеля Тоидзуми Кэнрю обвинили в спекуляции серебряными монетами и арестовали. В сентябре 1939 года, отсидев срок в советской тюрьме, этот японский монах вернулся на родину – он был последним подданным Страны восходящего солнца, завершившим историю японской диаспоры на Дальнем Востоке России» [Зачистка Дальнего Востока от азиатов].

Сохранившиеся документы указывают на то, что в начале Второй мировой войны японское присутствие на Советском Дальнем Востоке было значительным, и оно не исчезло даже во Владивостоке. Этим и был обусловлен выбор данной темы исследования.

Прежде всего отметим, что пик японского присутствия в России пришёлся на время японской военной интервенции во время Гражданской войны в России. В 1921 г. было зафиксировано следующее число японцев: Владивосток – 2415 м., 1946 ж., дв. 1250; Раздольное – 92 м., 37 ж., дв. 100; Шкотово – 65 м., 100 ж., 80 дв.; Новая речка – 255 м. и ж., 16 дв. [ГАЗК. Ф.Р-96. Оп.2. Д.93. Л.3].

Подавляющее большинство проживавших в начале XX века на территории Дальнего Востока России японцев выехали на родину во время вывода японских войск в 1922 г., после проведения двух русско-японских конференций в Дайрене и Чанчуне.

В 1920-х годах имела место противоречивая ситуация с японским присутствием в СССР. Численность выезжавших на рыбные промыслы в Россию из Японии рабочих неуклонно снижалось, начиная с 1922 г. В 1922 г. выехало 21 772 японца и 2100 иностранцев, в 1923 г. –

19 647 японцев и 3200 иностранцев, в 1924 г. 17 219 японцев и 2700 иностранцев [Торгово-промышленный бюллетень Дальнего Востока. № 3. 1926. 15 мая].

В январе 1923 г. владивостокская газета сообщала: «9 января на пароходе «Хозан-Мару»¹ прибыли из Японии во Владивосток представители «Общества японских рыбопромышленников в водах русского Дальнего Востока, – С. Накамура и его помощник И. Акимото» [Голос Родины. 1923. 13 января]. После долгих переговоров на различных уровнях в апреле 1924 г. японские арендаторы признали свои долги и вновь приняли участие в торгах, получив в эксплуатацию 234 морских рыболовных и 14 краболовных участков, заплатив арендную плату в размере 12,7 млн руб. золотом.

20 января 1925 г. в Пекине послом Л.М. Караханом и японским посланником К. Ёсидзава была подписана «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». 1 апреля 1926 г. Политбюро утвердило протокол о японской иммиграции на Дальнем Востоке: «Разрешить, но осторожно» [ВКП(б), Коминтерн и Япония, 2001, с. 33].

Основанием для сохранения значительной японской миграции на российских территориях стали японские концессии и дефицит русских рабочих рук на советских рыбопромышленных предприятиях. В 1925, 1928 и 1932 г. подписывались рыболовные конвенции между двумя странами. Японские подданные получили право ловить, собирать и обрабатывать рыбу и водные продукты, кроме котиков и морских бобров, вдоль советского побережья Японского, Охотского и Берингова морей, приобретая на равных правах с гражданами СССР в аренду с публичных торгов определённые рыболовные участки. Торги должны были происходить ежегодно в феврале во Владивостоке. Японские промышленники получали также право использовать в пределах арендованных участков территорию побережья для починки судов, обработки рыбы и т.п. К началу 1930-х годов доминирующее положение в конвенционных районах заняла компания «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша». Так, с 1932 г. она стала арендатором 97 % японских рыболовных участков на Камчатке. Оставшиеся 3 % находились в руках двух частных промышленников.

Советский японист О.П. Петрова вспоминала: «Я преподавала русский язык во Владивостоке японским рабочим, законтрактованным на сезонную работу на рыболовческих судах в Советском Союзе. Разговаривая ежедневно по-японски, я приобрела некоторую беглость речи и наивно полагала, что хорошо владею языком» [Петрова, 1996. с. 520].

Японские рабочие приезжали для разовых операций. Например, в 1926 г. было дано разрешение фирме «Сузуки» на ввоз 35 японских рабочих для погрузки леса в бухте Сизими при условии вывоза обратно рабочих тем же пароходом [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1174. Л. 15].

Во второй половине 1920-х годов в СССР приезжали различные делегации инженеров, учителей, не говоря уже о политиках. В университете во Владивостоке всегда работали в качестве преподавателей или на других должностях японцы.

С конца 1920-х годов руководство СССР взяло курс на вытеснение японских рабочих с советских предприятий и с советской территории. Причин этому было несколько. Большевики не смогли наладить политико-пропагандистскую работу среди японских рабочих. В 1929 г.

¹ Здесь и далее японские имена собственные даются в написании, соответствующем источникам из библиографического списка.

партийное руководство дальневосточного края констатировало: «Работа среди японских рабочих совершенно отсутствует» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 67].

Большевики вынуждены были довольствоваться лишь использованием японцев в пропаганде внутри СССР. Осенью 1929 г. газета «Известия» публиковала материалы с Камчатки: «Уезжают обратно на родину японские рабочие, уезжают довольные нормированным днём, хорошей зарплатой, увозят лучшие чувства и симпатии к Советскому Союзу. С другим чувством садятся на пароход рабочие японской фирмы Ничиро, где заработок вдвое меньше, где труд непосилен» [Известия, 1929, 4 октября].

Но от идеи политического влияния на японских рабочих советские большевики долго не отказывались, и Хабаровск обращался в Москву: «Ввиду отсутствия кадров работников, знающих китайский и японский языки, просить ЦК командировать в распоряжение Крайкома минимум 3 китайских и 3 японских работника» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 68].

С начала 1930-х годов росли противоречия в отношениях между государствами и ухудшались взаимоотношения между работавшими на предприятиях представителями двух народов. Бюро Дальневосточного Крайкома партии отмечало «Наличие организованного вредительства японской рабсилы под руководством своих Сендо, выразившегося в частых и совершенно необоснованных требованиях отправки обратно в Японию и проч.» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 101].

С 1929 г. японское правительство так же проводило политику ограничения японского труда на советских предприятиях. В декабре 1929 г. М.М. Литвинов докладывал И. В. Сталину: «В целях борьбы с всё развивающимся крабовым промыслом наших государственных предприятий, производимым с помощью плавучих консервных заводов, японское правительство издало распоряжение о том, что наём рабочих на подобного рода заводы может производиться лишь с санкции Министерства земледелия и лесов. Эта мера... имеет своей целью сорвать наши планы на 1930 год, предусматривающие увеличение количества наших плавучих крабоконсервных заводов с 4-х до 12-ти, что потребует до 3000 японских рабочих» [Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Кн.1., 2007. с. 301]. На 1930 г. японское правительство обещало отпустить японских рабочих для обслуживания лишь 4 советских краболовов. В ответ на это Политбюро решило, в зависимости от дальнейшей политики Японии, ввести ряд мер, затруднявших приезд японских рабочих на русский берег: организовать санитарные осмотры приезжающих на японские промыслы рабочих, производить таможенные досмотры японцев, заменить коллективные визы для рабочих индивидуальными.

Новая политика в отношении японских рабочих на Дальнем Востоке была выработана в 1929 г. – в «Год Великого Перелома». В январе 1930 г. Далькрайком ВКП(б) принял резолюцию: «О завозе рабсилы для рыбопромышленности на сезон 30 года и мероприятиях по вытеснению японской рабочей силы» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 72]. В качестве первых мер было решено: «Завоз Японской рабсилы на 1930 год определить как максимум до 9000 чел» и «Не допускать применения японской рабочей силы на береговых работах и рыбных промыслах Николаевского округа» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 77]. Это было обусловлено изменением внешнеполитической обстановки и вызревaniem новых противоречий между двумя странами.

А уже в марте 1930 г. Крайком принял решение «Предложить фракции Крайисполкома Отдела Труда и Крайторгу в 2-х месячный срок разработать конкретные мероприятия по

полной замене японской рабочей силы в сезон 31 года и доложить в Бюро Крайкома» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 78].

Политика сокращения японского присутствия не способствовала сохранению японского населения в СССР. Например, в Кербинском районе на Нижнем Амуре на 10 августа 1932 г. проживало 128 китайцев, 78 корейцев и 1 японец [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 9. Д. 73. Л. 38].

В письме Л.М. Кагановича к И.В. Сталину от 11 сентября 1931 г. говорилось: «Японцы ответили нам на закрытие Чосен банка, причинившее нам до 4-х миллионов убытку, резким увеличением пошлин на экспортируемый нами лес... Розенгольд внёс предложение принять ряд мер, которые заставили бы японцев отменить эти пошлины. Он предложил: сократить импорт из Японии товаров (чай), ввести пошлины на зелёные чай... Конечно, такие меры с нашей стороны могут вызвать серьёзные осложнения в наших отношениях с Японией, и без того не особенно блестящих из-за рыбных дел. Мы вопрос отложили до 20-го и просим Вас сообщить свое мнение...» [Сталин и Каганович. Переписка..., 2001, с. 94]. И хотя глава Советского Союза И.В. Сталин традиционно отстаивал свою позицию – «С Японией нужно поосторожнее» [Сталин и Каганович. Переписка..., 2001, с. 103] – процесс ухудшения советско-японских отношений принял необратимый характер.

В 1934 г. было принято решение: «Транзитные поездки через СССР разрешить японским офицерам либо без остановки, либо в случае особой просьбы японского посольства в Москве, с разрешением 2–3 дневного пребывания в Москве. Разъездов по СССР и остановок таких транзитных пассажиров вне пути следования не допускать» [ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг., 2001, с. 127]. В 1936 г. Москва разрешила проехать через Сибирь в Европу и обратно для участия в Олимпийских играх в Германии 367 человек – японских спортсменов и зрителей. Таким образом, несмотря на ухудшение двусторонних отношений и ограничение допуска японцев в СССР, Сибирь, благодаря своему географическому положению, посещалась японцами и не была изолирована от российско-японских отношений.

Ещё в 1920-х годах японцы работали в университете во Владивостоке. В документах сохранились имена преподавателей Хироока, Сакоси Тецуя и др. [ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 74]. В начале 1930-х годов лаборантом кабинета японского языка в ДВГУ был Ямадзакис Такиси [РГИА ДВ. Ф. р-289. Оп. 2. Д. 1624]. Однако в начале Второй мировой войны ДВГУ во Владивостоке был ликвидирован.

В феврале 1924 г. по подозрению в сборе разведывательной информации во Владивостоке были арестованы 15 граждан Японии и 10 граждан СССР, включая корейцев. В числе арестованных: трое сотрудников генконсульства Японии – вице-консул Т. Гундзи, переводчик Ц. Осакабэ и служащий управления по делам Кореи Р. Харута. С исполняющего обязанности генконсула сняты все полномочия. Переговоры вёл посланник Японии в Китае К. Йосидзава с Л.В. Караханом. 16 марта трое арестованных были депортированы с пожизненным запретом въезда в страну. Остальные депортированы либо освобождены 23 мая. И.о. генконсула Р. Ватанабэ был снят с должности, прекращено почтовое сообщение между СССР и Японией [Фунакава, 2010, с. 369].

Дальневосточный исследователь З.Ф. Моргун утверждает, что «окончательно японские иммигранты выехали из Владивостока в 1937 г. после того, как оставшихся в 30-е в одиннадцати японских семьях мужчины были арестованы НКВД. Приблизительно через год их освободили» [Моргун, 1993, с. 97–98].

На самом деле, к началу 1940-х годов японское присутствие в СССР сократилось до минимума. Это было связано как с отъездом японцев из России на родину из-за ухудшения двусторонних отношений, так и с массовыми политическими репрессиями конца 1930-х годов, когда большинство японских коммунистов были расстреляны или высланы из СССР [ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг., 2001]. Тем не менее, и к началу Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке России продолжали жить и работать, добровольно или будучи лишёнными свободы, сотни японцев.

С 1938 г. в советских лагерях отбывали наказание некоторые японские коммунисты, такие как Тэрасима Гидзо (Базарон Даша). Жена расстрелянного в 1939 г. коммуниста и режиссёра Сугимото Рёкити, Окада Ёсико была направлена в места заключения на 10 лет. В секретном списке 1941 г. «на прекращение розыска иностранцев и лиц без гражданства за 1940 г.» во Владивостоке указан разыскиваемый по списку за 1939 г. «Канчиро Нака, 1913 г.р., японск. поддан., 6/VII-36 г. осужден на 10 лет ИТЛ» [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 6. Л.32].

Избежавшие репрессий японские коммунисты в СССР осели в отдалённых районах страны. Например, коммунистка Сэки Мацу после ареста мужа Ямато Кэндзо и исключения из компартии, переехала в Уфу, где и находилась в начале войны.

Исследователи пишут: «В результате предложенный им² проект постановления был принят Политбюро ЦК ВКП(б) 13 марта 1939 г. В решении отмечалось: «1. Отказать проживающим в Западно-Сибирском крае иностранцам (при продлении вида на жительство) в праве дальнейшего проживания в Западно-Сибирском крае. В первую очередь провести это мероприятие по отношению к германским, японским и польским подданным. 2. Иностранцев подданных, уличённых в шпионской и диверсионной деятельности, арестовывать и предавать суду». Началась подготовка и к ограничению количества дипломатических представительств Германии, Японии, Польши и других государств на территории СССР» [Хаустов, 2008, с. 227]. В СССР осуждено 8 японцев, тюрьма заменена высылкой в Японию, но отложена из-за задержания японцами советских граждан [Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1, 2000. с. 218]. Это было обусловлено разрастанием конфронтации между мировыми державами, что впоследствии, в том же году, привело к войне.

Несмотря на это, всё же в начале 1940-х годов японское присутствие было заметным в связи с функционированием на Дальнем Востоке России консульских учреждений Японии и Маньчжоу-го.

Сразу же после восстановления отношений между двумя странами, советское правительство выразило согласие открыть японские консульства в следующих городах: Москва, Владивосток, Хабаровск, Александровск, Петропавловск (на Камчатке), Благовещенск, Николаевск-на-Амуре. Вскоре было открыто консульство и в столице Сибири.

Японские консулы в СССР на 1926 г.: во Владивостоке – генконсул Р. Ватанабе; в Хабаровске – и.о. генконсула Т. Кавасуми; в Благовещенске – консул Х. Хирацука; в Новосибирске – консул С. Симада; в Александровске на Сахалине – и.о. консула, драгоман

² Здесь речь идёт о проекте постановления, предложенном генеральным комиссаром госбезопасности Николаем Ивановичем Ежовым.

А. Судзуки; в Одессе – консул С. Сасаки [Торгово-промышленный бюллетень Дальнего Востока. № 3. 1926. 15 мая].

Во второй половине 1930-х годов в Советском Союзе проводилась политика ограничения мобильности японских официальных представителей и сокращения консульских учреждений. Например, в августе 1936 г. председатель Бийского горсовета получил предписание: «Чтобы он Зенков на попытки японца посетить какие-либо предприятия или выехать на тракт, отказал ему если не будет прямого указания из края» [ГАНО. Ф.Р-47. Оп.5. Д.217. Л.193]. Консул Я. Коянаги жаловался: «12-го Июня с.г. Секретарь Сайто и Сотрудник Одагири, пользуясь отпуском, попутешествовали по Кузбассу. С момента их выезда с поездом от ст. Новосибирска встретилось с такими неприятными фактами: за ними следили охранители НКВД, которые близко с Секретарями сидели или стояли постоянно рядом с ними... препятствовали им в ознакомлении с городом... на ст. Топки охранители препятствовали Секретарям в покупке проездных билетов... 4-го сего Июля Секретарь Танака и Одагири поехали с пароходом в Томск, обратились к Директору гостиницы №1 в Томске о предоставлении им комнату, то несмотря на то, что директор обеспечил им комнату №10, выдавая им пропуск и взыскал с них 32 руб. на двое суток, через 4 часа Директор неожиданно отказался от своих слов...» [ГАНО. Ф.Р-47. Оп.5. Д.217. Л.139 – 140].

В начале 1937 г. заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков в письме советскому полпреду в Японии К.К. Юреневу сообщил: «Мы хотели бы закрыть японские консульства в Новосибирске и в Одессе, которые, не имея никакой консульской работы, исключительно являются центрами самого злостного шпионажа и ложной информации своего правительства» [Русско-китайские отношения в XX в. Т. III, 2010, с. 618]. Действительно, в Сибири практически не было японского населения, и двусторонние торгово-экономические отношения были незначительны. Руководство Японии было против закрытия консульства в Новосибирске, но в августе 1937 г. последовала Нота НКВД посольству Японии о закрытии двух японских консульств в соответствии с принципом равного представительства. В Москве было принято решение о непризнании с 15 сентября за японским консулом в Новосибирске права выполнения им консульских функций.

На Дальнем Востоке, в отличие от Сибири, японское присутствие в конце 1930-х годов оставалось значительным, поэтому сокращение японских представительств было не столь радикальным.

9 февраля 1938 г. НКВД сообщил, что в связи с сокращением консульских учреждений за границей, решено из 6 консульств в Японии оставить 3, а в Кобе, Отаву и Дайрене закрыть. Рекомендовано закрыть японские консульства в Благовещенске, Хабаровске и на Сахалине (в Александровске или Охе), оставить во Владивостоке, Петропавловске и на Сахалине [Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Кн. 1, 2000. с. 206].

Таким образом, в конце 1930-х годов японские консульства сохранились во Владивостоке, на Камчатке и Сахалине. В 1937 г. генеральным консулом во Владивосток был назначен первый секретарь японского посольства в Москве Ситида Мотохару, переведённый в 1940 г. в посольство в Москве. В 1941 г. состав японского консульства в Петропавловске-Камчатском был следующим – и. д. консула Ясуки Икута, секретари Хигураши Набонури и Сайто Тадаси, повар Хосимото Исаму, сторож Такамацу Такео с женой Такамацу Хама. В апреле 1942 г. на Камчатку приехал новый консул – Такано Токичи. Состав консульства часто менялся, на зиму дипломаты уезжали с Камчатки, лишь сторож Такамацу Такео

с 1930 по 1946 гг. безвыездно жил в Петропавловске. Консульство в Александровске на Сахалине до 1940 г. возглавлял Танака Бунитиров, затем – Накада Кичитаро.

В Благовещенске и Чите в начале Второй мировой войны продолжали работать консульства Маньчжоу-го, формально возглавляемые маньчжурскими китайцами, но управлявшиеся вице-консулами японцами. Читинский исследователь истории спецслужб пишет: «В 1940 году вице-консулом стал Масамичи Агата. Во 2-м отделе Генштаба его знали, как майора Акабори... В 1940–1944 годах должностями секретаря, а потом вице-консула прикрывали деятельность квалифицированного разведчика капитана Курихару... В паре с ним работал капитан Морикава...» [Соловьев, 2002, с. 224]. Тот же исследователь В.А. Соловьев указывает, что консул Хисамацу Ичиро, сменивший в 1942 году Ку-Чун-Сана, был полковником 2-го отдела Генштаба Японии, а его настоящая фамилия Мацудайро. В 1943 г. в консульстве Маньчжоу-го в Чите было 8 чиновников – японцев, 6 членов их семей и четверо слуг-китайцев. Согласно списку личного состава «Консульства Маньчжоу-Ти-Го в гор. Благовещенске», должность консула с июля 1941 г. занимал Чжао Дэ-вэй. Почти все остальные должности, кроме дворника в 1941 г. занимали японцы: вице-консулы Хираки Синзо и Кавабэ Иогоро, секретари консульства Хама Кесато и Исида Сабуро, шофер Имура Сиро, 31 год, прибыл в апреле 1941 г. [ГАНУ. Ф. 81. Оп. 11. Д. 1. Л. 2].

Наиболее заметным японское присутствие на территории СССР в начале Второй мировой войны оставалось на Камчатке и Северном Сахалине. Связано это было с сохранением японских концессий в этих регионах. Проводя политику сокращения японского присутствия на территории СССР, советское руководство вынуждено было в этом вопросе быть особенно осторожным. Ещё в 1934 г. полпред СССР в Японии К.К. Юренев напоминал заместителю наркома иностранных дел Г.Я. Сокольникову: «"Рыбный" участок интересов Японии является для неё исключительно важным и поэтому японское правительство может пытаться вести в отношении нас твёрдую линию, опираясь на сочувствие "народа"» [Русско-китайские отношения в XX в. Т. III., 2010, с. 275].

В 1936 г. истек срок действия рыболовной конвенции 1928 г. 26 мая 1935 г. японское правительство официально заявило о своём желании пересмотреть старую конвенцию. Переговоры закончились в ноябре 1936 г. парафированием соглашения Сако–Козловский. Однако, в связи с заключением в это время Японией так называемого Антикоминтерновского пакта с Германией, который официально был направлен на препятствия деятельности Коминтерна, но на деле же сопровождался секретным соглашением, в котором предусматривались совместные меры борьбы против СССР, отношения между СССР и Японией были основательно испорчены, и советское правительство отказалось утвердить парафированное обеими сторонами рыболовное соглашение.

С 1936 по 1940 г. действие старой конвенции ежегодно пролонгировалось временными соглашениями. Следует отметить, что в течение этого периода японское правительство неоднократно пыталось добиться утверждения советским правительством уже парафированного в 1936 г. соглашения или начать переговоры о заключении новой конвенции.

Проблема заключения новой конвенции нашла отражение в периодической печати. К примеру, 14 августа 1939 г. в газете «Красноярский комсомолец» появилась статья под заголовком «Договор между профсоюзом нефтяников и японским концессионером заключен», в которой была информация о том, что 11 августа в Москве подписан

коллективный договор между союзом рабочих нефтепромыслов и японским акционерным обществом северо-сахалинской нефти. Переговоры начались 4 ноября 1938 г.

«Народный Комиссариат топливной промышленности, идя навстречу японской стороне, разрешил нефтяному концессионеру завести дополнительно 300 японских рабочих на нефтепромыслы... Наркомтоп разрешил и угольному комиссионеру завести дополнительно 150 японских рабочих» [Красноярский комсомолец. 1939. 14 августа].

Документы Архива внешней политики РФ указывают на интенсивные переговоры по рыболовным вопросам, по проблемам угольной и нефтяной концессий. В Архиве внешней политики РФ имеются документы о «рыболовных торгах, изъятиях, закрытии и открытии рыболовных участков» в 1941 г. [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 206].

Здесь следует отметить, что советская пресса в это время обвиняла японцев в неправомерном свертывании своего присутствия. В июле 1939 г. в различных советских газетах было опубликовано сообщение из Владивостока: «Решение суда о нарушении японскими концессионерами прав советских трудящихся». Например, в газете «Известия» была опубликована статья «Владивосток, 10 июля. На северном Сахалине в Дуэ, вблизи города Александровска, имеется японская угольная концессия, принадлежащая обществу “Кита Карафуто Когито Кабусик и Кайся”. Концессионер обязан, согласно угольного концессионного договора, снабжать рабочих и служащих своего предприятия и их семьи продуктами и товарами широкого потребления. Это снабжение рабочих и служащих угольных концессий и их семей должно проводиться по определённым нормам, предусмотренным коллективным договором профессионального союза угольщиков с японским концессионным обществом. Начиная с осени 1937 г. угольный концессионер приступил к свертыванию деятельности концессий. Одновременно с этим администрация концессии стала на путь систематического ухудшения экономического положения рабочих, с целью принудить их к уходу с концессии по собственному желанию...» [Известия. 1939. 11 июля].

Ещё одним новшеством, признанным нарушением арендных договоров, стало обнаруженное в 1941 г. такое «повсеместное явление», как впервые вскрытый в прошлом году «факт обезглавливания кеты». Об этом распорядилось руководство Ничиро с целью экономии соли, тары и увеличения за этот счёт выхода продукции. Головы кеты ценности не представляли, поэтому для фирмы было выгоднее реализовать рыбу, приготовленную без них [Алепко, 1966, с. 74].

Советские рыбинспекторы составляли акты и квалифицировали эти действия японцев как «неправильный учёт продукции» или «неустановленный способ приготовления кеты». Они полагали, что «для нас это нововведение невыгодно. За счёт общего веса всех отрезанных голов кеты японцы могут искусственно увеличить норму улова»³. Рыбинспекторский состав и таможенники в 1941 г. размещались на японских предприятиях, поэтому контроль за их деятельностью был более эффективным.

³ Впервые обезглавленную рыбу засолили в качестве опыта на восточном побережье в 1941 г. Опыт оказался удачным. Администрация базы № 729 обратилась за разрешением к инспектору Дальрыбы, на что тот «дал санкцию, вселив тем самым в японцев уверенность в безнаказанности данного способа посола». Так японцы увеличили «количество и качество готовой продукции. Голова рыбы, в среднем, весит 300 г, следовательно, японцы получили прибыль... за счет отброса голов, так как головы не используются для тука, а закапываются в ямы, и в вес отправленной в Японию готовой продукции не входят» [Японо-Российские отношения...].

20 июня 1940 г. советское правительство сообщило японской стороне основные условия, на базе которых могла бы быть заключена новая рыболовная конвенция. Дальнейшие переговоры велись на базе этих условий и продолжались в течение 1940 г. и 1941 г. Но в июне 1941 г., в связи с нападением Германии на Советский Союз, переговоры были прерваны до 1943 г. После возобновления переговоров советская сторона обращала внимание своих японских партнеров на то, что в 1942 г. только 15 из 149 рыболовных участков, которые были предоставлены Японии, эксплуатировались японскими рыбопромышленниками, а в 1943 г. эксплуатация ими этих рыболовных участков была полностью прекращена [Зилянов, 1995, с. 93].

Накануне войны было принято решение о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине, но в октябре 1941 г. нефтяные концессии были продлены. Исследователь Ч. Инаба указывает на документ из Архива внешней политики РФ за 1941 г.: «Заявление вице-министра иностранных дел Японии Охаси о “незаконной репрессии в отношении японских концессионных предприятий”. О ликвидации концессии» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 210]. Японский исследователь перечисляет несколько архивных дел, в которых имеются документы, отражающие множество проблем и противоречий в советско-японских отношениях по вопросам концессий накануне войны, в 1941 г. Японские концессии на Северном Сахалине были заморожены лишь в 1943 г., тогда же резко сократились и японские рыболовные промыслы на Камчатке.

На японских рыболовных, угольных и нефтяных концессиях на Северном Сахалине вместе с русскими рабочими трудились и японцы. Поэтому в числе проблем советско-японских отношений в начале Великой Отечественной войны были «вопросы труда и медицинского обслуживания японских рабочих» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 216].

Ежегодно в летний сезон японские рабочие массово приезжали на рыбзаводы на Камчатке. Исследователи указывают: «В навигационный период 1940 г. на рыболовные участки, арендуемые японцами на Камчатке, прибыли, а потом выехали в Японию 35 146 человек, принято и отправлено 638 японских судов... В 1941 г. на японских рыбалках было задействовано 17 483 человека. 107 японских судов сделали 573 захода...» [Маковский, 2015, с. 119].

В 1940 г. на Северном Сахалине функционировали две японские концессии – угольная «Кита Карафутто Коогии» и нефтяная «Кита Карафутто Секию». По условиям концессионных договоров японцы могли привозить на концессионные предприятия свою рабочую силу. Например, в 1938 г. на концессионных нефтепромыслах в числе 2734 рабочих был 471 японец [Шалкус, 2009, с. 62]. В 1940 г. на японской нефтяной концессии работало 53 японца – работника высшей квалификации, и 39 японцев – работников средней и высшей квалификации [Шалкус, 2009, с. 63]. На угольной концессии на Сахалине к началу 1943 г. продолжали работать 80 японцев [Юдина, 2009, с. 110].

Согласно документам Архива внешней политики РФ накануне и в начале Великой Отечественной войны актуальным был такой вопрос, как «Режим японских представителей и граждан в СССР» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 203]. Работавшие на советской территории японцы вызывали беспокойство советских властей. Отчасти это было вызвано хорошей организацией труда, высокой зарплатой и хорошими условиями жизни, в сравнении с советскими. Исследователи отмечают, что «не только среди рабочих,

но среди партийных руководителей региона в местных органах власти были явно прояпонские настроения» [Исаев, 2009, с. 80]. Присутствие мужчин призывного возраста на советской территории в то время не могло не восприниматься как угроза безопасности. В советском внешнеполитическом ведомстве в конце 1941 г. рассматривался вопрос «О военных занятиях, проводившихся японцами на рыболовствах» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 212]. Дальневосточные исследователи указывают: «В период 1941–1942 гг. японские граждане периодически угрожали советским работникам тем, что скоро в г. Оху и другие населённые пункты придут японские солдаты, которые будут русских девушек и женщин насиловать, а всем мужчинам будут разбивать головы» [Исаев, 2009, с. 81]. В фондах Архива внешней политики РФ хранятся документы «О задержании японцев в Охе», «Об аресте японских граждан за нарушение правил эксплуатации месторождений. О грубом обращении японцев с советскими служащими на концессии и выселении японцев» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 210–211].

Одним из главных центров русско-японских отношений и японского присутствия в России в начале 1940-х годов оставался город Владивосток. Во время войны город Владивосток, как военно-морской порт, был закрытым, соответственно нахождение здесь японцев, как и иностранцев вообще, было крайне редким случаем. С началом Великой Отечественной войны численность иностранцев, в том числе и японцев, в Приморье почти не изменилась, немного уменьшившись. 18 марта 1941 г. во Владивостоке фиксировалось 13 иностранцев, на 3 апреля 1941 г. в столице Приморья находилось 12 иностранцев. В декабре 1941 г. в Приморском крае проживали 11 иностранцев [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 57]. В числе иностранных жителей Владивостока в конце 1941 г. тогда были японская подданная Мария-Юке 1886 года рождения, Накаба Минору, 1908 года рождения и Накаба Камико 1911 года рождения [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 9, 13].

Во время Великой Отечественной войны во Владивостоке имелось представительство рыбопромышленной фирмы «Ничиро» во главе с Иосида Сейзо (1893 г.р.) [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 70]. В 1941 г. во Владивосток для работы в этой рыбопромышленной фирме прибыли три японца – Отцука Такаси, Иосида Сейзо и Текутаке Иосинобу. Документы свидетельствуют, проживавшему во Владивостоке сотруднику японской рыбопромышленной фирмы «Ничиро» Отцука Такаси (1916 г.р.) 6 октября 1941 г., продлили вид на жительство до 6 апреля 1942 г. [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 148].

К началу Великой Отечественной войны заметное место в двусторонних отношениях занимали проблемы задержанных в прибрежных водах обеих стран морских судов. В Архиве внешней политики Российской Федерации хранятся документы за 1940 г.: «Справка о японских судах «Миоко-Мару» и «Хакуйю-Мару» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 201]. В апреле 1941 г. в территориальных водах СССР были задержаны шхуны «Эйсе-Мару» и «Дайсанчаокичи-мару». В начале Второй мировой войны, согласно документам, хранящимся в Государственном архиве Приморского края, были задержаны шхуны «Хокуйю-Мару», «Мейкоу-Мару», «Хокусен-Мару». В документах Архива внешней политики РФ имеются дела о «захвате и задержании советских судов и граждан в Японии и переговорах об их освобождении» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 206], «списки советских граждан и японцев, задержанных обеими сторонами» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 459] и др. Ч. Инаба указывает на архивное дело 1941 г.: «Справка о японском подданном Сибаро Сидзиро. Задержание японских шхун... Справка об

осужденных японских подданных Мурата и Иосида» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 209].

После начала Великой Отечественной войны советская сторона пошла на уступки Японии в вопросах освобождения и отправки на родину экипажей, задержанных в 1939–1941 гг. японских судов. Уже в июле 1941 г. для большинства членов задержанных японских кораблей во Владивостоке были сделаны выездные визы. Дипломатический агент НКВД во Владивостоке Анкудинов писал начальнику ОВИР Козловой: «Прошу Вас продлить срок выездных виз, выданных Вам ранее, следующим членам японских команд этих же шхун: 1. Кавабэ Ясутаро 2. Китамура Токудзо 3. Аоки Метаро 4. Ямамото Дзюичи 5. Оточи Гензо 6. Итоу Эйчи 7. Ватанабэ Чоичи 8. Такено Казумаса 9. Накасиа Иао 10. Итоу Сигенори 11. Хамабэ Хэйтаро 12. Китамура Минео 13. Кобаяси Нобу. Все перечисленные японцы передаются нами 29 июля с. г. Японскому консулу, для выезда их в Японию» [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 61].

В первые месяцы войны советские органы на Дальнем Востоке оперативно решили вопросы освобождения многих арестованных в прошлые годы японцев. 27 августа 1941 г. начальник ОВИР получила из Дипломатического агентства НКВД во Владивостоке предписание: «Препровождая при сем 7 удостоверений японских подданных, членов команд японских шхун: Шхуна «Хокуйю-Мару» 1. Акияма Сигетада 2. Уеда Кумадзо. Шхуна «Мейкоу-Мару» 1. Косака Тамедзо 2. Хатанака Тахакей. Шхуна «Хокусен-Мару» 1. Масуда Масадзиро 2. Мицуо Сендзю 3. Сакамото Томио, осужденных судебными органами СССР к различным срокам заключения в 1939 и 1940 гг. Указанные лица, освобождённые досрочно и передаются сегодня 27 августа с.г. Японскому Консулу на п/х. «Кахоку-Мару». Прошу Вас срочно выдать им выездные визы» [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 52]. В тот же день японцы получили выездные визы. 28 августа в ОВИРе выдали визы на выезд капитанам и некоторым членам команд шхун «Эйсе-Мару», «Дайсанчаокичи-Мару» и др. В числе выдворяемых освобождённых из заключения японцев были капитан Савада Зироичи, помощник капитана Танака Киюичи, ловец шхуны Харада Киичи и др. [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 125].

Процесс освобождения арестованных японских моряков продолжался осенью 1941 г. В октябре 1941 г. Дипломатический агент НКВД во Владивостоке просил ОВИР выдать выездную визу члену команды японской шхуны «Хакуйю-Мару» – Тераучи Джинтаро. В документе говорилось: «Тераучи Джинтаро освобождается досрочно советской стороной на основе соглашения обеих сторон об обмене членов команд советских судов на членов команд японских шхун» [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 154].

Таким образом, накануне и в начале Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке России оставалось заметным японское присутствие. Наличие японских концессий, на которых вместе с русскими работали японцы, а также значительное число задержанных и находящихся в СССР японских подданных, были основанием для сохранения японских консульских учреждений в регионе. В начале Великой Отечественной войны взаимоотношения между советскими и японскими представителями стали более активными и гибкими, советская сторона чаще шла на уступки, всё это позволило быстро решить некоторые проблемы и смягчить напряжённость в двусторонних отношениях. Японское присутствие на Советском Дальнем Востоке в начале 1940-х годов оставалось важным фактором двусторонних отношений, который сыграл важную роль в дальнейшем развитии двусторонних отношений в последующий период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аленко А.В.* О роли иностранного предпринимательства в хозяйственном освоении русского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. // Гродековские чтения. Хабаровск, 1966. С. 74.
- ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.
- Голос Родины. 1923. 13 января.
- Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-96, Оп. 2, Д. 93, Л. 3.
- Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 81. Оп. 11. Д. 1. Л. 2.
- ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 217. Л. 139 – 140, 193.
- Государственный архив Приморского края. Ф. 163, Оп. 1, Д. 6, Л. 32.
- ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 9, 13, 52, 57, 61, 125, 148, 154.
- ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 74.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2, Оп. 1, Д. 143, Л. 67, 68, 72, 77, 78, 101.
- ГАХК. Ф. П-2. Оп. 9, Д. 73, Л. 38.
- Зачистка Дальнего Востока от азиатов. URL: <https://aloban75.livejournal.com/1416682.html> (дата обращения: 11.11.2018).
- Зиланов В.К.* Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 1995. 181 с.
- Известия. 1929. 4 октября.
- Исаев А.А.* Социально-политические настроения на японских концессиях о. Сахалин в 1930-е – начале 1940-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 4. С. 78–82.
- Красноярский комсомолец. 1939. 14 августа.
- Маковский А.В.* Проблемы организации советского контроля японских рыболовных промыслов (конец 20-х – 30-е гг. XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52). Ч. 1. С. 116–120.
- Моргун З.Ф.* Владивосток и японцы. Исторический очерк // Россия и АТР. 1993. № 2. С. 97–98.
- Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сб. док. В двух книгах / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Кн.1. М.: Наука, 2007. 757 с.
- Петрова О.П.* Вспоминая Невского // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 520–525.
- Советско-японские дипломатические отношения (1917–1962 гг.), каталог документов (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) / сост. Ч. Инаба. Токио: Наука Лтд, 1996. 540 с.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2413, Оп. 4. Д. 1174. Л. 15.
- РГИА ДВ. Ф. р-289. Оп. 2. Д. 1624.
- Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.

Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1. Советско-китайские отношения в 1937–1944. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 870 с.

Соловьев А.В. Борьба забайкальских контрразведчиков с японскими спецслужбами. URL: <http://www.diary.ru/~Samuray-08/p165290234.htm> (дата обращения: 09.10.2018).

Соловьев А.В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: Изд-во «Русь», 2002. 544 с.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.

Такамура Айка. Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX — первой трети XX в. (по источникам и литературе на японском языке) / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2007. 26 с.

Торгово-промышленный бюллетень Дальнего Востока. № 3. 1926. 15 мая.

Фунакава Харухи. Об инциденте с арестом сотрудника генерального консульства Японии во Владивостоке // Россия и Япония. Сб. ст. Вып. 8. Токио, 2010. С. 369.

Хаустов В.Н. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения – потенциальные «Агенты буржуазных разведок» // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М.: Кучково поле, 2008. С. 227.

Шалкус Г.А. Источники формирования и положение контингента рабочей силы на концессионных промыслах (1925–1944 гг.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2009. № 1 (8). С. 62–68.

Юдина Т.В. Концессионная политика и практика на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг.: компромиссы и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 3. С. 107–113.

Японо-Российские отношения: документы для сборника материалов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. URL: <http://www.ru.emb-japan.go/EMBASSY/index.html> (дата обращения: 11.01.2018).

REFERENCES

Alepko, A.V. (1966). O roli inostrannogo predprinimatel'stva v khozyaystvennom osvoenii russkogo Dal'nego Vostoka vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [On the role of foreign business in the economic development of the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th century], *Grodekovskiye chteniya*, Khabarovsk. (In Russian).

Funakawa, Haruhi (2010). Ob intsidente s arestom sotrudnika general'nogo konsul'stva Yaponii vo Vladivostoke [About the incident with arrest of an employee of the Consulate General of Japan in Vladivostok], *Rossiia i Yaponiya. Sb. st*, Is. 8, Tokyo. (In Russian).

Golos Rodiny. 1923. 13 yanvarya. [The Voice of the Motherland. 1929. 13 January]. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraia [State archive of Khabarovsk Krai]. Fond P-2, Opis' 1, Delo 143, List 67, 68, 72, 77, 78, 101. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraia [State archive of Khabarovsk Krai]. Fond P-2, Opis' 9, Delo 73, List 38. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]. Fond R-47. Opis' 5. Delo 217. List 139 – 140, 193. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]. Fond 81. Opis' 11. Delo 1. List 2. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya [State archive of Primorsky Krai]. Fond 117. Opis' 3. Delo 74. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya [State archive of Primorsky Krai]. Fond 163. Opis' 1. Delo 6, List 32. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya [State archive of Primorsky Krai]. Fond 163. Opis' 1. Delo 8, List 9, 13, 52, 57, 61, 125, 148, 154. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykal'skogo kraya [State archive of Zabaikalsky Krai]. Fond R-96, Opis' 2, Delo 93, List 3. (In Russian).

Isayev, A.A. (2009). Sotsial'no-politicheskiye nastroyeniya na yaponskikh kontsessiyakh o. Sakhalin v 1930-e – nachale 1940-kh gg. [Socio-political sentiments in the Japanese concessions of Sakhalin island in the 1930s – early 1940s.], *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, 4: 78–82. (In Russian).

Izvestiya. 1929. 4 oktyabrya [Izvestia. 1929. 4 October]. (In Russian).

Khaustov, V.N. (2008). Inostrantsy i sovetskiye grazhdane inostrannogo proiskhozhdeniya – potentsialnyye «Agenty burzhuznykh razvedok» [Foreigners and Soviet citizens of foreign origin-potential “Agents of bourgeois intelligence”], *Istoricheskiye chteniya na Lubyanke: 1997–2008*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Krasnoyarskiy komsomolets. 1939. 14 Augusta [Krasnoyarsk Komsomolets. 1939. 14 August]. (In Russian).

Makovskiy, A.V. (2015). Problemy organizatsii sovetskogo kontrolya yaponskikh rybolovnykh promyslov (konets 20-kh – 30-e gg. XX veka) [Problems of the organization of the Soviet control of Japanese fisheries (the end of the 20s–30s of the 20th century)], *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, 2 (52), Part. 1: 116–120. (In Russian).

Morgun, Z.F. (1993). Vladivostok i yapontsy. Istoricheskiy ocherk [Vladivostok and Japanese. Historical summary], *Rossiya i ATR*, 2: 97–98. (In Russian).

Moskva-Tokio. Politika i diplomatiya Kremlya 1921–1931. Sb. dok. V dvukh knigakh. Kn.1 [Moscow-Tokyo. Politics and diplomacy of the Kremlin 1921–1931. Collection of documents in 2 volumes. Vol. 1] (2007). Ed by G.N. Sevostyanov Moscow: Nauka. (In Russian).

Petrova, O.P. (1996). Vspominaya Nevskogo [Memoirs of the Nevsky], *Peterburgskoye vostokovedeniye*, Is. 8, Saint Petersburg. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka [The Russian state historical archive of the Far East]. Fond r-2413, Opis' 4, Delo 1624. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka [The Russian state historical archive of the Far East]. Fond R-289, Opis' 2, Delo 1174, List 15. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XX v. T. III: Sovetsko-kitayskiye otnosheniya (sentyabr' 1931 – sentyabr' 1937 gg.). [Russian-Chinese relationship in the 20th century. Vol. 3. Soviet-Chinese relationships (September 1931 – September 1937)]. (2011). Ed. by S.L. Tikhvinskiy, Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XX veke. T.IV. Sovetsko-kitayskiye otnosheniya v 1937–1944 gg. Kn. 1. [Russian-Chinese relations in the 20th century. Vol. 4. Soviet-Chinese relations (September 1931 – September 1944). Part 1] (2000). Ed. by S.L. Tikhvinskiy, Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russian).

Shalkus, G.A. (2009). Istochniki formirovaniya i polozheniye kontingenta rabochey sily na kontsessionnykh promyslakh (1925–1944 gg.) [The sources of formation and the position of workforce in concessions (1925–1944)], *Uchenyye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (8): 62–68. (In Russian).

Solov'yev, A.V. (2011). Bor'ba zabaykal'skikh kontrrazvedchikov s yaponskimi spetssluzhbmami [The struggle of transbaikalian counterintelligence with Japanese intelligence], Press release, 7 August, URL: <http://www.diary.ru/~Samuray-08/p165290234.htm?oam>. (accessed: 09 October 2018). (In Russian).

Solov'yev, A.V. (2002). Trevozhnyye budni zabaykal'skoy kontrrazvedki [Restless days of transbaikalian counterintelligence], Moscow: Izd-vo «Rus'». (In Russian).

Sovetsko-yaponskiye diplomaticheskiye otnosheniya (1917–1962 gg.), katalog dokumentov (po materialam Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii) / otv. red. Ch. Inaba [Soviet-Japanese diplomatic relations (1917–1962), catalogue of documents (based on the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation) / Ed. Ch. Inaba] (1996). Tokyo: Nauka Ltd. (In Russian).

Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg. [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. (2001). Ed. by O.V. Khlevnyuk, R.U. Devis, L.P. Kosheleva, E.A. Ris, L.A. Rogovaya, Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Takamura, Aika (2007). Yaponskaya immigratsiya na rossiyskiy Dal'niy Vostok vo vtoroy polovine XIX — pervoy treti XX v. (po istochnikam i literature na yaponskom yazyke) / avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Japanese immigration to the Russian Far East in the second half of the 19th — the first third of the 20th century (based on Japanese sources and literature) / summary of thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences], Vladivostok. (In Russian).

Torgovo-promyshlennyy byulleten' Dal'nego Vostoka. No 3. 1926. 15 Maya [Trade and industrial Bulletin of the Far East. No. 3. 1926. 15 May]. (In Russian).

VKP(b), Komintern i Yaponiya. 1917–1941 gg. (2001) [CPSU (b), The Comintern, and Japan. 1917 – 1941], Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Yudina, T.V. (2016). Kontsessionnaya politika i praktika na Dal'nem Vostoke v 1920–1940-e gg.: kompromissy i rezultaty [Concession policy and practice in the Far East in the 1920s–1940s: compromises and results], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 3: 107–113. (In Russian).

Zilanov, V.K. (1995). Russkiye Kurily: istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov po istorii formirovaniya russko-yaponskoy i sovetsko-yaponskoy granitsy [Russian Kuril Islands: past and present. Collection of documents on the history of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese border], Moscow. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2019Received 10 May 2019

Для цитирования: Дацышен В.Г., Ипеева А.А. Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны // Японские исследования. 2019. №2. С. 109–126. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10014

For citation: Datsyshen V.G., Ipeeva A.A. (2019). Yaponskoye prisutstviye na Dal'nem Vostoke Rossii nakanune i v nachale Vtoroy mirovoy voyny [Japanese presence in the Far East of Russia on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 109–126. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10014

Научная жизньAcademic Life

Японские исследования. 2019. №2. С. 127–133.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 127–133.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10015

О международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве»

Л.Т. Нечаева

Аннотация. Краткое сообщение о прошедшей 21–22 марта 2019 г. в Институте иностранных языков МГПУ научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве». С 1994 г. в ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова начали проводиться конференции по вопросам преподавания японского языка, где обсуждали состояние дел в преподавании японского языка в отдельной стране, городе, вузе. Затем, с увеличением вузов, где преподают японский язык, перешли к выступлениям по лингвистическим, лингвокультурологическим и методическим вопросам. Организаторы этих конференций – Ассоциация преподавателей японского языка РФ, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Японский Фонд МИД Японии. В этом году конференцию провели в Институте иностранных языков МГПУ.

Эти конференции имеют большое значение для повышения методического, профессионального уровня преподавателей японского языка. По материалам выступлений на конференции постоянно выпускаются сборники.

Ключевые слова: японский язык, методика, лингвистика, лингвокультурология, дидактические материалы, мастер-класс.

Автор: Нечаева Людмила Тимофеевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией «Восточные языки в средней школе», ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: ltnechaeva@mail.ru

About the international scientific-practical conference “Japanese Language in Educational Space”

L.T. Nechaeva

Annotation. A brief report on the scientific-practical conference “Japanese Language in Educational Space” held at the Institute of Foreign Languages of the Moscow State Pedagogical University on March 21–22, 2019. Since 1994, Institute of Asian and African Countries of the Moscow State University, MSU, began to hold conferences on the teaching of Japanese language, where the participants discussed the state of affairs in teaching Japanese language in a separate country, city, university. Then, with an increase in the number of universities where the Japanese language was being taught, they proceeded to speak on linguistic, linguocultural, and methodological issues. The organizers of these conferences are the Association of Teachers of Japanese Language of the Russian Federation, Institute of Asian and African Countries of the

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, The Japan Foundation, Ministry of Foreign Affairs of Japan.

This year the conference was held at the Institute of Foreign Languages of the Moscow State Pedagogical University.

These conferences are of great importance for improving the methodological and professional level of teachers of the Japanese language. Conference proceedings are regularly published based on the materials of presentations made at the conferences.

Keywords: Japanese language, methodology, linguistics, linguistic cultural studies, didactic materials, master class.

Author: *Nechaeva Lyudmila T.*, doctor of pedagogical sciences, professor, head of Laboratory “Oriental Languages in High School”, ISAA Moscow State University. E-mail: ltnechaeva@mail.ru

21–22 марта 2019 г. в Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета прошла международная научно-практическая конференция «**Японский язык в образовательном пространстве**», организованная Институтом иностранных языков (ИИЯ) МГПУ, Ассоциацией преподавателей японского языка России и стран СНГ, а также Японским фондом.

С приветственным словом к участникам конференции обратились исполняющий обязанности директора ИИЯ доктор педагогических наук **Е.Г. Тарева**, председатель Ассоциации преподавателей японского языка России и стран СНГ доктор педагогических наук **Л.Т. Нечаева**, заведующий Отделом японской культуры Japan Foundation в ВГБИЛ, Советник Посольства Японии в России **Такахаси Масакадзу**.

На пленарном заседании была заслушана лекция доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАН **В.М. Алпатова** «Актуальные вопросы изучения японского языка в данное время» (Институт языкознания РАН).

После пленарной лекции работа конференции продолжилась в секциях.

В секции 1 «Актуальные вопросы современного японского языкознания» (ч. 1) с докладами выступили А.С. Зверев (ИВ РАН), А.Д. Мозгунова (ИИЯ МГПУ), А.С. Панина (ИВ РАН), Н.Г. Румак (ИСАА МГУ).

А.С. Зверев в докладе на тему «К вопросу об упорядоченности японской пунктуации (на материале японской запятой)» говорил о том, что характер популярных представлений о японской пунктуационной системе определяется, прежде всего, отношением к её центральному элементу – запятой. Обычно считается, что употребление этого знака лишено чётких общеобязательных правил, а ведущая роль приписывается индивидуально-авторским предпочтениям. С точки зрения автора доклада, степень упорядоченности японской пунктуации недооценивается. В докладе он раскрыл причины формирования традиционных заблуждений.

А.Д. Мозгунова в докладе «Маркеры персуазивности в японоязычном рекламном тексте» рассказала об особенностях этой категории и о способах реализации такой стратегии на практике.

Н.Г. Румак в докладе «Вспомогательные средства выражения грамматических значений» рассказала о таких вспомогательных лексических средствах, как, например, *моси...-тэмо*, *татое... -ба* и др. По мнению автора, необходимо обращать внимание учащихся на такие

случаи, т.к. подобная «опорная лексика» облегчает запоминание и употребление соответствующих грамматических конструкций.

В секции «Актуальные вопросы современного японского языкознания» (ч. 2) с докладами выступили А.В. Костыркин (ИВ РАН), С.В. Чиронов (МГИМО).

Доклад **А.В. Костыркина** «Некоторые особенности грамматической разметки в японском письменном корпусе ВССЖВ» был посвящён сложностям полноты поисковой выдачи, что связано с разметкой отдельных лексикализованных глагольных форм из-за их омонимии с производящими формами, а идентификация в тексте отглагольных существительных бывает осложнена наследованием ими части глагольных свойств.

В докладе **С.В. Чиронova** «Вербализаторы когнитивного статуса в русском и японском дискурсе» на примерах переводных и аутентичных речевых произведений на русском и японском языке была разобрана прагматическая подоплёка тех случаев, когда положение дел эксплицитно озвучивается, подвергается сомнению или опровергается.

21 марта работали и две методические секции: «Современные подходы к обучению японскому языку» (на русском языке) и «Методика преподавания японского языка как иностранного носителями языка» (на японском языке).

В русскоязычной секции выступали В.В. Николова и Г.Р. Петкова (Софийский Университет им. св. Климента Охридского (Болгария), Н.В. Раздорская (МГИМО), О.В. Шашкина (СахГУ).

В докладе болгарских коллег **В.В. Николовой** и **Г.Р. Петковой** были представлены новые тенденции в гуманитарном образовании в Софийском университете на примере практического сочетания тематики и методики обучения японскому языку, освещались проблемы мотивации студентов и их активное аудиторное и внеаудиторное участие в процессе обучения.

Н.В. Раздорская в докладе «О некоторых особенностях использования информационно-коммуникативных технологий при обучении японскому языку в магистратуре неязыкового ВУЗа» раскрыла содержание используемых ею технологий.

В секции «Методика преподавания японского языка как иностранного носителями языка» выступали преподаватели из Японии.

Наканиси Кумико (Университет иностранных языков, Киото) представила доклад «Значение сотрудничества с преподавателями японского языка зарубежных университетов, использование учебных материалов по японскому языку e-learning» (「日本語教壇実習を海外の協定大学と連携して実施する意義と日本語 e-learning 教材の活用」).

Сакагути Масако (Университет иностранных языков, Киото) подготовила доклад «Многоязычие и "простой японский язык"» (「多言語化と『やさしい日本語』」).

Абэ Хироси (МГПУ, ВШЭ, Японский культурный центр в Москве) выступил с докладом «Употребление грамматических моделей в контексте. Перевод и возможность обучения грамматическим моделям при преподавании японского языка в России» (「文型表現の文脈化～ロシアの日本語教育における翻訳・文型教育の可能性～」).

Куруива Сатико (МГПУ, Японский культурный центр в Москве) сделала доклад на тему «Опыт использования на занятиях по разговорному японскому языку выражений из японского учебника «Маругото». Как пример обучения японскому языку студентов, для которых японский язык является основным изучаемым иностранным языком» (「『まるご

と』を用いた口頭表現クラスの実践報告—第一外国語として日本語を学ぶ大学生を例として—」).

Все доклады прозвучали на японском языке, что было полезно для преподавателей, так как они могли слышать живую японскую речь.

21 марта были проведены также мастер-классы, что подтвердило название конференции – «научно-практическая».

1. **Анна Викторовна Савинская** (МГПУ) «Интерактивные приемы обучения грамматике японского языка на старшем этапе в вузе»,

2. **Ольга Владимировна Шашкина** (СахГУ) «Альтернативные подходы к закреплению и проверке степени усвоения иероглифического материала»,

3. **Людмила Владимировна Васильева** (ИСАА МГУ) «Теневой повтор “шедоувинг” на занятиях по аудированию как первый шаг к обучению синхронному переводу»,

4. **Гергана Руменова Петкова** (Софийский Университет им. св. Климента Охридского, Болгария) «Использование японских народных сказок на занятиях по японскому языку в вузе».

22 марта конференция началась с пленарной лекции профессора университета Цукуба **Оно Масаки** «Обучение японскому языку – от признания ошибок к снисходительному к ним отношению» (「誤用から寛容への日本語教育」).

В течение дня после лекции работали 5 секций по методике и 1 по культурологии.

В секции «Развитие речевых навыков» выступали Е.Ю. Бессонова (ИСАА МГУ), А.В. Дегтярева (РГГУ), А.В. Деркач (МГПУ), Е.А. Пушкина (школа «Рокудай», Екатеринбург).

Е.Ю. Бессонова в докладе «Тема Олимпийских игр Токио 2020 на занятиях по японскому языку (устный аспект)» раскрыла возможность использования темы Олимпийских игр в Токио в процессе обучения японскому языку. Эта тема не ограничивается исключительно спортивным аспектом, затрагивает культурные, социальные и другие вопросы. Материалы на японском языке по теме Игр Токио 2020 позволяют проводить актуальные и интересные занятия, цель которых – обучение устному аспекту японского языка.

А.В. Дегтярева посвятила свой доклад «Обучение японским реалиям в формате дискуссионного клуба (с привлечением японских студентов)» формам внеаудиторной работы.

А.В. Деркач в докладе «Аксиологический подход к формированию компетенции межкультурного общения на японском языке» показал, что исследование процесса подготовки специалистов японского языка в вузе с позиции аксиологического подхода позволяет понять, что посредством регулирования качества языковой среды можно управлять формированием самого высокого уровня мотивации обучаемых, проявляющегося в осознании ими процесса межкультурного общения как средства дальнейшей профессионально-личностной актуализации.

Е.А. Пушкина в докладе «Использование современного японского кинематографа для формирования коммуникативных навыков» рассказала о возможностях и полезности использования современного японского кинематографа в процессе обучения японскому языку.

В секции «Актуальные вопросы организации учебного процесса в вузе и школе» выступали С.А. Быкова (ИСАА МГУ), А.В. Костинова (ГБОУ Школа № 1471, Москва),

Т.И. Корчагина (факультет глобальных процессов МГУ), А.Ю. Старикова (ГБОУ Школа № 83 с углубленным изучением японского и английского языков, Санкт-Петербург).

С.А. Быкова в докладе «Спецкурсы и их роль в подготовке японоведов» подчеркнула, что спецкурсы позволяют углублённо изучать материал различных лекционных курсов в соответствии со специализацией будущего востоковеда. Спецкурсы бывают двух категорий: поточные, читаемые для студентов всего курса независимо от различия в изучаемых ими языках, и кафедральные, читаемые каждой из выпускающих кафедр в соответствии со специализацией будущего выпускника по той или иной стране или региону. Кафедрой японской филологии ИСАА МГУ разработаны программы более десяти кафедральных спецкурсов, которые читаются в магистратуре для литературоведов и лингвистов.

А.В. Костикова в докладе на тему «Оптимизация образовательного процесса при использовании цифровых образовательных ресурсов на уроках японского языка» рассказала о том, какие ресурсы предлагает современное информационное пространство для школ города.

Т.И. Корчагина в докладе «Обучение японскому языку на неязыковых факультетах МГУ» говорила о том, что в настоящее время на неязыковых факультетах МГУ реализуются новые концепции преподавания японского языка, используются новые подходы и методики, опирающиеся на специфику избранной студентами специальности и количество часов, отведённых на обучение японскому языку.

А.Ю. Старикова в докладе «Детское творчество как средство повышения мотивации к изучению японского языка» рассказала о том, что активация творческих способностей обучающихся является одним из способов повышения мотивации к обучению. Многоаспектность японского языка и многообразие культуры Японии дают широкие возможности для реализации школьника в рамках изучаемого предмета.

В секции «Развитие языковых навыков» выступали Н.В. Власова (РГГУ), Г.Н. Воробьёва (Бишкекский гуманитарный университет, Киргизия), В.Е. Голубева (МГПУ), А.И. Сергеева (МГПУ).

Н.В. Власова в докладе «К вопросу о преподавании бенефактивных и залоговых форм» рассказала о создании единой, логически обоснованной схемы для понимания глаголов направленности действия и системы залоговых форм глаголов японского языка.

Г.Н. Воробьёва в докладе «Анализ структуры иероглифов и его использование в преподавании» предложила для решения части проблем, возникающих при изучении иероглифов, использовать методы линейной, иерархической и бинарной декомпозиции иероглифов. Путём декомпозиции установлены типы черт и минимальных семантических элементов 2136 иероглифов *Дзё:ё:кандзи*. На основе линейной и иерархической декомпозиции сложных иероглифов введено понятие поверхностного и глубинного понимания структуры иероглифов и разработан новый подход к их преподаванию.

В.Е. Голубева в докладе «О когнитивном подходе к изучению грамматических конструкций японского языка: на примере глаголов направленности действия» разбирала вопросы обучения грамматике на основе когнитивного подхода.

А.И. Сергеева в докладе «Методы контроля в процессе обучения японской письменности с точки зрения когнитивного подхода к обучению» предложила рассмотреть, «что» и «как» следует выносить на контроль при обучении японской письменности и письменной речи с точки зрения когнитивного подхода к обучению.

В секции «Современные тенденции в разработке дидактических материалов» выступали Н.Д. Крнета (ИСАА МГУ), А.В. Савинская (МГПУ), В.А. Федянина (МГПУ), А.С. Шиманская (МГЛУ).

Н.Д. Крнета в докладе «Презентация учебника японского языка для начального уровня «Шаг за шагом» рассказала о новом учебнике, созданном в Белградском университете и адаптированном для русскоязычных учащихся. Стихи и комиксы, включённые в учебник, призваны сделать изучение языка более увлекательным. Учебник предназначен для учеников средней и старшей школ, но может быть использован и на начальных уровнях изучения японского как второго языка в институте, а также для самостоятельного изучения основ японского языка.

А.В. Савинская в докладе «Использование интернет-ресурсов в процессе создания дидактических материалов по японскому языку (вуз, старший этап обучения)» представила теоретическое обоснование возможности использования интернет-ресурсов для обучения грамматике, рассказав об используемых в процессе обучения японских сайтах.

В.А. Федянина в докладе «Структура и содержание учебного пособия “История японского языка (фонетика и грамматика)”» раскрыла особенности данного учебного пособия.

А.С. Шиманская в докладе «О роли преподавателя в образовательном процессе и новых подходах к разработке учебных материалов по японскому языку» рассказала о сложившейся на сегодняшний момент ситуации, связанной с преподаванием японского языка в современной России, и о роли преподавателя в образовательном процессе, выделила принципы и методы, используемые для разработки учебных материалов по японскому языку.

В секции «Обучение японскому языку: ответ на потребности современного общества» выступали Р.И. Буландо (МГПУ), М.М. Киктева (ВШЭ), А.С. Коваленко (МГПУ), Л.В. Никитина (ИСАА МГУ).

Р.И. Буландо в докладе «Новые вызовы дидактики перевода в эпоху метамодерна» говорил о необходимости пересмотреть основы дидактики перевода с учётом особенности эпохи метамодерна, когда «мягкие» навыки (soft skills) играют такую же важную роль, как и «жесткие» (hard skills), на которые преимущественно и делается акцент в процессе обучения переводу.

М.М. Киктева в докладе «Проектная деятельность в изучении японского языка: направления, методы работы, анализ результатов» проанализировала планирование, проведение и результаты учебных проектов НИУ ВШЭ в 2017/2018 учебном году, посвящённых сравнительному переводоведению и лексическому анализу.

А.С. Коваленко в докладе на тему «Медиация как отдельный вид речевой деятельности» рассказала о важности такого вида речевой деятельности, как медиация в современной методике преподавания иностранных языков.

Л.В. Никитина в докладе «Традиции питания японцев как важный культурологический аспект в обучении японскому языку» говорила о ценности этой темы. Особое значение эта тема приобретает как предмет культурологии, который является неотъемлемым аспектом в обучении японскому языку.

В секции «Культурологический аспект в обучении японскому языку» выступали Т.М. Гуревич (МГИМО), А.В. Кудряшова (ИСАА МГУ), О.Р. Лихолетова (МГИМО), М.Н. Мизгулина (ГБОУ Школа № 1223, Москва), Л.Т. Нечаева (ИСАА МГУ).

Т.М. Гуревич в докладе «Афористика как средство освоения иноязычной языковой картины мира» говорила о важности использования пословиц, крылатых выражений, загадок на занятиях японским языком. Всё это расширяет знания студентов, позволяет им почувствовать японское восприятие картины мира.

А.В. Кудряшова в докладе «Преподавание “Пути Чая” как один из способов формирования культурологической компетенции студентов» рассказала об уроках чайной церемонии, проходящих в ИСАА МГУ, и представила новую книгу «Японское чайное действо: путь тишины», написанной в соавторстве с Е. Дьяконовой и Э. Кузьминовой.

О.Р. Лихолетова в докладе «Концепт “間” в японской лингвокультуре» рассмотрела один из основных концептов японской культуры «間 *ма*» и его вербализацию в японском языке. На основе концепта «間 *ма*» в японском обществе выстраиваются гармоничные отношения между человеком и окружающим миром. Понимание специфики рассматриваемого концепта способствует формированию культурно ориентированного подхода к обучению японскому языку, преодолению культурной дистанции в процессе общения с японцами.

М.Н. Мизгулина в докладе «Культурологический аспект в преподавании японского языка в средней школе» говорила о том, что основы использования иностранного языка как средства международного общения закладываются в школьном возрасте. Привлечение культуроведческих компонентов необходимо для достижения основной практической цели – формированию способности к общению на японском языке. При этом необходимо учитывать возрастные психологические особенности восприятия у детей школьного возраста, чтобы избежать перекосов при сопоставлении культуры родной страны и страны изучаемого языка.

Л.Т. Нечаева в докладе на тему «Воспитание на занятиях японского языка на основе концепта “義理”» раскрыла содержание этого концепта и показала, как можно использовать на практике основные положения *гири*.

На конференции были прослушаны 2 лекции, прозвучало 38 докладов. Также было проведено 4 мастер-класса. В ней участвовало 146 человек из 4 стран.

Все доклады, сделанные на конференции, были выслушаны с большим интересом. Полные тексты докладов будут опубликованы в сборнике «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания», который предполагается издать в 2019 г.

Поступила в редакцию 31.03.2019

Received 31 March 2019

Для цитирования: Нечаева Л.Т. О международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве» // Японские исследования. 2019. №2. С. 127–133. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10015

For citation: Nechaeva L.T. (2019). O mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yaponskiy yazyk v obrazovatel'nom prostranstve» [About the international scientific-practical conference “Japanese Language in Educational Space”], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 2: 127–133. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10015

Японские исследования. 2019. №2. С. 134–143.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 134–143.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10016

Дискуссионные проблемы современной японистики

Е.Б. Сахарова

Аннотация. 18–20 февраля 2019 г. в Москве прошла XXI ежегодная конференция «История и культура Японии», организованная Институтом классического востока и античности ВШЭ. Количество участников конференции превысило отметку в 70 человек, в связи с чем впервые значительная часть докладов была поделена на секции.

Ключевые слова: конференция, «История и культура Японии», Институт классического востока и античности.

Автор: Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, Институт классического востока и античности ВШЭ. E-mail: saharovae@gmail.com

Debatable issues of modern japanology

E.B. Sakharova

Abstract. A three-days 21th Annual International Conference “History and Culture of Japan” took place in Moscow at the Higher School of Economics on February 18–20, 2019. The conference was organized by the Institute for Oriental and Classical Studies of the Higher School of Economics. Over 70 papers were presented. The topics discussed during the conference included history, philology, arts, religion, philosophy, etc.

The 1st conference, organized by professor Alexandr N. Meshcheryakov, was held in May 1998. It was a one-day forum, and just 14 papers were presented. Since then, the conference has broadened both its geographical scope and the number of participants. It transformed into, first, a two-day and then a three-day forum. 13 volumes of selected papers were published, 12 of them in “Orientalia et Classica. Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies” series. As of now, the conference papers are published annually. The conference is a key event in Russian Japanology and the most representative forum in this field throughout the post-Soviet space.

Keywords: conference, History and Culture of Japan, Institute for Oriental and Classical Studies.

Author: Sakharova Evgeniya B., Ph.D. (History), Associate Professor, Department of the Far East and South-East Asia, Institute for Oriental and Classical Studies, Higher School of Economics. E-mail: saharovae@gmail.com

18–20 февраля 2019 г. в Москве прошла XXI ежегодная конференция «История и культура Японии». По традиции конференция началась с приветственных слов **И.С. Смирнова**, директора Института классического востока и античности ВШЭ.

Как и в прошлые годы, подавляющее большинство докладчиков были из Москвы (53 человека) и Санкт-Петербурга (13 человек); города Курган, Челябинск, Владивосток представляли по одному участнику. Также в работе конференции приняли участие исследователи из Японии (г. Киото и г. Кобэ) и Европы (г. Стокгольм).

Помимо 72 докладов разнообразной тематики, в рамках конференции состоялось отдельное заседание, посвященное презентации конкурса молодых переводчиков **Japanese Literature Publishing Project (JLPP)**. На нем выступили директор проекта **Огава Ясүхико**, ведущий японский русист профессор **Нумано Мицүёси** и известная японская писательница, лауреат премии Акутагавы, автор переведенной на русский язык книги «Весенний сад» – **Сибасаки Томока**. Нынешний 4-й международный конкурс переводов JLPP посвящён переводам на русский язык. Прекрасная возможность для начинающих переводчиков попробовать свои силы в художественном переводе и повысить квалификацию. Подробнее о конкурсе можно узнать на официальном сайте JLPP (URL: <https://www.jlpp.go.jp/en/competition4/>).

Все доклады можно условно разделить на четыре блока: Филология (16), История (37), Религия и философия (7), Искусство (12).

Филология. Л.М. Ермакова (Муниципальный университет иностранных языков г. Кобэ) в докладе «Об “алфавитах мира” в японской поэзии» размышляла о японских литературно-поэтических каталогах и представленной в них разметке мира. Тема обсуждалась в широком историческом контексте, начиная с китайского «Тысячесловия» и знаменитой японской Ироха-ута. Для исследователей каталогизированные перечисления и многочисленные словари поэтической лексики – чрезвычайно информативные культурообразующие тексты, требующие, однако, огромной работы для расшифровки и правильного понимания. Выступление **Е.М. Дьяконовой** (ИМЛИ РАН, ИКВИА ВШЭ) «Трактаты XV–XVI вв. об искусстве рэнга. По материалам “Сасамэгото” (“Шёпот”, 1463 г.) Синкэй и “Рэнга синсики” (“Новый свод правил рэнга”, 1501 г.) Сё:хаку» отчасти перекликалось с тематикой, затронутой Л.М. Ермаковой. В нём были рассмотрены два очень разных сочинения о правилах сложения рэнга. Трактат «Рэнга синсики» по преимуществу представляет собой словарь допустимой лексики. С помощью строгих правил и регламентаций, представленных в данных текстах, жанр рэнга превращался в каноничный и признанный.

Доклад **М.В. Торопыгиной** (ИВ РАН, ИКВИА ВШЭ) «Превращение китайской истории в японскую литературу: “Кара моногатари” (XII в.)» был посвящён повести, которую можно отнести и к жанру *сэцува*, и к жанру *ута-моногатари*. В основу всех 27 историй повести положены сюжеты из китайских произведений (точные китайские источники не установлены лишь для двух историй), что отражено и в названии – 『唐物語』, где «Кара» означает «Китай», «китайский». В каждом отрывке есть и стихи-*вака*. Изучение повести позволяет увидеть, как китайские сюжеты врастают в японскую литературную традицию – как прозаическую, так и поэтическую.

В докладе **А.С. Оськиной** (ШВ ВШЭ) «“Дорожные записи монахини Абуцу” (“Абуцу-бо кико:”): связь с литературной традицией» обсуждались путевые заметки, написанные Абуцу в 1279 г. в связи с её путешествием из Киото в Камакура. Путевые впечатления и записи обусловлены культурным и литературным багажом путешественника, именно через

их призму оказывается возможным увидеть и запечатлеть окружающий пейзаж. **А.И. Ковалевская** (РАНХиГС) в выступлении на тему «Взаимодействие драматических жанров и “Сказания о Ёсицунэ” на примере сюжетов об усмирении стихии и переходе заставы» проанализировала вариации сюжетов «Сказания о Ёсицунэ» (XV в.) в пьесах *ковака-маи* и пришла к выводу о фольклорном, а не авторском происхождении сказания. В докладе **А.А. Мухамедовой** (ИСАА МГУ) «Представление о лисице-*кишунэ* в средневековой Японии» заявленная тема была рассмотрена на материале разножанровых источников.

А.Ю. Борькина (ВШЭ СПб) в своём докладе «Дзиппэнся Икку и Сикитэй Самба – эклектика личности творца в контексте литературы гэсаку» рассказала о том, какими людьми предстают два крупнейших писателя этого жанра в источниках эпохи Эдо. Основным источником исследования послужило сочинение знаменитого писателя Кёкутэй Бакин (1767–1848), лично знавшего обоих литераторов – «Каталог современных столичных писателей» (1834 г.). Реальные факты биографии здесь явно соседствуют с мифологическими. Например, якобы Икку поручил ученикам после его смерти положить в карманы его одежды мешочки с порохом, благодаря чему кремация превратилась в весёлый фейерверк. Но в контексте выстраивания в культуре образов писателей данного жанра представляют интерес как реальные, так и легендарные факты.

А.А. Долин (ШВ ВШЭ) («Мемориальные стелы Масаока Сики и проблемы поэтической эпиграфики») рассказал об интереснейшем феномене – появлении в современной Японии мемориальных каменных стел поэтов, писателей и деятелей культуры. Причём центральное место занимают стелы со стихами выдающегося поэта и реформатора японской поэзии Масаока Сики (1867–1902), их насчитывается несколько тысяч – явление беспрецедентное для японской культуры.

Три доклада были посвящены трём крупнейшим писателям XX века. **О.А. Забережная** (ШВ ВШЭ) в докладе на тему «Жанровое своеобразие прозы Сиги Наоя» проанализировала особенности прозы писателя (1883–1971), главная из которых – симбиоз прозаического и поэтического жанров. Под поэтической составляющей имеются в виду не стихи как таковые, а сильное лирическое начало и особый «поэтический дух». **Э.С. Шорохова** (ИВКА РГГУ) в докладе «Влияние христианства на жизнь и творчество Дадзай Осаму» исследовала пока ещё мало разработанную в историографии проблему христианского влияния на замечательного писателя Дадзай Осаму (1909–1948). **М.Г. Селимов** (ИВКА РГГУ) в выступлении на тему «Женская красота в трактовке писателя Танидзаки Дзюнъитиро на материале эссе “Любовь и сладострастие”» рассмотрел представления зрелого Танидзаки о женской красоте. Эссе было опубликовано в нескольких частях в 1931 г. в женском журнале «Фудзин ко:рон», основной его целью было помочь японским женщинам преодолеть телесный комплекс неполноценности перед западными стандартами. Танидзаки в этой работе ставит японских женщин выше европейских.

А.С. Шиманская (ИМО и СПГ ФГБОУ ВО МГЛУ) в докладе «Понятие “камбан” в японской культуре и языке» подробно рассмотрела основные лексические значения японского термина «камбан» (вывеска), разновидности и функционирование разных вывесок в современной японской культуре. **А.Д. Мозгунова** (МГПУ ИИЯ) («Прагматическая функция фразеологических единиц и пословиц и их трансформация в текстах японской рекламы») проанализировала функционирование фразеологизмов и пословиц в рекламных текстах, учтя и нередкие случаи их трансформации. Доклад **К.А. Прокофьевой** (ВШЭ СПб)

«Схожие формы мышления и поведения в японской и русской культурах» был посвящён поиску близких речевых и поведенческих моделей в двух культурах.

Два доклада были посвящены современной японской литературе. **М.Н. Малашевская** (Восточный ф-т СПбГУ) в докладе «Литература и дипломатия: романы Кумано Акира “За даль земли – повесть об Илье” и Симада Масахико “Любовь на Итурупе” на фоне российско-японских отношений в первое десятилетие после холодной войны» рассмотрела представленные в романах общие концепции и представления о России 1990-х годов и проанализировала, как они влияли на выработку общеполитического курса в русско-японских отношениях, а также на изменение межкультурного взаимодействия двух стран. **Е.К. Остапчук** (Восточный ф-т СПбГУ) (тема выступления: «Токио Достоевского: влияние русского классика на современного японского писателя Накамура Фуминори») исследовала влияние и развитие идей Ф.М. Достоевского в романах известного японского писателя Накамура Фуминори (род. в 1977 г.), не переводившегося пока на русский язык. Богатый материал для исследования дают образы холодных и враждебных человеку Санкт-Петербурга и Токио, а также склонность обоих писателей помещать размышления о фундаментальных проблемах в криминальный контекст.

Доклады *исторической* проблематики хронологически распределяются следующим образом: древность до эпохи Хэйан включительно (6), период Муромати (1333–1467) – 2, эпоха Токугава (10), Мэйдзи (10), XX век (6), современная история (3).

В докладе **С.А. Родина** (ИКВИА ВШЭ) «Древнеяпонские стелы исибуми» были проанализированы практически все дошедшие до нашего времени каменные стелы с надписями VII–VIII веков, особое внимание было уделено анализу вырезанных на стелах текстов.

5 докладов посвящены эпохе Хэйан (794–1185). **Н.В. Власова** (ИВКА РГГУ, ИКВИА ВШЭ) в докладе «К вопросу о редакциях дневника Эннина» поделилась результатами текстологического исследования, позволившего в ряде случаев установить, когда дошедший текст отредактирован уже после смерти Эннин (794–864), а в каких самим автором. Доклад **Д.В. Трухан** (ИСАА МГУ) «Крупнейшие землетрясения древней и раннесредневековой Японии и их интерпретация при императорском дворе» был посвящён изучению реакции двора на крупнейшие землетрясения на материалах официальных хроник и дневниковых записей придворных чиновников. **М.В. Грачёв** (ИСАА МГУ) в докладе «Благородные мужи» в «стольном граде мира и спокойствия»: злонравие и злодеяния знатных особ в эпоху Хэйан» обратился к тёмным и неприглядным сторонам жизни хэйанской аристократии, зачастую идеализируемой как в японской, так и в европейской традиции. **А.Д. Пятаева** (ИСАА МГУ) представила результаты изучения «Родов и родильной обрядности в эпоху Хэйан». **М.А. Геворгян** (МГУ) проанализировала особенности «Паломничества женщин в эпоху Хэйан».

Истории средневековой Японии было посвящено лишь два доклада, оба по периоду Муромати. **П.В. Голубева** (ИСАА МГУ) в докладе «Модель описания правления императора в сочинении Китабатакэ Тикафуса “Дзинносётоки”» рассказала о результатах формально-количественного анализа этого важнейшего для историко-политической мысли Японии текста. Учёному удалось выделить обязательные и дополнительные характеристики в описании японских государей. **Е.Б. Сахарова** (ИКВИА ВШЭ) доклад «Корёское посольство 1366–1367 гг. и “Записи официальных посланий чужеземных стран” (“Икоку тё:дзё:ки”,

1367 г.)») рассказала о посольстве из корейского государства Корё, присланном с просьбой (а по сути – с требованием) усмирить японских пиратов, терроризировавших южное побережье Корейского полуострова. История данного посольства, пришедшегося на переходный и турбулентный для всего дальневосточного региона период, ярко иллюстрирует процесс поисков и выработки новых идеологических моделей как в корейской, так и в японской политической культуре.

Из докладов по эпохе Эдо четыре были посвящены исторической географии. **М.М. Киктева** (ШВ ВШЭ) в выступлении на тему «Карта Японии из энциклопедии “Токай сэцуё: хяккацу.” (1802): источники, структура, содержание» остановилась на анализе карты мира, помещённой в рассматриваемой популярной энциклопедии, сопоставив её с более ранними картами Гёги и Рю:сэн. **А.Б. Шарова** (ИСАА МГУ) в докладе «Описание России в географическом труде Утида Масао “Ёти сиряку”» проанализировала помещённое в 30-томной японской энциклопедии «Краткое описание мира» (печатались с 1870 по 1880 г.) описание России. **С.И. Голубченко** (ИСАА МГУ) («Акисато Рито – основоположник жанра мэйсё дзуэ») рассказала о жизни и деятельности писателя и поэта Акисато Рито, ставшего одним из основателей жанра иллюстрированных описаний достопримечательностей. Показательно, что первые произведения в этом жанре посвящены Киото и провинциям района Кинай. К этим докладам примыкает и выступление **Е.К. Симоновой-Гудзенко** (ИСАА МГУ), также посвящённое исторической географии, но охватывающее гораздо более широкий хронологический срез – «Изображение зарубежных стран на картах типа Гёки XIV–XVIII веков». Исследование основано на обширном картографическом материале и учитывает сведения как японской, так и китайской, корейской и европейской картографии.

Четыре доклада были посвящены разным аспектам русско-японских отношений. **К.М. Карташов** (Стокгольмский университет) в докладе «Жизнь и судьба Дайкокуя Кодая после возвращения в Японию», основываясь в первую очередь на японских источниках, рассказал о том, как складывалась жизнь Кодая (1751–1828) по возвращении на родину. Кодая, проживавший в Эдо, общался с широким кругом людей, таким образом, распространённый тезис о его изоляции не вполне корректен. **В.В. Щепкин** (ИВР РАН) в докладе «Мацудайра Саданобу и Россия: от “красных людей” к “соседнему государству”» проанализировал эволюцию взглядов крупнейшего политического деятеля рубежа XVIII–XIX веков Мацудайра Саданобу (1759–1829) на Россию и перспективы установления отношений с ней. В основу исследования положены труды самого Саданобу. **В.Ю. Климов** (ИВР РАН, РХГА, ВШЭ СПб), уже рассказывавший о подарках миссии Н.П. Резанова (1764–1807), на этот раз сделал доклад о новом источнике – найденной в Японии двусторонней ширме, к которой прикреплены листы бумаги с изображением наиболее значимых подарков российской стороны за подписью главы миссии (тема доклада: «Новый источник по миссии Н.П. Резанова (1804–1805) (ширма из японской частной коллекции)»). В докладе **О.В. Климовой** (ВШЭ СПб) «Вторая экспедиция Хвостова и Давыдова на Курильские острова в 1807 г. (по журналу Давыдова)» рассмотрены данные малоизвестного дневника Г.И. Давыдова (1784?–1809), в котором содержатся сведения не только об экспедиции 1807 г., но и общие факты о Японии того времени.

А.М. Горбылёв (ИСАА МГУ) выступил с докладом «Боевое мастерство или вассальный долг? Концепция места и содержания обучения фехтованию в системе воспитания буси в середине – второй половине XVII века в школе Сэкиун-рю». В исследовании

анализируется концепция «Пути», предложенная основателем школы Харигая Сэкиун (около 1590–1662). Отмечается сплав техники и методики фехтования с идеями Дзэн-буддизма и конфуцианства. **В.С. Фирсова** (ОЛСАА БАН, РХГА, ВШЭ СПб) выступила на тему «История японских библиотек: с древних времен до эпохи Мэйдзи», уделив особое внимание периоду Токугава.

Эпохе *Мэйдзи* было посвящено 10 докладов. В трёх из них речь шла о восприятии Японии европейцами. В докладе **М.И. Гришина** (Государственный институт искусствознания) «Образы Японии древней и Японии модернизирующейся в художественной прозе и эссеистике Л. Хирна» речь шла о том, какой увидел Японию эпохи мэйдзийских преобразований знаменитый американский журналист и писатель. **А.С. Тюнева** (ИСАА МГУ) (тема выступления «Японские женщины в представлениях Карла Петера Тунберга (1743–1828)»), основываясь на записках шведского ученого-натуралиста К.П. Тунберга, проанализировала его представления о японских женщинах и их отличиях от европейских. **Д.С. Букин** (ФГБОУ ВО «ЧелГУ») в докладе «Образ Японии в общественном мнении Великобритании второй половины XIX – начала XX века» рассмотрел динамику изменения образа Японии в Англии за указанный период.

С.А. Дубков (ИСАА МГУ) в докладе «Дискуссия 80-х годов XIX века по вопросу использования традиционных боевых искусств в системе физического воспитания в школах и роль комиссии Министерства просвещения в её разрешении» подробно рассмотрел, какие плюсы и минусы включения боевых искусств в школьную программу выделила в своём отчёте специальная министерская комиссия, созданная в 1883 г.

А.Н. Мещеряков (ИКВИА ВШЭ) проанализировал сочинение Хага Яити «Десять этюдов о национальном характере», написанное известным японским филологом в 1907 г. В период 1938–1945 гг. книга переиздавалась 16 раз, все её положения вошли в главный текст японского тоталитаризма «Кокутай-но хонги». По сути, это восхваление национального японского характера, главной особенностью которого Хага считал преданность императору и патриотизм. Хотя обычно считается, что Япония встала на путь тоталитаризма в 30-е годы, анализ этого произведения показывает, что основа для тоталитаризма была заложена гораздо раньше.

И.В. Мельникова (университет Досея, г. Киото) выступила с докладом на тему «Первые научные журналы в Японии». С 1872 г. в Японии издавался англоязычный научный журнал Азиатского общества в Японии – «Научные записки Азиатского общества Японии» (Transactions of the Asiatic Society of Japan). Журнал был создан первопроходцами западного японоведения. Двумя годами позже, в 1874 г., стартовал первый японский научный журнал «Мэйроку дзасси» (1874–1875). Одной из главных целей этого журнала было вписать японскую культуру в общемировой контекст. Сопоставление содержания англоязычного и японского журналов позволило проследить влияние западного востоковедения на формирование новой концепции национальной истории и классической литературы.

М.Ю. Бочарова (РГГУ) рассмотрела «Роль портрета императора Мэйдзи в эпоху перемен», сопоставив изображения японского императора с фотографиями и портретами европейских монархов. **М.В. Сковоронских** (ВШЭ) в докладе «Сиракава Кинсуй: жизнеописания выдающихся женщин в эпоху модернизации» проанализировал особенности труда поэтессы и историка Сиракава Кинсуй (1856–1890) – «Жизнеописания выдающихся японских женщин, составленные женщиной-историком», сочетающего как традиционные

конфуцианские идеалы, так и новаторские элементы. **А.В. Климов** (ВШЭ СПб) рассказал об «Этническом составе и численности населения острова Сахалин в XIX веке». Исследование основывается на архивных материалах, источниках на русском и японском языках. Доклад **О.А. Наливайко** (ИСАА МГУ) «Повседневная жизнь японской семьи эпохи Мэйдзи» был посвящён культуре питания японцев в эпоху Мэйдзи. Исследование основано на кулинарных пособиях конца XIX века и гастрономическом романе Гэнсай Мураи (1863–1927) «Наслаждение от приёма пищи» (Куй до:раку, 1903).

XX веку были посвящены 6 выступлений. **Д.В. Андреева** (Цирк Никулина) и **К.А. Спицына** (независимый исследователь) в совместном докладе «Ипподром Нэгиси в Иокогаме: экскурс в историю» рассказали о судьбе первого в Японии ипподрома западного образца, открывшегося в 1867 г. и просуществовавшего до 1942 г. **Е.М. Османов** (СПбГУ) в докладе «Японские денежные знаки на Дальнем Востоке России в годы русско-японской (1904–1905) и гражданской (1917–1923) войны» представил результаты исследования этой почти не изученной темы, отметив, что внедрение японской иены на территории российского Дальнего Востока было частью японской экспансии в период гражданской войны и японской интервенции на Дальнем Востоке. Военная экспансия сопровождалась экспансией финансово-экономической. В целом японские банкноты пользовались спросом у населения, например, в Николаевске японская иена находилась в обращении вплоть до 1927 г. **Л.В. Овчинникова** (ИСАА МГУ) в выступлении на тему «Эффективность японской правовой системы в колониальной Корее» отметила тот факт, что Япония с осторожностью внедряла нормы своего права в Корее, на протяжении всего периода колонизации продолжали действовать корейские нормы обычного права. **К.В. Щуплецова** (Дипломатическая академия) в докладе «Япония глазами Третьего Рейха на примере работы “Самурай – рыцарь империи в чести и верности” Х. Корацца» проанализировала эссе Хайнца Корацца (близкого к рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру), отметив, что его идеализированные представления о самураистстве могли быть известны в среде солдат СС. **А.В. Маслова** (РАНХиГС) в выступлении на тему «Дискуссии о послевоенном государственном устройстве Японии в среде японской творческой интеллигенции в 1940-е – 1970-е годы (на примере эссеистики Мисима Юкио)» проанализировала поиски новых моделей государственного устройства в японском обществе после поражения в войне на материале публицистики Мисима Юкио (1925–1970). **А.К. Улаханова** (МГУ) (доклад «Япония глазами советских журналистов») представила результаты сопоставительного анализа посвящённых Японии произведений Б.А. Пильняка (1894–1938), В.В. Овчинникова (род. в 1926 г.) и Ю.В. Тавровского (род. в 1949 г.), то есть представителей трёх поколений отечественной публицистики.

Три доклада посвящены разным проблемам современной истории. **М.С. Болошина** (РХГА) в выступлении на тему «Особенности рассмотрения темы русско-японских военных конфликтов в публикациях журналов “Мадо” и “Муза”» проанализировала особенности освещения военных конфликтов в двух современных журналах профессиональных японских русистов. В целом подача материала способствует преодолению господствующих в Японии стереотипов о России как о страшной, представляющей угрозу стране.

Автор доклада «Культурные традиции и японская медицина» **Е.Е. Рябова** (Мед. ф-т МГУ) дважды была участницей научно-клинических стажировок российских врачей в японских больницах, благодаря чему смогла увидеть работу японских больниц и медиков изнутри. Несмотря на то, что доклад состоялся в вечернюю сессию, когда усталость заметно

урежает количество вопросов и время обсуждения, неожиданный для большинства участников профессиональный взгляд на особенности функционирования современной японской медицины вызвал всплеск живого интереса.

В докладе **И.С. Тихоцкой** (Геогр. ф-т МГУ) «Планы Японии по созданию устойчивого общества и образ жизни японцев» был проанализирован последний японский план по охране окружающей среды (2018), подразумевающий изменение менталитета и образа жизни современных японцев.

Из докладов по *Религии и философии* три были посвящены русской православной миссии в Японии. **А.А. Черепня** (Николо-Угрешская семинария) рассказал о «Токийской Православной семинарии», её истории, учебном плане, методах преподавания. **И.Ю. Смирнова** (Ин-т Российской истории) в докладе «Святитель Николай Японский и Православный Восток» рассмотрела проблемы российского церковного и дипломатического присутствия на Ближнем и Дальнем Востоке, выяснила основные задачи церковной дипломатии за рубежом. Исследование основывается на анализе переписки Николая Японского (1836–1912), основателя Православной миссии в Японии, с афонскими старцами и главой православной миссии в Иерусалиме. **И.В. Кузьмина** (Николо-Угрешская семинария) представила презентацию первых двух томов 10-томного научно-издательского проекта «Собрание трудов равноапостольного Николая Японского». Проект осуществляется Николо-Угрешской духовной семинарией при содействии и поддержке Отдела внешних церковных связей. Первые два тома содержат официальную переписку Николая Японского.

Два доклада относятся к периоду Камакура (1185–1333). В выступлении **М.В. Бабковой** (ИВ РАН) «Заметки Кокана Сирэна в первой исторической хронике японского буддизма» речь шла о последних трёх главах («заметки», 志, яп. *си*) сборника жизнеописаний буддийских монахов «Гэнко: сякусё» («Буддийские записи годов Гэнко:»), составленного Кокан Сирэн (1278–1346). Поскольку в этой части памятника содержится больше всего авторских размышлений и замечаний, «заметки» могут стать ключом к пониманию общих задач, стоявших перед автором, а также особенностей композиционной структуры памятника. **М.С. Коляда** (РАНХиГС) в докладе «Философия “мити” в литературе сэцува: “Кодзидан”» интерпретировала структуру сборника сэцува «Кодзидан» (сост. 1212–1215 гг.), оказавшего влияние на последующую литературу данного жанра, в контексте философии «мити». Именно влиянием философии «мити» объясняет исследовательница соседство в сборнике бытовых и частных историй с историями о событиях государственного масштаба, ведь с точки зрения этой философии нет ничего незначительного и недостойного внимания.

А.Р. Садокова (ИСАА МГУ) (тема доклада «Бимбогами – бог Бедности. Или бог Богатства?») рассмотрела историю формирования образа бога Бедности в народной культуре и фольклорных текстах, отметив возможность его трансформации в бога Богатства. **Ю.Н. Данилова** (Курганский краеведческий музей) («Бинарность восточного образа мышления на примере изображений ворона и цапли в японской литературе и искусстве») попыталась на конкретных примерах охарактеризовать особенности японского образа мышления.

Из докладов по *Искусству* 4 были посвящены традиционному японскому театру. **А.А. Федорова** (ИКВИА ВШЭ) в докладе «Театр Кабуки в России (1928): объект исследования, ностальгии, критики» на материале печатных и архивных источников, а также новейших японских исследований проанализировала, как со временем менялись оценки и восприятие

первых в истории театра Кабуки заграничных гастролей. **Н.М. Никифорова** (РГГУ) рассмотрела «Метаморфозы театра Кабуки в разные периоды истории Японии». В выступлении **А.П. Бурякиной** (ИФ РАН) на тему «"Скульптура души": эстетика действия Но в работах японских исследователей начала XX века» было рассмотрено влияние западного искусствovedения на описательный аппарат японских исследователей театра Но периодов Мэйдзи (1868–1912) и Тайсё (1912–1926).

Л.П. Тимофеева (Мастерская индивидуальной режиссуры) в докладе «Японский традиционный театр на русской сцене. Опыт постановки спектакля "Синяя птица" в Электротейатре» на материале видеозаписей репетиций и тренингов, проводившихся в ходе постановки спектакля (премьера состоялась в 2015 г.), выделила отдельные сценические и исполнительские приёмы, позаимствованные у театра Но.

Два доклада, посвящённых музыке, затрагивали проблемы религиозной музыкальной традиции. **М.В. Есипова** (Московская консерватория, ГИИ) (тема выступления – «Японская дзэнская флейта *сякухати* и ближневосточная суфийская флейта *най*. Типологическое или генетическое родство традиций?») сопоставила предания о происхождении японской флейты *сякухати* и суфийской – *най*, проанализировала иконографические свидетельства об этих инструментах и пришла к выводу об их генетическом родстве. **Н.Ф. Клобукова (Голубинская)** (Моск. консерватория) в докладе «Тит Наосиро Като и "золотой век" японского православного пения» рассказала о замечательном дирижере и композиторе Като Наосиро (1907–2008), с творческой деятельностью которого связан взлёт православного пения в Японии. При нём православное пение перешагнуло конфессиональные рамки: были выпущены три CD диска, концерты православного пения проходили по всей Японии.

А.А. Егорова (Государственный Эрмитаж) (доклад на тему «"Прелестные эскизы" и "Grotesque": русские источники второй половины XIX века об искусстве Японии») проследила эволюцию восприятия японского изобразительного искусства в России второй половины XIX столетия. Исследование основано на свидетельствах путешественников, каталогах выставок, проводившихся в Москве и Санкт-Петербурге в 1880-е – 1990-е годы, сведениях прессы (в том числе юмористических фельетонов и карикатур), а также на зафиксированных в дневниках и мемуарах впечатлениях зрителей. **А.Ю. Паюк** (СПГХПА им. А.Л. Штиглица) в выступлении на тему «Синтез ориентализма и элементов Ренессанса в творчестве Фудзисимы Такэдзи (на примере картины "Девушка с орхидеей")» проанализировала творчество художника (даты жизни 1867–1943) в контексте сплава ориентализма и достижений европейской живописи. **Е.О. Тягунова** (СПГХПА им. А.Л. Штиглица, галерея «Касугаи») в выступлении на тему «Движение *син-ханга* (новой гравюры) в начале XX века: традиции и новации» рассмотрела особенности одного из направлений развития гравюры, в рамках которого шёл пересмотр традиционной гравюры *укиё-э* с учётом достижений европейского искусства.

В докладе **А.В. Кудряшовой** (ИСАА МГУ) «"Путь Чая" и финансовая олигархия Японии в эпоху Мэйдзи (1868–1912)» речь шла о росте интереса к чайной церемонии в среде японской финансовой олигархии со второй половины эпохи Мэйдзи. Поначалу чайная церемония использовалась для закрытых обсуждений и переговоров, затем возникла мода на коллекционирование старинной чайной утвари, наконец, в периоды Тайсё и Сёва (1926–1989) многие представители олигархии сами становятся мастерами чайной церемонии. **О.А. Хованчук** (ДФУ) (доклад «Отражение цветовой культуры Японии в исторических

документах») попыталась проанализировать разножанровые источники, зафиксировавшие классификации цветовой гаммы одежды. Докладчица проходила обучение искусству окрашивания тканей у японских мастеров и обладает не только теоретической, но и практической подготовкой.

Как видно из вышеприведённого краткого изложения, на конференции были представлены все периоды японской истории. При этом заметно возросло число исследований по периодам Эдо, Мэйдзи, XX веку; такой рост наблюдается в области и филологии, и истории, и искусствоведения. Исследований по средневековой истории Японии по-прежнему немного, отчасти это компенсируется тем, что в последнее время появляются работы, в том числе и монографии, по средневековой литературе, религии, философии.

По завершении работы конференции, как всегда, состоялось неформальное общение. Многие участники отмечают по-настоящему тёплую, семейную атмосферу конференции. Будем надеяться, что и в условиях постоянного роста числа участников (в 2018 г. было 50 докладов, в нынешнем – 72), удастся найти удачный формат и сохранить как высокий уровень докладов и обсуждений, так и дружественную, по-домашнему уютную атмосферу.

Поступила в редакцию 23.04.2019

Received 23 April 2019

Для цитирования: Сахарова Е.Б. Дискуссионные проблемы современной японистики // Японские исследования. 2019. №2. С. 134–143. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10016

For citation: Sakharova E.B. (2019). Diskussionnyye problemy sovremennoy yaponistiki [Debatable issues of modern japanology], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 2: 134–143. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10016

Научное издание

Японские исследования
№ 2, 2019

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	Е.В. Белилина
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков

Дата публикации:	01.07.2019
------------------	------------

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32, ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 2, 2019

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	E.V. Belilina
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov

Date of issue:	1 July 2019
----------------	-------------

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日
本
研
究